

Владимир Машиков

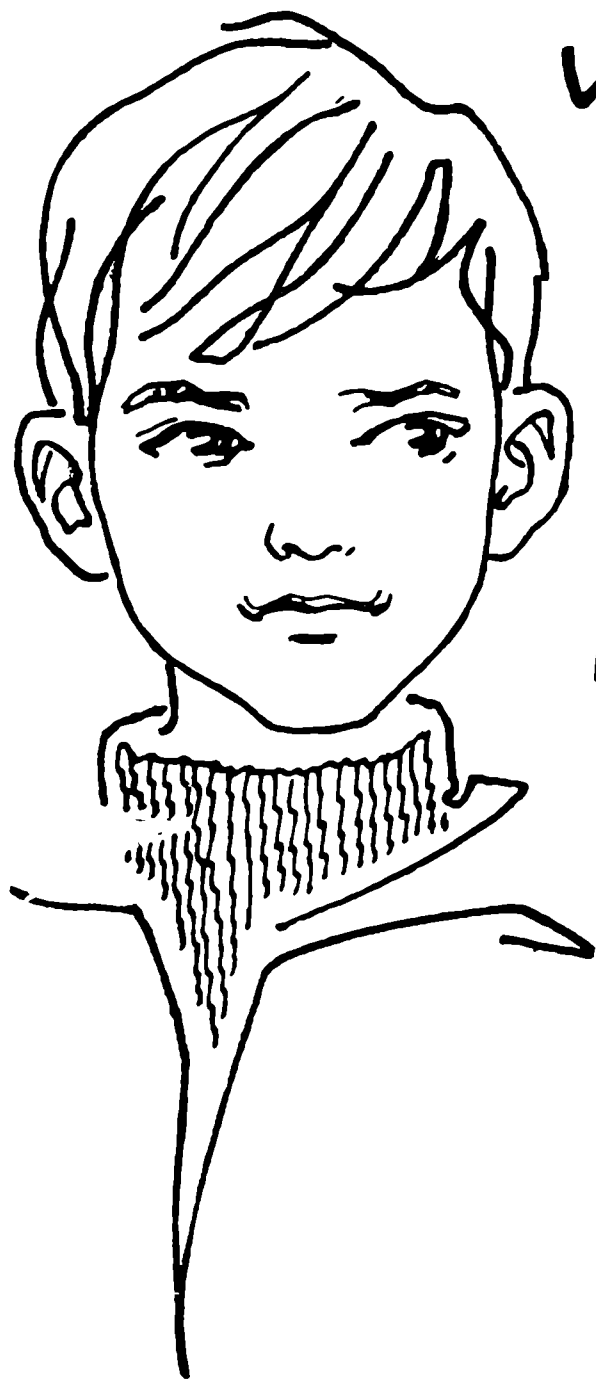
МЕЖДУ "А И Б"

Владимир Машков

МЕЖДУ

„А И“

П о в е с т ь

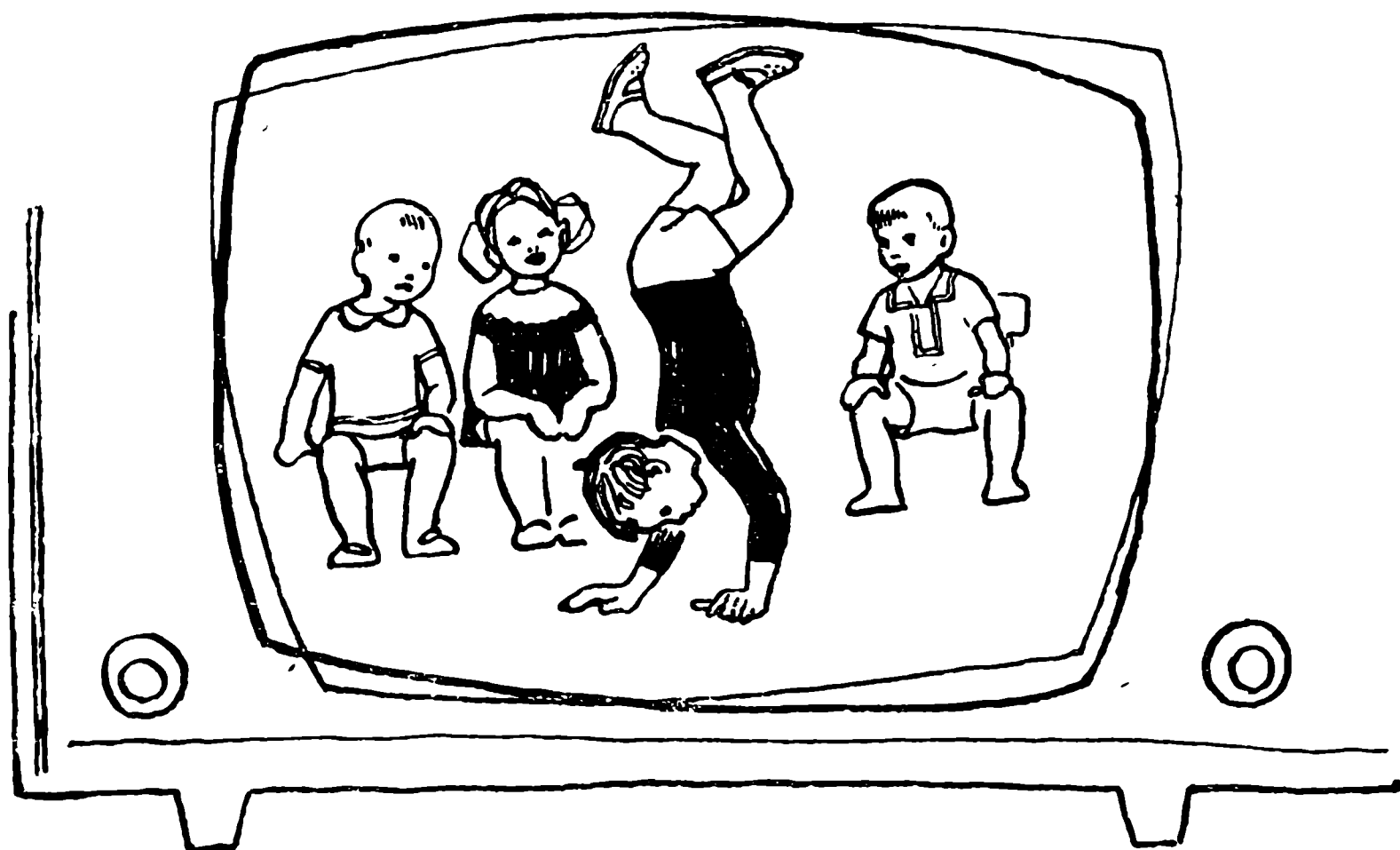

Издательство «Беларусь» • Минск 1966

Эта повесть — о веселом и неугомонном мальчишке Валерке Коробухине. О том самом Валерке, который своими проказами так надоел ребятам из 6 «А», что они попросили директора школы перевести его в 6 «Б». Но и 6 «Б» не пришел в восторг от такого «пополнения», и оказался Валерка между «А» и «Б». А ведь он мог скатиться на лыжах с самого крутого склона, мог отважно гасить лесной пожар, придумывать самые веселые дела. Он просто ненавидел скуку, и вскоре в 6 «А» поняли, как им не хватает Валерки. Но и 6 «Б» разобрался в своем новом товарище и тоже не хочет с ним расставаться.

«Между «А» и «Б» — веселая книга. Мы уверены, что вы с интересом ее прочтете.

Художник В. Егоров

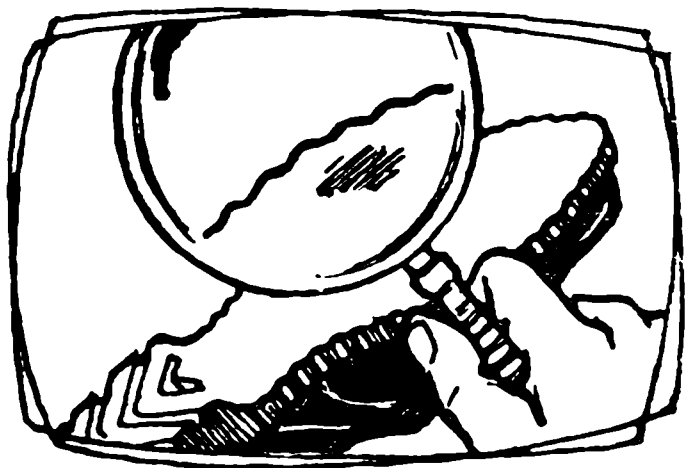
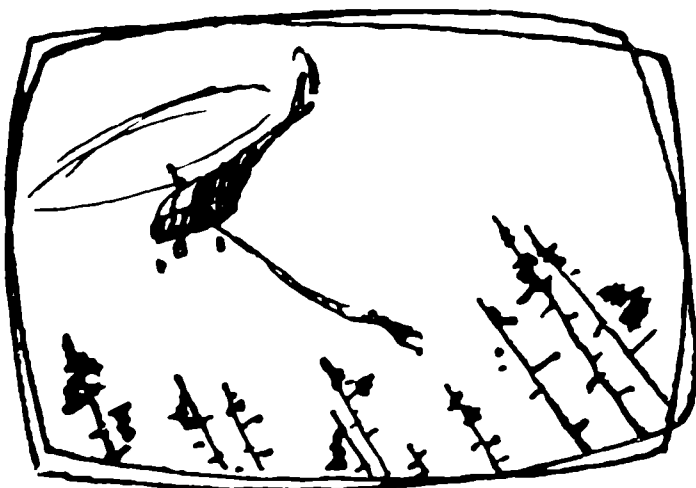

**„РАСТОЛКАЙТЕ ВЫ ЭТОГО
НАРУШИТЕЛЯ...“**

А меня один раз по телевизору показывали! Это было, когда я еще в детский сад ходил. Знаете, в тот самый, который при выходе из парка.

Однажды к нам в сад явилась какая-то тетя с круглыми очками на носу. Тетя сказала, что по телевизору будут показывать концерт из нашего детсада, но покажут только одаренных детей, а остальные должны сидеть вокруг и делать вид, что им очень весело. И ни в коем случае не шуметь, а только хлопать в ладоши.

Я, конечно, оказался неодаренным и попал в ту компанию, которая сидела вдоль стен и вовсю изображала, как им весело. Наконец это мне надоело. И когда я увидел, что телекамера нацели-

лась прямо на меня, мгновенно встал на руки, прошел несколько шагов, ловко соскочил на ноги, улыбнулся и начал раскланиваться. Как настоящий артист. Телекамера все еще смотрела на меня, и мне даже показалось, что я слышу, как хлопают зрители, которые сидят дома у своих телевизоров.

Но вот телекамера взглянула уже на настоящего одаренного ребенка, а тетя в круглых очках оттащила меня в сторону и сказала, что если я, Валерка Коробухин, буду срывать передачу, то она не знает, что со мной сделает.

Так меня один раз показывали по телевизору.

И вообще тогда, когда я был маленьким, передачи в сто раз интереснее были, чем сейчас.

Вот фильм показывали — я таких фильмов давно не видел. Там наши за шпионом гнались. Сперва на лошади, потом на машине... А тот все равно удрал. Успел, понимаете, в самую последнюю минуту уцепиться за вертолетную лестницу — и удрал. Но туфля шпионская — он ее в спешке потерял — попала в руки следователя. И тот — никогда бы не поверил, если бы сам по телевизору не ви-

дел — по туфле нашел шпиона. Он днем и ночью изучал туфлю, как будто это была книга «Двадцать лет спустя». И как-то заметил на подошве след сигареты, иностранной, конечно.

Следователь сразу приободрился, сбрил бороду, которая у него за это время выросла, потому что он целый месяц, никуда не выходя, корпел над туфлей, и позвонил начальнику.

— Барк у нас в руках...

И вот Барк преспокойненько топал по аллее парка и дымил сигаретой. Выкурил, плюнул на нее и притоптал каблуком к асфальту. А следователь из-за кустов:

— Руки вверх, Барк, он же — «кукла», он же — «госпожа»! Просчитались? Наши люди бросают окурки в урну. Понятно?

Барк побледнел и поднял руки.

Да, фильм был — не оттянуть от телевизора!

А сейчас — скучища... Мама говорит: «Правильно, так и надо. Умные люди на студии работают, у самих, наверное, дети есть. Скучные передачи для того пускают, чтобы ребята сами выключали телевизор и садились за уроки или помогали мамам по хозяйству».

Может, мама и права, но все равно скучно. Как у нас на сборах.

Вот недавно был сбор. Назывался он «Для чего мы учимся?» Странные люди — «для чего мы учимся»? Как будто не понятно! Для мам, чтобы они гордились нами, когда мы получаем пятерки, и для учителей, чтобы они нам эти пятерки ставили...

Для чего ж еще?

Галка Новожилова, — это наш председатель со-

вета отряда,—растягивая слова, сказала: «Чтобы ты явился, Коробухин, тебя разбирать будем». Она всех ребят по фамилии называет, для солидности.

Я, честно говоря, сдрейфил. Потому что двоек у меня — не одна, не две, а раза в три больше. Галстук достал, гладил его долго, чуть он у меня не сгорел. Пришел в зал, тихо сел с краю, тихо смотрю и слушаю.

На сцене вот что происходит. Выходят девчонки и по шпаргалкам — а еще отличницы! — бойко шпарят доклады: «Учение — свет, а неучение — тьма», «Пятерки — наши путеводные звезды», «Знания — наши крылья»... И все так гладко и ловко. А про нас, про двоечников, и ни слова, и ни полслова, и ни вот столечки не говорят. Ну, думаю, красота...

А доклад идет за докладом, и все такие длинные... И чувствую я, что веки мои слипаются, а голова так и клонится к спине рыжего Вовки Шлыка, который сидит впереди меня.

Заснул я, ребята! А скажу вам по секрету, по ночам я жутко храплю. Даже мама, привыкшая к моему храпу и свисту, и то иногда испуганно вскакивает и ругается:

— Совесть у тебя нет. Целый день на ногах, дай хоть ночью отдохнуть.

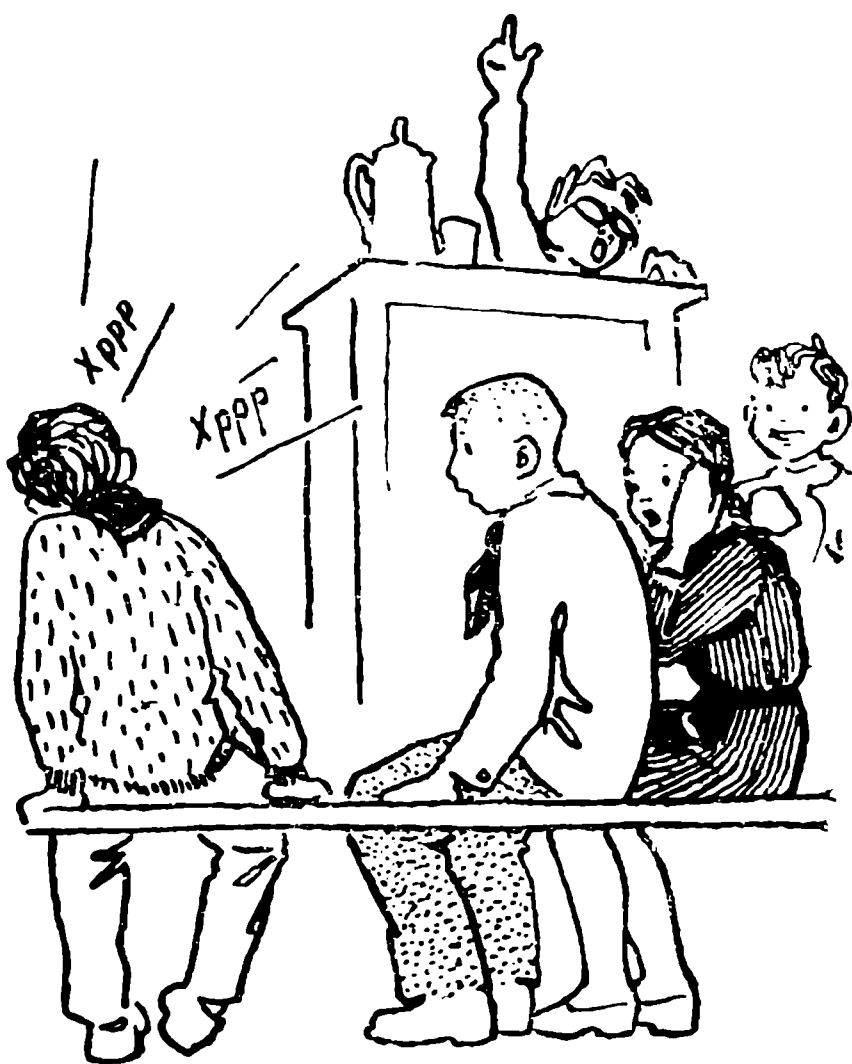
Я говорю:

— Я больше не буду, мама.— И засыпаю.

Так вот, на сборе, как раз когда наш очкарик — Ленька Александров с трибуны сказал: «У нас есть отдельные ученики, которые не совсем понимают, как необходимы знания нам, тем, кто идет на смену нашим бабушкам и дедушкам, нашим отцам и матерям, дядям и тетям, старшим братьям

и сестрам», — как раз в этот момент из моего рта вырвались первые хрипящие звуки.

Это было как сигнал горна, который будит на заре пионерский лагерь, как школьный звонок, весело и бесцеремонно прерывающий тоскливый урок! Все радостно повскакивали, стали показывать на меня пальцами и хохотать.

Но мне про это потом рассказали. А тогда я ничего не слышал и не видел и только свое «хр-р-р!» продолжал.

Тут Галка Новожилова как крикнет:

— Растолкайте вы этого нарушителя!

Я сразу проснулся, обвел взглядом хохочущих ребят, повесил нос и поплелся к выходу.

А мне вдогонку Лидия Ивановна, классная:

— Коробухин, чтоб завтра явился в школу с матерью!

ЧАСТНОСОБСТВЕННИЧЕСКИЙ РЕЛЬС

Вы, ребята, хотите узнать, что было после сбора?

Ой, ребята, не спрашивайте. После сбора был еще один сбор.

Наша вожатая Кира сказала:

— Надо осудить Коробухина.

Я спросил:

— На сколько?

Вожатая Кира не поняла:

— Что на сколько?

— Я хочу спросить, на сколько лет меня осудить?

Вожатая Кира вся побелела.

— Ты, Валерий, никак не научишься вести себя по-человечески.

Вожатая Кира — из 10 «А». Их там целый класс готовят в вожатые, учат, как находить подход к детям, то есть к нам. И, наверно, Кире внушили: «С детьми нужна строгость, иначе они на шею сядут». Или что-нибудь в этом духе. Вот она и применяет свои знания на практике.

— Ребята, кто хочет выступить? — ходила по рядам и тормошила всех вожатая Кира. Потом повернулась к Галке Новожиловой:

— Что же ты, Новожилова, не ведешь? Веди.

И Галка повела:

— Ребята, говорите же, говорите! Кто хочет сказать?

Ребята отворачивались от пылких Галкиных глаз; низко склоняли головы, делая вид, будто что-то разглядывают на вытертых собственными рукавами партах.

— Вы что — солидарны с ним? — вожатая Кира показала на меня.

Я выпятил грудь, чтобы меня можно было лучше разглядеть. Ребята упорно и гордо молчали.

— Так вы считаете, что это очень хорошо —

на пионерском сборе храпеть? — Вожатая Кира начала нервничать.

Я помотал головой. Кира стояла ко мне спиной и ничего не замечала. Ребята улыбнулись и хором ответили: «Нет!»

— Потом Коробухин совсем распояшется, начнет и на уроках храпеть, а там — кукарекать, мяукать. — Голос у вожатой Кире звенел как колокол.

— Я не умею кукарекать, — не выдержал я. — И мяукать тоже не умею.

Я не люблю, когда мне приписывают таланты, которых у меня нет. У меня своих хватает, одолжить могу, кому надо.

Ребята так и легли со смеху. А вожатая Кира сказала, что она больше не может, что такого изверга она видит первый раз и что она пойдет жаловаться директору.

Мне было жалко вожатую Киру. Она в общем хорошая, но почему она не может понять, что я храпел не нарочно? Обидно, когда тебя не понимают...

Недавно мне сказали: «У тебя, Коробухин, только одни плохие поступки. А ты прояви себя в чем-нибудь хорошем, полезном... Вот завтра весь класс идет собирать металлолом. У тебя есть шанс заработать хороший поступок».

«Ладно, — подумал я. — Если у меня только плохие поступки, пусть будет один хороший». И я пошел собирать металлолом.

На Песчаной улице снесли несколько старых развалюшек. Там семизэтажный дом собрались строить. Мы пошныряли немного в поисках железных или любых других кладов. И вдруг я споткнулся обо что-то и чуть не упал. Глянул — желез-

ный рельс. Хотел поднять — ого-го-го! — вот это вес.

— Давайте сюда! — позвал я ребят.

Раз-два — взялись вчетвером и подняли. Смотрим, а к рельсу проволокой привязана крышка. Мы ее сразу не разглядели, потому что она была засыпана мусором.

Под крышкой оказалась прямоугольная дыра.

— Ребята, это подземный ход! — восхищенно протянул Вовка.

— Ерунда, — промолвил рассудительный Семка. — Это просто погреб. У моего дяди знаете какой погреб!

— Знаем, — отмахнулся я. — У кого есть фонарик?

— У меня, — сказал Семка.

— У дяди взял?

— Свой, — обиделся Семка.

Я хотел уже спускаться в погреб, но увидел, что нет никакой лестницы.

А вдруг погреб глубокий? Загремишь вниз, а после о ком в стенгазете писать будут, как о главном разгильдяе школы?

Я подумал минуту.

— Снимайте ремни.

И сам первый снял ремешок. За мной то же самое сделали ребята. Быстро из ремешков связали веревку. Получилась отличная лестница. Я ухватился за конец веревки из ремешков, и ребята спустили меня вниз.

— Ну что там? — кричали ребята. — Давай вылазь!

Я дернул веревку.

— Тяните!

Поднатужившись, ребята вытащили меня. Когда я очутился на земле, то изо всех сил чихнул. Раз, второй, третий... Вот уж никогда не думал, что так здорово умею чихать.

— Ну что? — спросили ребята. — Ничего там нету?

— А вы чего хотели — соленых огурчиков?

— Нет, — ответил Вовка, — хоть бы какое-нибудь корыто...

— А насморка не хочешь? — сказал я и чихнул в четвёртый раз.

Мы ухватились за рельс и потащили его. Шакали по улице и в такт нашим шагам дружно пели:

Наши жены — ружья заряжены...

И вдруг:

— Стойте! Погодите! Украли!

За нами громыхал сапогами по улице дяденька в полушубке и заячьей шапке.

— Отдайте, это моя рельса,— сказал он, отпыхавшись.

Семка пробовал было заспорить:

— Мы нашли этот рельс. Он валялся.

Я остановил Семку и добродушно улыбнулся:

— Пожалуйста, берите!

Дяденька посопел, попыхтел, наконец приподнял рельс, прошел, шатаясь, несколько шагов и бросил свою ношу на землю. Лицо его стало умоляющим.

— Ребятки, помогите. Вы же пионеры, тимуровцы, так сказать, помощники старших.

Мы хранили молчание.

Дяденька сделал вторую попытку, но он был старенький, и установить мировой рекорд по подъему тяжестей ему не удалось.

Тогда я начал штурм.

— Как ваше имя-отчество?

— Сидор Сидорович,— буркнул дяденька.

— Сидор Сидорович, государство о вас позаботилось. Вы получили прекрасную трехкомнатную квартиру в прекрасном пятиэтажном доме на прекрасном втором этаже. Во дворе у вас растут прекрасные саженцы и звенит прекрасный детский смех...

Все время, пока я вдохновенно нес эту чепуху, дяденька смотрел на меня, вытаращив глаза, и согласен кивал головой.

— Наверное, вы уже и пенсию получаете?

— Получаю.

— Вот видите, вы вполне обеспеченный и счастливый человек.— Я подмигнул ребятам.— Чего ж вам еще надо?

Мы взяли рельс с прикрепленной к нему крышкой и отправились в путь.

— До свидания.

— До свидания,— растерянно сказал нам дяденька.

Несколько минут мы шли и хихикали.

— Эй, стойте, погодите!

Мы со злостью швырнули рельс на землю, он глухо шмякнулся.

— Ну зачем он вам?— Я больше не улыбался.

— А на погреб,— неуверенно сказал дяденька.

— На какой? У вас же прекрасная трехкомнатная квартира в прекрасном пятиэтажном доме.

Дяденька опустил глаза и нежно посмотрел на рельс.

Снова рельс в наших руках, снова мы топаем по улице.

Дяденька не отстает от нас и ноет:

— Он пригодится мне. Распилю на куски и коньки внуку сделаю. Или грузила на удочки...

Мы шли, не обращая никакого внимания на его мольбы. Мы останавливались только, чтобы передохнуть.

Наконец дяденькины причитания мне надоели, и я решил его припугнуть.

— Это не вы говорите, это в вас пережитки капитализма говорят.

Дяденька захихикал и потер руки.

— Ну, ребятки, поругались и будет. По пачке мороженого на брата, и отволочем рельс ко мне в прекрасную квартиру.

Мы не отвечали.

— Ну, ребятки, по пачке пломбира.

Я видел, как Семка облизнул губы.

— Полный вперед! Свистать всех наверх! Земля!

Впереди показалась школа. Мы прибавили шаг.

— Ребятки, по билету в кино на брата и по пачке пломбира...

Когда мы притащили проклятый рельс в школу, вожатая сказала, что мы поступили неправильно, не по-пионерски. И, чтобы исправиться, должны немедленно отнести рельс назад его владельцу.

Владелец горячо поблагодарил вожатую, а я сказал, что у меня плохих поступков хватает, я хотел заработать хороший, а потому пусть назад этот частнособственнический рельс тащат другие. И ушел. Дверью я не хлопнул. У меня нет такой глупой привычки.

БОЯТСЯ ЛИ СОБАКИ ЩЕКOTКИ?

Вот так и не удалось мне совершить хороший поступок.

— Ну, Коробухин,— сказали мне,— если уж ты металлолом собирать не умеешь, то, знаешь ли... И развели руками.

А Галка Новожилова при всех изрекла:

— Мы решили, Коробухин, заняться тобой вплотную и всерьез. Сегодня после уроков к тебе направится пионерский патруль.

— А зачем патруль? — спросил я.— Что я — преступник?

— Двойки получать — разве не преступление? — сказал Ленька Александров и спокойно поправил очки на переносице.

Я задумался.

— Послушайте,— сказал я наконец.— Может, без патруля обойдется?

— Нельзя,— зевнул Ленька.— Тебе больше нет доверия.

— Ладно,— вздохнул я.— Приходите. Только если мой Эльбрус нападет на вас, я не отвечаю.

Все посмотрели на меня внимательно.

— А кто такой Эльбрус?

— Доберман-пинчер. Собака такая. Как увидит кого чужого, особенно девчонку, сразу бросается,— терпеливо объяснил я.

Ребята затихли.

— Врет он! — вдруг закричал Семка.— Я у него вчера на телевизоре сидел, никакого добермана, никакого пинчера у него нет. У него даже кошки нет.

Галка Новожилова осуждающе покачала головой:

— А обманывать товарищей, Коробухин, и совсем стыдно.

Я только пожал плечами, а Семке показал кулак — поговорим наедине, как мужчина с мужчиной.

Надо было что-то придумать. Я знал, что такое пионерский патруль. Это — приходят к тебе домой, расстраивают маму, спрашивают, как ты готовишь уроки, какой у тебя распорядок дня,— в общем, суют нос куда не надо. А после всего мама плачет: «И зачем ты мне на горе такой уродился?»

Нет, надо было действовать решительно. «У меня нет собаки,— подумал я,— так она у меня будет. Ну, не доберман-пинчер, а простая дворняга — все равно вы в собачьих породах ни черта не смыслите».

Как только кончились уроки, я на всех парах понесся домой и пулей взлетел на пятый этаж. Там жила одна бабушка. У нее была кудрявая беленькая собачка с черненьким, как кнопка, носом. Если ее увидеть издалека, то можно испугаться — страшное чудище. А если подойти поближе, то сразу станет ясно, что это безобидная комнатная собачонка.

Но у меня не было выбора, больше собак в нашем доме не водилось.

Я сказал бабушке, что очень люблю собак, но все собаки мира, в том числе и доберманы-пинчеры, не стоят и одного коготка ее, бабушкиной, собачки. И пусть поэтому она, бабушка, позволит мне погулять с ее собачкой по двору.

Бабушка была растрогана. Она забыла, как я таскал ее собачонку за хвост и купал в луже.

Бабушка умиленно пролепетала:

— Ты слышишь, Роза, какой прекрасный мальчик живет в нашем доме? Воспитанный, любит животных... Иди с ним погуляй. Только, мальчик, не долго, а то Роза сегодня кашляла. Я боюсь, не простудилась ли она.

Я быстро спустился вниз. И как раз вовремя — по лестнице уже шлепал галошами пионерский патруль. Я еле успел захлопнуть за собой дверь, как... Дзинь!.. Патруль!

Я дернул Розу за хвост: вот сейчас залает! Но она только жалобно заскулила. Я еще раз дернул — ну полай, старушка, тебе жалко, что ли?

Роза чуть не заплакала, но лаять не хотела. Она просто не умела, наверно.

Тогда я встал на четвереньки, чтобы показать Розе пример, и вдохновенно прогавкал: гав! гав!

Второй звонок захлебнулся на первой же ноте. Я невинно спросил:

— Кто там?

— Это мы,— дрожащим голосом ответила Галка.— А откуда у тебя собака?

— Я же вам рассказывал, а вы мне не поверили. Погодите минутку. Я ее привяжу, а то она на чужих бросается. Особенно на девчонок.

Звякая цепочкой, я завел собачку в угол, взъерошил на ней шерсть и случайно мои руки попали Розе под мышки.

Я крикнул:

— Входите! Эльбрус на цепи!

И тут произошло что-то необыкновенное. Наверно, Роза как огня боялась щекотки. И очень не любила, когда ее щекотали. Потому что в ту минуту, когда ребята появились на пороге, Роза вырвалась из моих рук, бешено взвизгнула, залаяла и принялась носиться по коридору. Взъерошенная, разозленная, она казалась такой страшной, что даже я струсил.

А ребята? Сминая друг друга, они скатились по лестнице вниз.

Я еле успокоил разбушевавшуюся Розу и отвел ее к бабушке.

Утром, едва я переступил порог класса, на меня налетела Галка Новожилова.

— Ну, Коробухин, это переходит всякие границы. На своих товарищей науськать бешеную собаку! Так тебе это не пройдет.

Она оглядела орлиным взором весь класс и произнесла:

— Наш отряд решил объявить тебе бойкот. С сегодняшнего дня мы с тобой не разговариваем. Ты нам не товарищ.

— Все со мной не разговаривают? — Я посмотрел на Семку.

Семка отвернулся.

— Все,— отрезал Ленька Александров.

На первом уроке со мной никто не разговаривал, на перемене тоже, на втором уроке в мою сторону никто даже не глянул, на второй перемене на мои вопросы не отвечали, на третьем уроке — тоже, на большой перемене — целых 15 минут! — со мной никто не перекинулся словечком, на четвертой перемене бойкот продолжался во всю силу.

После пятого урока я мрачно произнес:

— Пойти утопиться, что ли!.. А что еще остается человеку?

И, еле переставляя ноги, поплелся по коридору.

Я ОБЪЯВЛЯЮ ГОЛОДОВКУ

Конечно, топить я и не думал. Я отправился в кино. Со вчерашнего дня во всех кинотеатрах шел фильм «Парижские тайны».

По городу были расклеены голубые афиши. С афиш улыбался широкоплечий парень. От его ударов во все стороны разлетались типы с мрачными физиономиями.

Разве можно было не пойти на такой фильм? Легче в школу не пойти...

Кино мне понравилось. Здорово дерется этот маркиз. Надо будет мне потренироваться. Бокс в жизни пригодится.

Занятый такими мыслями, я брел по улице. И ничего не замечал. Вдруг на меня налетел и чуть не сшиб с ног Семка.

— Ты что правила уличного движения нарушаешь? — рассердился я.

— Ты жив? — у Семки дрожали руки, дрожал портфель, а лицо было таким испуганным, будто он только что побывал в пасти у льва и лишь чудом вырвался.

— Интересно, почему я должен умереть? — удивленно спросил я.

— Да нет, конечно, — обрадовался Семка. — Я побегу, скажу ребятам. А то они думают, что ты... — Семка нервно хихикнул, — утопился. Ищут тебя...

— Обожди. — Я схватил Семку за руку. — Ищут, говоришь?

— Да, — торопливо закивал Семка, — уже и дома были. А ты где шатался? В кино сидел?

Я ничего не ответил, потому что я размышлял. Мысли одна за другой появлялись в моей голове, они перебивали друг дружку и не давали сосредоточиться: «А что, если я... Нет, лучше так... А может — наоборот?»

Наконец я решился.

— Ну, прощай,— задумчиво произнес я.

— Ты к-куда? — у Семки задержались губы.

Я молча повернулся и быстро зашагал не в ту сторону, где был мой дом, а в противоположную. Я свернул направо около разноцветного, словно попугай, газетного киоска. И когда я оказался за стеной дома и Семка потерял меня из виду, я пропустил со всех ног.

Не знаю, как вы, но я люблю дворы в микрорайонах. Здесь очень легко скрыться от любой погони. Дома все на одно лицо, дворов полно, в общем — ищи-свищи.

В один из таких дворов я и шмыгнул. Из-за стены детсада выглянул. Как я и предполагал, Семка крался за мной. Но мой быстрый рывок сбил его с толку. Семка недоуменно оглядывался, он не мог понять, куда я исчез.

Я, довольный, улыбнулся. Дал подзатыльника малышу, который слишком ко мне приглядывался, и потопал домой.

В нашем районе почти все дома были деревянные. Летом на улицах зеленела трава, а зимой снег заваливал дома по самую макушку. И тогда все жители выходили и расчищали дорожки к колонкам. В общем, как в деревне, хотя всего в двух шагах от шумного, сверкающего проспекта. Только три новых, в семь этажей, дома возвышались над нашим районом. Ночью они были похожи на большие корабли, которые пристали отдохнуть на пару минут и скоро снимутся с якорей.

Я с мамой жил в доме посередине, в 27«а». А были еще 27 просто и 27«б».

Осторожно, чтобы меня никто не заметил, я пробрался по лестнице на чердак. На чердаке, за

котельной трубой, было наше с Семкой место. О нем никто, кроме нас, не знал. Там я растянулся на старом рыжем диване. Он был такой старый, что даже пружины у него не скрипели.

Надо было обдумать то, что произошло.

Кстати, о чердаках. Раньше, когда мы еще жили в деревянном доме, там был отличный чердак. Мы с Семкой забирались туда во всех случаях, когда надо было обмозговать что-нибудь очень важное и секретное.

Но потом наш дом снесли. Приехал бульдозер, и дома как не бывало, а с ним и чердака. И мы с мамой переехали в этот самый 27 «а», на чердаке которого я сейчас все это вспоминаю.

Помню, мама ходила по нашей квартире, под собой ног не чуя, всплескивала руками, гладила стены, открывала краны. А я стоял мрачный, как скульптура в парке. Ну разве могут быть в таком доме чердаки?

Тут к нам ворвался Семка. Семка, то есть его родители, тоже получили квартиру в нашем доме.

— Идем,— сказал Семка.

Я неохотно вышел на площадку.

— Чего тебе?

Мой друг произнес только одно слово:

— Чердак.

Мы помчались наверх. Оказалось, что в 27 «а» чердак все-таки был. Огромный и совсем пустой. Только крыша низковата, но тут уж ничего не поделаешь, мы были рады и такому.

Когда я вернулся с чердака, мама не переставая ходила по комнате.

— Я так довольна! Я так рада! — Она обернулась ко мне: — А тебе как? Нравится?

Я улыбнулся:

— Очень.

Вскоре чердак завалили всяким хламом, потому что сараев во дворе не было. Но нам с Семкой удалось отгородить себе местечко за котельной трубой. Когда нас ждала какая-нибудь неприятность, мы забирались сюда. Тут мы были уверены в своей полной безопасности.

— Я так и знал, что ты здесь.— Семкина ликующая физиономия ухмылялась.

Он подкрался так осторожно, что я его не заметил.

— Чего ж ты не притащил с собой весь класс? — зло спросил я.

— Ты не злишься, — примирительно сказал Семка. — Есть хочешь?

Он вытянул из прозрачного мешочка все, что принес с собой. Семка был человек щедрый и притащил уйму всякой пищи: кусок сыра, колбасу с белыми горошинами жира и еще горячие, в румяной корочке котлеты. Если откусить, подумал я, корочка наверняка захрустит.

Я проглотил слюну: вспомнил, что не обедал.

— Сколько времени?

— Часов восемь. Да ты ешь, — Семка подвинул к самому моему носу котлеты.

Я гордо помотал головой:

— Я объявляю голодовку.

Семкино лицо вытянулось.

— В знак протеста против бойкота, — добавил я.

Семка глядел на меня с изумлением и восторгом.

— Ну, вот что, — сказал я. — Ты сейчас уйдешь отсюда и, если ты мне друг...

— Но твоя мать беспокоится, наверно, — перебил меня Семка.

— ...и если ты мне друг, ты никому не скажешь, где я, — решительно закончил я.

Опечаленный, Семка ушел, и я остался один. Только тут я почувствовал, как мне обидно, что со мной так поступают ребята. Даже разговаривать не хотят, как будто я им враг.

Ну, ладно, я вас проучу. Отвернулись от человека, а человек пошел и утопился.

Я представил, какая заметка появится в газете:

Смерть из-за равнодушия

Вчера трагически погиб ученик 6-го класса «А» 13-й школы Валерий Коробухин. Смерть явилась результатом преступного равнодушия к судьбе мальчика. Под внешней веселостью и беззаботностью коллектив не разглядел его нежной, чуткой, легко ранимой души...

Растроганный, что у меня, оказывается, такая нежная душа, я не заметил, как заснул. Проснулся оттого, что продрог. Я вскочил и — раз, два, три, четыре — стал делать зарядку. Выглянул в чердачное окошко, — на улице была кромешная темень. Наверное, часа два ночи.

Я спустился с чердака. Долго мялся около своей двери, боясь позвонить.

Мама открыла сразу, как будто она простояла там, за дверью, все время, пока я томился на чердаке. Она схватила меня за руку и втащила в комнату. Я никогда не думал, что мама такая сильная. Потом она начала меня целовать, а слезы ее капали мне на лицо и даже за шиворот.

— Где ты пропадал, бездельник! — закричала мама. — Тут все с ума сходят, а он болтается неизвестно где. Ребята и Лидия Ивановна раз десять приходили уже. Голоден, наверно, как бездомный пес?

Мама снова стала такой, какой была всегда, — суетливой и озабоченной. Она загремела кастрюльками — принялась разогревать обед. От борща шел такой аппетитный запах, что я решил: «Голодовку надо кончать». Кстати, котлеты у мамы были не хуже Семкиных, так что я ничего не потерял. Только волчий аппетит приобрел.

Поев, я разложил кресло-кровать и растянулся во всю длину. Укрылся одеялом и сразу согрелся.

Все-таки это здорово — спать в своей постели, а не на чердаке.

МОГЛО СЛУЧИТЬСЯ „ТАКО-О-Е“!

Когда я появился в классе, меня встретили удивленные и радостные лица. Кто-то даже крикнул: «Ура! Коробухин вернулся!»

Если бы еще цветы да оркестр, это было бы похоже на встречу человека, первым побывавшего на Луне.

— Извините меня, ребята,— сказал я, и голос у меня дрожал, а на глазах навертывались слезы.

Ребята были растроганы:

— Да брось ты!

— Да что ты!

— Ерунда все это!

Они и вправду обрадовались моему возвращению. Хорошие ребята!

Галка Новожилова попробовала было произнести очередную нотацию, она уже откашлялась, но ее остановила Светка Никитина:

— Не надо, с человеком могло тако-о-е случиться.

На лице у добродушной Светки было выражение ужаса, она произнесла слово «тако-о-е» таким свистящим шепотом, что даже я подумал: а ведь и правда могло случиться «тако-о-е».

Еле сдерживая слезы, я сел за парту.

На уроке я вполне овладел своими чувствами.

И когда на переменке ребята пристали с расспросами, меня понесло. Во время рассказа я косился на Семку — выдаст или нет? Но Семка глядел на меня восторженными глазами, как будто это не он торчал со мной вчера на чердаке, а кто-то другой.

— Ушел я тогда из класса и пошел куда глаза глядят, — начал я былинным слогом историю о том, как я топился. — Сам не заметил, как добрался до речки. Разделся, а холод собачий... Но я, конечно, ничего не чувствую, сами понимаете, что у меня на душе!

Влез в воду, а она жжется. Вот, думаю, разве можно утопиться в такой холодной воде? Не везет мне что-то.

Доплыл до середины, сложил руки по швам и — «солдатином» на дно. Только коснулся ногами песка, как меня вытолкнуло на поверхность.

Я вздохнул, крикнул: «Вот черт!» — и снова пошел на дно. Но меня почему-то еще быстрее вынесло на поверхность.

Глянул я на берег, а там какая-то женщина бежит в цветастом платке — когда я пришел топиться, она белье полоскала. Бежит и кричит:

— Ой, тонет парень, ой, никак выплыть не может!

Вот чудеса, подумал я, сразу двое топятся! Интересно, из-за чего тот парень, про которого она кричит, в реку полез? Может, ему тоже бойкот объявили? И снова пошел на дно...

Но тут прозвенел звонок, вошла Аделаида Васильевна, «англичанка», и ребята разбежались по своим партам.

Следующая переменка была длинная, и тут уже я мог дать себе волю, тем более, что сорок пять ми-

нут урока я не потратил даром — рассказ сочинил на славу.

— Так вот,— продолжал я, когда ребята снова окружили меня,— вынырнул я еще раз. Глядь, а на берегу рядом с женщиной солдат появился. Сапоги уже сбрасывает. А женщина приговаривает ему:

— Вынырнет, крикнет что-то и опять на дно. Сил у него, наверное, не хватает. Ты быстрее, солдатик, а то утонет парень.

Тут до меня, наконец, и дошло, что это обо мне тетенька плачется. Это я, выходит, не умею плавать? Я, чемпион 6-го «А»?!

Я возмутился и закричал:

— Да я получше вас обоих плавать могу! Смотрите!

И как пошел кролем! А солдат мне кричит:

— Ты, парень, лучше на спину ляг, силы экономь!

— Я и на спине могу, пожалуйста! — крикнул я.

Тут солдат разделся и бросился в воду. Плавал он здорово, потом я узнал, что у него первый разряд. Я — от него, он — за мной. Наконец оба добрались до берега.

Тетенька нам дала полотенце. Мы растерлись.

Вот так мне и не удалось утопиться.

Ребята молчали.

— Слушай,— вдруг сказал Семка,— а ведь тебе надо было камень на шею привязать.

— Правильно, камень,— загудели ребята.

— Камень — это идея,— сказал я.— Вы знаете, ребята, очень я был расстроен, не подумал про камень. Но следующий раз я без камня и не полезу

топиться. Это очень хорошая идея. Спасибо тебе, Сема.— И я свирепо глянул на Семку.

— Не надо,— закричали ребята и весело захотали.

На радостях, что все так хорошо кончилось —я не утопился и снова подружился с ребятами,— я сделал стойку на учительском столе. Это был мой коронный номер, никто у нас в классе, кроме меня, его не умел делать. И как раз в этот момент к нам вошла Екатерина Моисеевна — наш директор. Я заметил ее краем глаза.

— Атас! — зашумели ребята.

Я спрыгнул на пол и сказал:

— Я могу и больше простоять.

— Это я знаю,— сказала Екатерина Моисеевна.— Пойдем, Валерий, поговорим.

— Пожалуйста,— вежливо согласился я.— Но только не надолго, у нас сейчас контрольная по русскому языку.

— Хорошо,— улыбнулась директор.

И мы пошли в ее кабинет.

„ТРИ БОГАТЫРЯ“

Екатерина Моисеевна была маленькая и полная, и поэтому ходила медленно и при каждом шаге вздыхала.

Мы с ней вместе начали подъем по лестнице. Она делает шаг, вздохнет, еще шаг и еще вздох. Я мог бы за это время, пока мы поднимались, уже десять раз туда и назад сбегать. Ну, если не десять, то пять во всяком случае.

И почему только Екатерина Моисеевна сделала свой кабинет на четвертом этаже? Ей удобнее было

бы на первом. А может, она нарочно, чтобы физкультурой заниматься и сбросить лишний вес?

Я только хотел спросить у Екатерины Моисеевны, правда ли, что она устроила свой кабинет на четвертом этаже, чтобы тренироваться, как она сказала:

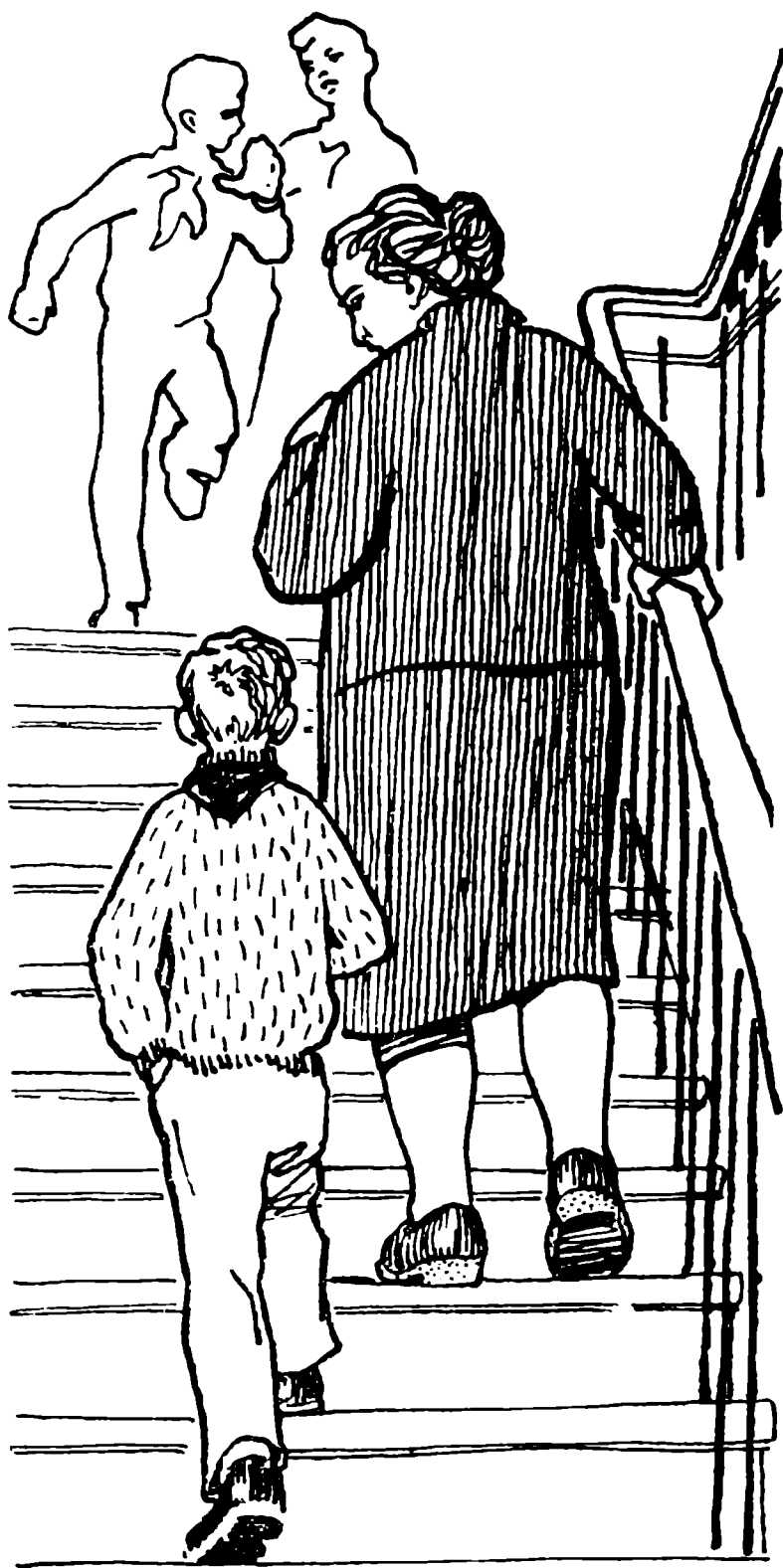
— Ну что мне с тобой делать, Валерий? — И опять вздохнула.

Я тоже вздохнул и подумал: а что со мной и вправду делать?

Сверху по лестнице с шумом и криком сбежали ребята. Не дотев двух метров до меня и директора, они вдруг начинали идти спокойно и неторопливо, как будто им было лет по восемьдесят, не меньше. Ребята говорили: «Здравствуйте, Екатерина Моисеевна», — а потом неслись с прежней скоростью и с прежним шумом.

— Ну, так что мне с тобой делать? — снова спросила директор, когда мы уселись в ее кабинете — она в кресло, а я на стул.

Я бывал в этом кабинете не раз, и все хорошо

помню, а поэтому не стал разглядывать «Трех богатырей» — огромную картину, висевшую на стене, прямо за спиной Екатерины Моисеевны. Я эту картину уже выучил на память. Могу в любой момент рассказать, кто какой меч держит и у кого какой масти лошадь. Сами понимаете, зададут тебе такой вопрос: «Ну что мне с тобой делать?» — а как на него ответить, не знаешь. Каяться еще рано, надо выждать, вот и изучаешь картину. Мне уже пришла в голову мысль: хорошо бы директору для тех, кто часто бывает у нее в кабинете, вместо «Трех богатырей» повесить «Бурлаков», а потом вместо «Бурлаков» еще какую-нибудь картину. Так за несколько лет можно изучить всех художников и все, что они рисовали.

— Молчишь? — спросила Екатерина Моисеевна.

— Я уже помирился с ребятами, и все будет хорошо, — сказал я. — Обещаю.

— Ты мне каждый месяц даешь обещания, а что из этого?

— Но почти месяц я держу свое слово.

— А на сколько сейчас ты обещаешь? — улыбнулась Екатерина Моисеевна.

Я заметил, что она всегда улыбается, разговаривая со мной. Что бы я ни натворил, она улыбается. Но это, правда, наедине со мной. А при матери и учителях она совсем другой человек. Поэтому я люблю бывать в ее кабинете, когда мы вдвоем. Вот если бы еще вместо «Трех богатырей» повесить «Бурлаков», а вместо «Бурлаков»...

— Месяц будешь держать свое слово? — спросила Екатерина Моисеевна.

— Буду, — сказал я.

— Ну иди, на контрольную опоздаешь,— улыбнулась она.

Я поднялся, сказал: «До свиданья», кивнул богатырям — до скорой, мол, встречи — и пошел к двери.

— О матери подумай,— сказала Екатерина Моисеевна.

Я обернулся. Лицо директора было печальным.

— Ну, иди,— повторила она.

Я открыл дверь и еще раз посмотрел на Екатерину Моисеевну. Она снова улыбалась мне.

КАК Я УТЕШАЮ МАМУ

Я знал, какой у меня будет разговор с мамой. Мама сразу заплачет и скажет:

— Ты понимаешь, как трудно одной воспитывать ребенка?

Я буду молчать. Я буду сидеть в кресле-кровати и молчать. Надо дать маме выговориться и ни в коем случае не перебивать ее. Потому что она сразу вскипает:

— Ради бога не перебивай меня, за тебя говорят твои поступки.

Потом мама скажет, что у других матерей жизнь как жизнь, и только у нее крошечный ад и сплошные мучения.

Тут я обычно не выдерживаю:

— Но ведь я в милицию ни разу не попадал, я никого не грабил, не убивал.

Мои слова только воодушевляют маму:

— И ты считаешь, что это — достоинство? Не хватало еще, чтобы ты грабил и убивал! Как у тебя

вообще язык поворачивается говорить такое! Замолчи сейчас же.

Я молчу, пока она это говорит, и продолжаю молчать.

На несколько мгновений мама затихнет. Потом она снова скажет, как трудно одной воспитывать такого оболтуса, как я, и еще работать, зарабатывать на жизнь.

Моя мама ткачиха на камвольном комбинате. Она хорошо работает, ее фотография висит на Доске почета вместе с фотографией Семкиного дяди — главного конструктора комбината. Того самого дяди, о котором Семка прожужжал все уши ребятам в нашем классе. Но мамина фотография висит над фотографией Семкиного дяди, и это дает мне право иногда одергивать Семку.

А еще мама в месткоме. Она всегда о ком-то заботится, к кому-то ходит домой, и к ней все стучат по вечерам: «Вот какое дело, Петровна...» Поговорят, а потом гладят меня по голове, вздыхают и спрашивают: «Как дела, баламут? Двойки есть?» Я отвечаю: «Попадаются». Тогда они говорят: «Учись хорошо; без знаний, сам знаешь, сейчас никуда». Я киваю: правильно, никуда.

У мамы есть большая страсть — кроссворды. Если ее чем-нибудь можно успокоить, так только кроссвордами. Конечно, можно ее утешить пятерками по поведению, но это сложнее. Кроссворды добыть гораздо легче. Надо зайти к знакомым ребятам, выдрать последние страницы в двух-трех журналах, и все будет в порядке.

Так на этот раз я и сделал.

С кипой кроссвордов на столе я ждал прихода мамы.

Когда она пришла, все было, как я уже рассказывал.

В конце мама сказала:

— И когда ты уже будешь вести себя, как все? Ну когда?

Я подошел и обнял ее за плечи.

— Все будет хорошо, мама. Вот посмотри — новые кроссворды. Ты их еще не разгадывала.

— Какие? — встрепенулась мама.

Она тут же уткнулась носом в кроссворды.

— А я буду делать уроки, мама, — озабоченно вздохнул я. — На завтра уйму задали.

— Да, да, делай уроки, — не отрываясь от кроссвордов, пробормотала мама. Потом она закинула голову и рассмеялась: — Опять подкупил меня?

— Но ты и правда любишь разгадывать кроссворды. — Я тоже улыбнулся.

— Люблю, люблю. Делай уроки, не отвлекайся.

Некоторое время мы молчим. Я пытаюсь разобраться в задачке, а мама в кроссворде.

— Извини меня, Валерий, — говорит мама. — Как называется прибор, определяющий скорость подъема и спуска самолета? Из девяти букв.

— Не знаю, — я пожимаю плечами.

— Да, очень интересные кроссворды, — говорит мама и идет на кухню. Я слушаю, как она стучит кастрюлями, и думаю, что действительно все будет хорошо. Я начну хорошо учиться, стану поменьше валять дурака, и вообще — скоро зима.

ЧТО УМЕЕТ НОВЕНЬКАЯ

Я очень люблю это. Проснешься, выглянешь утром в окно, а во дворе лежит снег. Ночью выпал.

Вчера еще была слякоть, грязь, дождь шел, а сегодня всюду снег.

И ты идешь по снегу и осторожно ставишь ноги, но не потому, что боишься испачкаться, как тогда, когда ты шлепаешь по лужам, а потому, что это первый снег и с ним надо быть осторожным.

Часто так случается, полежит снег пару часов, а потом исчезает, как будто его и не было. И становится так грустно, как будто ты друга потерял или ножик, отличный ножик променял на какую-нибудь ерунду. Поэтому надо глядеть в оба окна нашего класса, чтобы не проморгать той минуты, когда начинает таять первый снег. Потому что когда ты это видишь, ты чувствуешь, что снег еще вернется. Снег хитрит, через два дня он снова выпадет, никуда не денется.

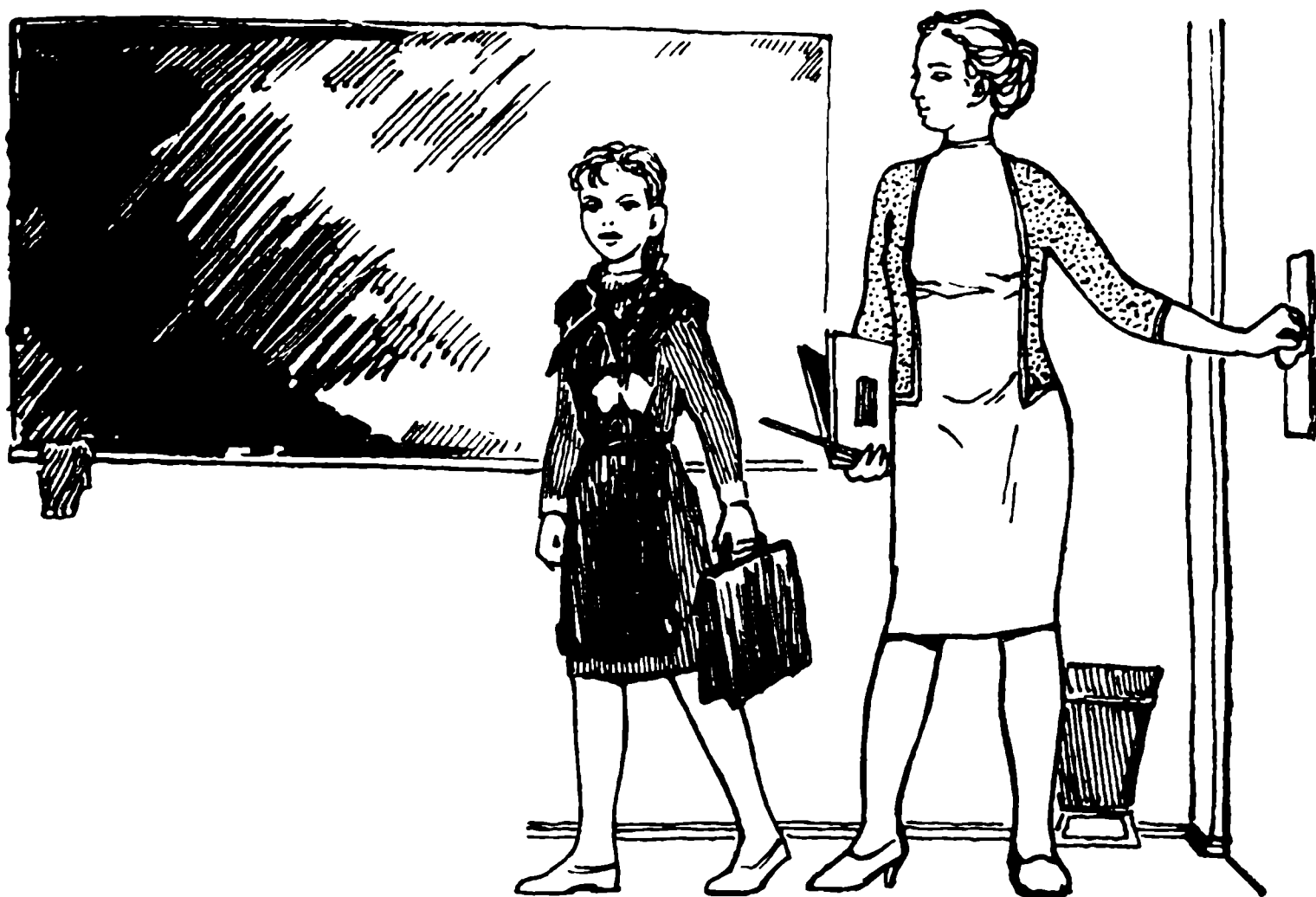
Но сегодня мне приходилось туго. Я должен был наблюдать в оба окна за снегом, потом еще глядеть на Степана Александровича, который объяснял новый урок, и на мою соседку по парте Иру Голубицкую.

Она появилась в нашем классе только сегодня. Ее привела Лидия Ивановна. Новенькая вошла в класс так решительно и смело, что получилось, будто не ее привела Лидия Ивановна, а она привела Лидию Ивановну.

— Вот, ребята, новенькая,— сказала наша классная.— Она будет учиться с вами. Зовут ее Ира, фамилия Голубицкая. Ира — отличница и хорошая спортсменка. У нее разряд по гимнастике.

— И еще я играю на фортепьяно,— гордо сказала новенькая.

— Правильно, и еще Ира играет на фортепьяно,— повторила Лидия Ивановна.

— Ого! — подумал я вслух.

— Что ты этим «ого» хочешь сказать, Коробухин? — недовольно спросила классная.

— Я хотел спросить, когда мы сможем посмотреть, как она играет, — сказал я.

— Ты, наверно, мальчик, хочешь узнать, когда вы сможете услышать, как я играю? — ехидно спросила новенькая.

— Услышать я могу и по радио, а я увидеть хочу, — не сдавался я.

— Хватит, Коробухин, — оборвала меня классная. — Чтобы ты поменьше болтал, я посажу к тебе Иру.

Вот так оказалась у меня соседка.

— Перестань глазеть по сторонам, Коробухин, — услышал я голос Степана Александровича и очнулся. — Опять потом будешь говорить, что ничего не понял.

Я просто вспотел оттого, что старался все увидеть. Я решил, что буду смотреть только на Степана Александровича. Не шевелясь, я слушал учителя, и тут над моим ухом разда-лось:

— Ах! Снег рас-таял. Как жаль...

Я глянул в окно и обомлел. Снег словно корова языком сли-зала. Только гряз-ные струйки текли по асфальту. Я резко повернулся к моей соседке — что она по-нимает, эта девчон-ка, в первом снеге?! Но лицо у Иры было

каким-то задумчивым и грустным.

После уроков оказалось, что Ира живет в одном доме с нами. И мы втроем — я, она и Семка — по-топали по улице.

— Мне так не нравится эта погода,— тянула новенькая.— У нас в Сибири знаете какая зима! Мороз такой, что птицы на лету замерзают.

— У нас тоже неплохие зимы,— утешал Сем-ка Иру.— Правда, Валерка?

Он шел с новенькой впереди, а я за ними, и по-этому Семка все время оборачивался.

— И на лыжах вы катаетесь?— спросила новенькая.

— Еще как,— шумно выдохнул Семка.— Особенно Валерка здорово катается. Правда, Валерка?

Я еще раз смог полюбоваться на добродушную Семкину физиономию. Ира только слегка повернула голову.

— До свидания, мальчики,— сказала она возле дома.— До завтра.

— До свиданья,— торопливо сказал Семка.

Я слегка наклонил голову. Я помнил, что в каком-то фильме так гордо прощался один граф. Не знаю почему, но мне вдруг захотелось показать, что я тоже кое-что смыслю в этих самых... великосветских манерах.

Новенькая посмотрела на меня долгим взглядом, улыбнулась и вбежала в подъезд.

— Какая девчонка!— Семка завертел головой.— Она в 25-й квартире живет. У нее отец майор.

— Уже успел все выведать?— зло спросил я.— Может, уже и влюбился?— Не знаю почему, но Семка меня сегодня бесил.

— Выдумываешь всякую ерунду,— обиделся Семка. Он покраснел и еще сильнее завертел головой.

— Ладно.— Я хлопнул его по плечу.— Приходи вечером на чердак. Дело есть, секретное.

АЭРОДРОМ ГЕНКИ ПРАВИЛЬНОГО

— Без Генки Правильного нам не обойтись,— сказал Семка.

— А ну его, зануду,— поморщился я.

Мы сидели на чердаке и обсуждали важное дело.

— Генка что-нибудь придумает,— настаивал на своем Семка,— такое, понимаешь, эффектное.

Генку Ракитина в нашем дворе прозвали Правильным за то, что все на свете он делает правильно. Он никогда не сделает такого, за что может здорово влететь.

Собираемся мы с ребятами залезть в яблоки к соседу. Генка мнетя: «Нет, ребята, это нехорошо, я лучше домой пойду».

Или договариваемся отдубасить ябеду. Генка опять за свое:

— Нет, ребята, человека надо сперва словами убедить, а потом уже этими... кулаками.

А что ябеда давно не человек и, может, никогда не был человеком — это ему непонятно.

И всё-таки Генка Правильный был единственным мальчишкой в нашем дворе, кому я иногда завидовал. Раз в месяц, а может и реже. Это случилось, когда Генка появлялся во дворе с моделью самолета под мышкой. Генка занимался во Дворце пионеров и уже неплохо конструировал разные модели.

Рядом с нашим двором за забором начинался пустырь. Там Генка устроил испытательный аэродром для своих моделей.

В день испытаний двор мгновенно пустел, и наступала оглушительная тишина. Ребята устремлялись на Генкин аэродром. Генка в такие минуты как будто никого не замечал. А может, и вправду ему ни до кого не было дела. Он видел только свои модели.

Генка становился в центре круга. В руке он дер-

жал веревочку, к которой осторожно привязывали новенький беленький самолетик. Модель была в руках у Мишки — друга и помощника Генки.

— Давай! — кричал Генка.

Мишка заводил моторчик. Самолет несколько мгновений чихал и фыркал, как простуженный первоклассник, а потом с легким жужжанием начинал описывать круги над пустырем.

Генка едва заметным движением управлял моделью.

Вот самолет подымается высоко, и мы задираем головы, чтобы его увидеть. А вот он резко снижается, сейчас, кажется, разобьется на мелкие кусочки... Но нет — снова несется, как живой.

Мы подбрасываем шапки вверх: «Ура!»

Я тоже рад: «Молодец, Генка!»

Иногда самолет падал. Тогда Генка был суров, он командовал громко и решительно. И все рады были выполнить любой его приказ. Даже я.

И вот самолет снова над пустырем, над нашими задранными в небо восхищенными лицами.

Вскоре испытания заканчиваются. Генка забирает модель и несет ее во Дворец пионеров. Ребята провожают его почтительной толпой. И снова о Генке ничего не слышно — до следующих испытаний.

— Давай попробуем, — не отстает Семка. — Гороху надо отомстить здорово.

Я соглашаюсь, потому что сам не могу ничего придумать. Мы сидим с Семкой целый час, а в голове ни одной интересной мысли. Разве это интересная мысль — пойти и поколотить Гороха за его штучки? А если он даст сдачи? Кулаки у него — будь-будь! Да и дружки у Гороха — здоровые ребята.

Мы спускаемся вниз с чердака.

— Слушай, Сема, а ученые, которые изобретают что-нибудь или открывают, тоже так здорово думают, как мы, или нет?

— Не знаю, — честно говорит Семка. — Наверно, так же, как и мы.

Мы выходим во двор и тут же натыкаемся на Генку Правильного.

Генка еле сдерживается, чтобы не разреветься, как настоящая девчонка. К груди он прижимает огненно-рыжего котенка по кличке Акбар. У Акбара оторван кусок уха, унылая морда в крови.

— Если бы я знал, кто это сделал, я бы с ним поговорил, я бы ему показал!..

У Генки такое настроение, что появись сейчас обидчик его Акбара, Генка разорвет его на части.

Он шел из Дворца пионеров. И вдруг услышал взрыв и отчаянный кошачий крик.

— Ну словно ребенок маленький кричит,— рассказывал Генка.— Я сразу подумал, что это Акбар, наверно, с ним что-то случилось. Подбежал к сараю, а котенок лежит на крыше и мяукает. Жалобно так мяукает... Если бы я знал, кто это...— Генка весь кипел.

Я сразу понял, что это работа Гороха и его компании.

— Это Горох,— сказал я.

— Конечно, Горох,— подтвердил Семка.

— Горошко? — переспросил Генка.— Это сделал Горошко? Так пойдемте скорее и заявим в милицию.

Я поднял руки вверх и выразительно посмотрел на Семку. «Ну что я говорил, это же Генка Правильный, разве он может мстить, как настоящий мужчина!»

Но Семка не отчаивался:

— Послушай, Гена. Горох и его ребята издеваются не только над твоим котом. Они вот что придумали. Протягивают над тротуаром проволочку, тоненькую, чтоб не видно было. Один конец привязывают к дереву, а второй отводят в ворота. Там и выжидают. Появится старушка, они натянут проволоку, раз — и старушка уже на тротуаре. А вчера и мы с Валеркой попались на их удочку. Сейчас гололед начался, ты понимаешь, чем это грозит?

— Вот я и говорю: идемте в милицию и расскажем обо всем,— повторил Генка, и голубые глаза его засияли чистой верой в правду и справедливость.

— Послушай, Гена,— начал я.— А как им удалось взорвать твоего котенка?

— Это примитивный способ,— поморщился Генка.— Надо вырыть ямку, насыпать в нее карбида и залить водой. Карбид начнет пузыриться, знаете, как тесто подходит. Потом ставят на ямку с карбидом банку, а к ней привязывают кота. В банке проделывают дырочку, подносят спичку. И банка летит в воздух.

— С грохотом? — быстро спросил я. Я очень внимательно слушал Генку.

— Да, слышен не очень сильный взрыв,— недоуменно посмотрел на меня Генка.

— Объявляю операцию «Акбар»,— торжественно сказал я,— начатой.

ОПЕРАЦИЯ „АКБАР“

— Почему «Акбар»? — спросил Генка.

— В честь твоего героического котенка,— объяснил я.

— А что это будет за операция? — не отставал Генка. Как человек техники, он хотел сразу схватить суть дела.

Легко сказать — «схватить суть», если я сам толком не знал, что это будет за операция. Но название было придумано, а это уже половина дела.

И снова мы сидим на чердаке — теперь втроем: Генку мы все-таки уговорили — и что есть силы ломаем головы. Идеи сыплются одна за другой.

Сперва — юмористические.

— Нужно достать большую банку, привязать к ней Цитруса и пустить все это на гороховцев, — предлагает Семка. — Будут удирать без оглядки.

Цитрус, которого Семка хочет напустить на Гороха и его ребят, здоровый волкодав дяди Васи, хозяина огромного сада. У него яблочка не выпросишь, не то что собаку.

— Тогда уж лучше слона пустить, — неловко шучу я только лишь для того, чтобы сказать хоть слово.

Потом появляются серьезные идеи. Их, конечно, предлагает Генка.

— Ребята, — говорит он, — мы в кружке недавно смастерили пять ракет.

И тут Генка сообщает такое, что мы с Семкой радостно вскакиваем и начинаем танцевать вокруг старого дивана, на котором восседает Генка. Мы танцуем боевой индейский танец. Мы не знаем, правильно ли он получается, потому что ни одного индейца в глаза не видали, и вообще у нас с танцами нелады... Но мы знаем одно — танцевать надо торжественно, с каменными лицами, изредка оглашая воздух воинственными кличами.

— Держись, Горох! Стрела поразит твое подлое сердце! — первым оглашаю воздух я.

— Ты велик, Генка, конструктор молний! — выкрикивает Семка.

Генка ерзает на диване и морщится.

— Ребята, мне домой пора. Родители волнуются, наверно. Завтра после уроков начнем.

Трезвый голос нашего друга превращает нас из индейцев в шестиклассников, и мы расстаемся до завтра.

Вы, ребята, конечно, хотите узнать, что за идею предложил Генка Правильный, если мы, люди в общем серьезные, пустились в пляс. Вы не обижайтесь, ребята, скоро я вам открою все секреты. Но не сейчас, а чуть попозже. Потому что вам просто не интересно будет читать дальше.

Итак, на завтра на аэродроме Генки Правильного, который был переименован в ракетодром «ОА» (как вы совершенно правильно догадались — операция «Акбар»), начались тайные, невидимые приготовления. Мы работали по вечерам, чтобы Горох и его ребята ничего не заметили. Наш ракетодром был совсем близко от их дома — всего метрах в ста или чуть дальше. И поэтому кто-нибудь из нас — или Семка, или я — дежурил возле дома Гороха, чтобы, как кто появится, предупредить товарищей.

Но нам просто везло. Все эти вечера гороховцы сиднем сидели дома: наверно, хоккей по телевизору смотрели.

И вот, наконец, все готово. Операция «Акбар» вступает в решающую фазу. Сегодня на вечер назначен бой Гороху и его компаний.

...Темнело рано. Раз, два — и уже вечер, а всего только пять часов.

— Я пошел,— говорю я. Семка и Генка смотрят на меня с восторгом. Я иду прямо к нашим врагам. Я должен задраться с ними, а потом...

— Ты не тяни,— советует Семка.— Ударь раз и беги назад.

— Может, и вообще бить не надо,— мнетя Генка.— У нас достаточно устрашающих средств.

— Ладно,— соглашаюсь.— Я мигом.

Я направляюсь к дому Гороха. Иду неторопливо, чтобы обдумать план действий. Собственно, че-

го тут думать?! Я должен задраться с ними, а потом...

Компания Гороха в полном сборе.

— Смотрите, кто к нам пожаловал,— замечает меня издали Горох.— Посол не очень дружественного государства... Чем могу служить?

Ребята Гороха заняты своим обычным делом — привязывают проволоочки к деревьям. Готовятся к вечерней «охоте».

— Вот что,— говорю я тоном майора милиции.— Немедленно прекратите свои хулиганские делишки. Иначе...— я делаю многозначительную паузу.

— Иначе?— Горох дурачится и приставляет к уху ладонь, как это делают старики, когда плохо слышат.

— Иначе ты получишь по морде,— перехожу я на обыкновенный язык.

— Что, что?— все еще строит из себя глухого старика Горох.

— А вот что,— я делаю выпад и... вспоминаю Генку Правильного. Сдерживаюсь и только сильно толкаю Гороха в плечо. Тот, поскользнувшись, падает. Его компания набрасывается на меня.

Увернувшись, я мчусь назад, к Семке и Генке.

— Держи его! — кричит вскочивший на ноги Горох.

И ребята, тяжело сопя, несутся за мной.

Вот я уже на ракетодроме. Сейчас, сейчас, голубчики...

Ба-бах!

Вот оно. Такого и я не ожидал. Шагах в пяти сбоку взлетает вверх ракета. И какая! Каждый задерет голову, чтобы увидеть такую ракету. Она вся

светится и медленно подымается в темное небо.

Горох и его ребята, конечно, останавливаются и задирают головы. И вдруг их охватывает смятение. Светящаяся ракета раскалывается на две части и стремительно летит вниз, прямо на головы Гороху и его «охотникам».

Те — бежать. Куда? Конечно, в разные стороны. И тут начинается не менее веселое: срабатывает целая система банок с карбидом, которую придумал Генка.

На ракетодроме стоит сплошное: бах-ба-бах, трах-тара-рах!...

Наконец, оправившись от страха (банки с карбидом все-таки вещь более знакомая), наши враги удирают к своему дому. И тут на их пути вырастает Семка.

— Руки вверх! — кричит он и достает из-под пальто... ракету.

Точно такую, светящуюся, как та, которая испугала гороховцев.

— Руки вверх! — кричим и мы с Генкой, догнав улепетывающих противников. У нас в руках так же таинственно светятся ракеты. Мы их держим, как автоматы.

Гороховцы поднимают трясущиеся руки.

— Ну что, пускать? — спрашиваю я у Гороха.

Его всего передергивает.

— Что ты! Мы за мир!

— Ну так вот! Мы великодушны, — сдержанно говорю я. — Пленных не берем. Но если вы еще раз повторите свои штучки, то... — Я выразительно киваю на ракеты.

Горох так же выразительно прикладывает руки к груди: мол, никогда, ни за что, и вообще о чем речь...

— Проваливайте! — команду я.

Опустив головы, Горох и его ребята бредут к дому. Они изредка оглядываются — не пальнем ли мы им в спину. А мы поспешно удираем на чердак: от наших взрывов вокруг поднялся переполох.

На чердаке я спрашиваю Генку:

— Ну, как? По-моему, это не хуже милиции?

Генка улыбается.

— Пожалуй.

Я команду:

— Отряд, стройся!

Когда Семка и Генка вытягивают руки по швам, я говорю:

— Объявляю благодарность за блестящее проведение операции «Акбар». Кот отомщен, мы тоже. Враг, конечно, силен и коварен, но я думаю, что он долго будет помнить наш салют. Ура!

— Ура! — завопили ликующие Семка и Генка.

А потом мы уселись на старом рыжем диване и Семка спросил:

— Ген! А как краски называются, которыми мы вот эти штуки покрасили? Люми...

— Люминесцентные, — ответил Генка.

В руках мы держали обыкновенные полешки, которым искусные Генкины руки и не очень ловкие наши придали форму ракет. Наши «ракеты» сейчас были совсем не страшные. Они даже не светились, потому что...

— Потому что, — сказал Генка, — люминесцентные краски светятся только в темноте. А здесь лампочка горит.

И тут мы с Семкой поднялись и снова завели боевой индейский танец. А Генка снова поморщился и сказал:

— Ребята, мне домой пора. Родители, наверно, беспокоятся.

Вот и все. Нет, не все. Та ракета, которая взлетела в воздух и поразила Гороха и его ребят, была самая всамделишная. Ее Генка смастерил в кружке Дворца пионеров.

Конечно, жаль, что ракета погибла. Оригинальная конструкция у нее была. Но погибла ракета, выполняя благородное задание. А ради хорошего дела и помереть не жалко.

КАК МЕНЯ „ВТЯГИВАЛИ“

— Надо тебя втянуть,— сказала мне Галка Новожилова.

— Что, что?— удивленно переспросил я.

— Надо втянуть тебя в общественную работу.

— А-а-а!

— Вот тебе пионерское поручение — будешь вести дневник. Записывай, кто что делает на уроках и переменах. Понял?— Галка решительно потрянула двумя большими белыми бантами, похожими на больших белых бабочек.

— Не очень,— ответил я.— А записывать тех, кто в буфет ходит? И сколько пончиков съедает, тоже записывать?

— Не ломай комедию.— Галка подражала взрослым и любила говорить их словами.— И потом, у тебя красивый почерк,— добавила она.

Это была чистая правда. Я очень люблю писать и старательно вывожу каждую буквочку. Мне нравится смотреть, как из букв возникает слово, и это слово что-то значит, и если его кто-нибудь прочтет, то поймет, что я хочу сказать. А потом из слов появляется целое предложение. Нет, честное слово, мне нравится писать сочинения и изложения. Диктовки я писать не люблю — некогда подумать, пиши, что скажут.

Я вспомнил о своем обещании директору. До конца месяца оставалось еще пять дней. И я согласился выполнять пионерское поручение.

Несколько дней подряд на каждом уроке я добросовестно открывал толстую тетрадь с портретом Юрия Гагарина на обложке и начинал записи. Я записывал все, что замечал. На переменах я

ходил по коридору, заглядывал во все углы и писал, писал, писал...

Как-то утром Семка спросил у меня:

— Ты что, рехнулся?

— Отстань, я выполняю пионерское поручение.

— 6 «Б» прижал наших к стенке! — закричал на следующей перемене Семка. — Бежим на помощь!

Я вздохнул поглубже, у меня зачесались руки — вот сейчас я вам покажу. Но... в руках у меня был карандаш и проклятая толстая тетрадь.

— Не могу, Семка, — сказал я. — Выполняю пионерское поручение.

Но после четвертого урока я вручил торжественно тетрадь Галке.

— Я выполнил пионерское поручение. И даже заработал за него двойку. А это уже лишнее, потому что, как известно, у меня двоек хватает.

Я выбежал во двор. Солнце вlepило мне в лицо ослепительный заряд своих лучей. Снег радостно захрустел под ногами.

Наши ребята, как и на прошлой перемене, снова поддавались 6 «Б» — этим долговязым, у которых руки работали, как машины.

Я врезался к ним в тыл, забросал их снежками, засыпал снежной пылью. Кое-кого я просто толкнул в сугроб. 6 «Б» дрогнул, повернулся ко мне. И тогда ударили сзади наши. Натиск был таким стремительным, что 6 «Б» позорно бежал в разные стороны, оставляя на поле битвы галоши.

Меня, мокрого от снега, качали. Я взлетел вверх, и синее небо было так близко, стоило только руку протянуть — и достанешь.

Пока я выполнял пионерское поручение, я здорово отдохнул и во мне кипели богатырские силы.

Тут зазвенел звонок, и мы помчались в класс.

А двойку я получил вот как. Степан Александрович заметил, что я не слежу за опытом, а что-то записываю в тетрадь.

— Что ты пишешь, Коробухин? — спросил Степан Александрович.

— Выполняю пионерское поручение, — гордо ответил я.

Степан Александрович сказал, что пионерские поручения надо выполнять после уроков, и закрыл мою тетрадь с Юрием Гагариным на обложке.

Потом он вызвал меня к доске и попросил повторить то, что объяснял. Я, конечно, ничего не мог ответить, и Степан Александрович поставил мне двойку.

Я считаю, что это несправедливо, ведь я не занимался посторонним делом, а выполнял поручение.

— Вы только послушайте, что он написал, — ахнула Галка Новожилова после уроков. В руках у нее была моя толстая тетрадь.

— Кто написал?

— Что написал? — Ребята складывали книжки в сумки и собирались улепетывать из школы.

— Коробухин! — Галка потрясла в воздухе тетрадкой с портретом Юрия Гагарина на обложке. — Совет отряда поручил ему записывать сюда, кто и как ведет себя на уроках и переменах. И вот что Коробухин написал.

Ребята притихли. Когда произносили мою фамилию, они знали — будет что-то очень забавное. Я скромно сидел за своей партой, как будто весь

шум не про меня и я вообще тут ни при чем. Сознаюсь, я немножко нервничал. Все-таки это было первое публичное чтение того, что я сочинил. Но виду я не подавал.

— Слушайте,— повторила Галка и откашлялась.— «15 декабря. Всю алгебру Миша Теплов глубокомысленно чесал в затылке, а надо было шевелить мозгами»,— торжественно продекламировала Галка.

Ребята покатались со смеху. А Мишка Теплов торопливо отдернул руку. У него была такая забавная привычка. Когда Мишка хотел что-нибудь понять, задачку, например, он начинал чесать затылок. Но это Мишку не спасало. Двоечки вперемежку с троечками были основными жителями его дневника.

— Тише,— и Галка открыла вторую страницу моей летописи.

«16 декабря. На уроке английского в класс залетела огромная муха. И откуда она только взялась зимой, черт ее знает. Сперва муха кружилась вокруг Аделаиды Васильевны, а потом стала кружиться вокруг каждого ученика. Поэтому в тот день никто правильно не мог произносить слова. Аделаиде Васильевне казалось, что все жужжат, когда надо шипеть. А во всем виновата муха и дежурные, которые ее пропустили и не вели с ней борьбы».

Ребята просто взвизгивали от хохота.

— Но это еще не все.— Галка подняла руку, призывая к тишине.— Это еще цветочки, а вот и ягодки.

«17 декабря. У наших девчонок не сердца, а камни, я бы даже сказал — булыжники. На их

глазах горит человек, а они хоть бы хны. Не желают товарищу подать руку помощи.

Сегодня на уроке русского языка горел Колька Комаровский. Когда у него спросили, какая разница между глаголами совершенного и несовершенного вида, от Кольки сразу повалил дым. Он бросал красноречивые взгляды на девчонок, которые, как назло, захватили первые парты. Но те делали вид, что ничего не замечают.

Чувствуя, что Колька гибнет, я сжалился над ним и прошептал с последней парты, — оцените мое мужество! — глаголы совершенного вида — это такие, которые достигли совершенства, а несовершенного — которые этого самого совершенства не достигли.

А что было дальше, всем известно: Колька получил двойку.

Предлагаю всех девчонок, которые не выручили товарища из беды, осудить — неделю не продавать им в буфете пончиков с повидлом».

Ребята стонали от смеха и чуть не падали с парт. Даже Галка смеялась.

Но потом она сказала:

— Ну, хватит на этом. — И захлопнула тетрадку.

— Еще, еще! — закричали ребята. Они стучали крышками парт и орали: «Бис, бис!» Знаете, как в театре вызывают понравившегося актера.

Я понял, что должен выйти на сцену. Я встал и величественно подошел к доске. При моем появлении ребята замолкли. На их лицах блуждали улыбки. Они ждали, что сейчас я отколю еще какой-нибудь номер.

— Галя права, — сказал я. — Хорошего поне-

множку. Вторая серия еще не готова. Спасибо за внимание.

Я поклонился.

Мне захлопали.

В класс вошла техничка тетя Шура.

— Что это — концерт у вас или мероприятие какое?

— Репетиция, тетя Шура, — улыбнулась Галка.

— Вы репетируйте, конечно, но шепотом, — сказала тетя Шура. — За стеной директорша урок начала, услышит — она вам устроит концерт.

Так окончилось мое первое выступление. Если говорить честно, я был доволен. Такого горячего приема я и не ожидал. Правда, исполнительнице моих произведений не хватало чувства юмора, но — сойдет и так.

А самое главное — теперь никто не скажет, что я не выполнил пионерское поручение.

Не выполнил?

А аплодисменты?

То-то.

СЕМКА ЖЕРТВУЕТ ШЕВЕЛЮРОЙ

Что ни говорите, что вы мне ни доказывайте, а самое интересное в школе — это каникулы. С каким нетерпением ждешь воскресенья, а ведь каникулы — это двенадцать воскресений сразу и подряд.

Сперва, конечно, в каникулы надо выспаться. Дрыхни себе хоть до десяти часов, никто тебя не растолкает с воплем: «Опять, бездельник, опоздал в школу!»

Потом в каникулы можно вволю покататься на лыжах и коньках.

А потом заняться и серьезными делами.

Я еще вам не рассказывал, что у меня с Семкой была страсть — марки. Одно время мы чуть не помешались, говорили только о Конго, о Мадагаскаре, о Береге Слоновой Кости. За что попало мы выменивали марки. Сперва каждый собирал свой альбом, и у нас попадались одни и те же марки. Но вскоре мы объединились, а одинаковые марки решили повыгоднее обменять.

Я уже охладел к коллекции, а Семка все еще вздрагивал, когда видел новую марку, и спрашивал у хозяина драгоценности: «Что ты хочешь взамен?» Я не сомневаюсь, что попроси тот у Семки новую рубашку, которую ему вчера купила мама, он отдал бы не задумываясь.

Наши альбомы хранились дома у Семки, и мой друг часто бегал в центр города, где был большой книжный магазин. В том магазине постоянно собиралась толкучка, там обменивались марками.

Однажды Семка прибежал ко мне очень расстроенный:

— У меня какие-то гады отобрали альбом, а там Конго, Монако... Я гнался за ними, они перемахнули через забор и удрали...

А произошло вот что. Как всегда, Семка толкался в толпе мальчишек, разглядывал чужие альбомы и показывал свой.

К нему подошел длинный бледный парень и вежливо улыбнулся:

— Мне очень нравятся твои марки, мальчик. Пойдем ко мне домой. Я покажу тебе свои, у меня неплохая коллекция. Я живу рядом, во дворе.

Простодушный Семка поплелся за парнем. А кто бы не пошел? Собственно, чего бояться?

Когда они миновали ворота, какие-то мальчишки дали Семке подножку, он растянулся, а альбом упал в снег. Похитители схватили альбом и помчались к забору. Бледный парень удирает вместе с ними.

Пока Семка вскочил, пока перелез через забор, похитителей и след простыл.

— И это в самом центре города! — восклицал я, расхаживая по комнате.— Среди бела дня! Куда только смотрят дружинники!

Семка сидел в моем кресле-кровати подавленный. Я понял, что мои слова отлетают от него, как мяч от стены.

Тогда я сказал:

— Надо действовать.

И мы ежедневно стали появляться в книжном магазине. Для отвода глаз мы брали альбом с самыми обыкновенными марками — их можно купить в любом киоске.

К нам подходили, внимательно рассматривали альбом, махали руками: «А, ерунда», — и отходили. Нам это было на руку. Не привлекая внимания, мы в четыре глаза (два моих и два Семкиных) наблюдали за всеми, кто входил в обе двери магазина.

Три дня не принесли нам успеха. Надо было менять тактику.

— Вот что, — сказал я Семке, когда мы собрались в четвертый раз на «охоту». — Тебе придется изменить внешность.

Семка вздрогнул, когда я схватил его за нос.

— Вообще неплохо бы укоротить нос, но это

нереально,— подумал я вслух и отпустил Семкин нос.

Семка облегченно вздохнул и ласково погладил нос.

Я еще раз оглядел Семку. Мой друг, не мигая, смотрел на меня: что еще я предложу ему укоротить?

— Придется отказаться от кудрей,— грустно сказал я.

Кудри были гордостью Семки. Еще летом, когда он узнал, что в 6-м классе можно будет щеголять в прическах, Семка стал любовно отращивать свои волосы. Когда он появился 1 сентября, все ахнули, особенно девчонки. Шевелюра преобразила Семку. Теперь он был похож на всех великих музыкантов прошлого сразу.

И вот я смотрю Семке в печальные глаза и говорю:

— Надо, Сема, понимаешь?

Семка шмыгает носом.

— Иначе мы никогда не добудем марки,— настаиваю я.

Семка решительно встает.

— Идем в парикмахерскую.

— Сема, позволь мне пожать твою мужественную руку,— растроганно говорю я.

Из парикмахерской Семка вышел пошатываясь и облизывая губы. Я ждал его на улице.

Семка нахлобучил на уши шапку и виновато улыбнулся:

— Холодно без них.

Семка без кудрей был неузнаваем. То есть я его узнавал, потому что это был Семка-пятиклассник.

— Это даже полезно,— сказал я.— Стрижка укрепляет корневую систему.

— Конечно,— бодрился Семка.— Они после этого еще лучше будут.

— В сто раз лучше,— горячо поддакнул я.

И вот мы снова в магазине. Семка снимает шапку и, стриженный наголо, с альбомом в руках, ожидает похитителей. Я, спрятав в воротник пальто лицо, притаился в углу напротив. Семка должен мне мигнуть, и тогда я нападду на похитителей марок.

— А если их будет трое?— растягивает слова Семка.

— Справимся,— говорю я. Как? Я и сам не знаю. Но главное — быть уверенным.

И снова день впустую. Похититель наших марок не появлялся.

— Зря я волосы остриг,— канючит Семка, когда мы вечером идем домой. Фонари в снежных шапках печально стоят вдоль улицы.

— И вообще — каникулы пройдут, а мы ни разу на лыжах не покатаемся,— с тоской говорит Семка.

— Завтра делаем выходной,— я громко хлопая перчаткой о перчатку.— Поедем в парк, на горку. А потом продолжим поиски.

МОРОЗ, СОЛНЦЕ И...

В парке было столько народу, и все на лыжах, что казалось, снег будет раздавлен, втоптан в землю... Но ничего подобного не случилось. Потому что снега было слишком много. Никогда еще в на-

шем городе не было столько снега. Мороз подрисовал каждому лыжнику по румяному яблочку на щеку. И само солнце было похоже на сочную, крепкую антоновку.

Мы с Семкой, конечно, махнули на горку.

— Догоняй! — крикнул я Семке и оттолкнулся палками. Потом сунул их под мышки, чуть-чуть присел и понесся на всех парусах. Ветер пел в моих ушах.

Внизу я развернулся и замер. Следом за мной скатился Семка. Из-под его лыж вырвался целый снежный фонтан.

— У-у-х! — сказал я.

— А-а-х! — подхватил Семка.

— О-о-х! — не сдавался я.

— Ы-ы-х! — показал все зубы Семка.

— Пойдем на склон, — предложил я, когда мы нафыркались всласть.

Мы снова взобрались на горку, и первой, кого я увидел, была улыбающаяся Ира. И другие девчонки из нашего класса. Вы не забыли еще мою соседку по парте? Вокруг нее, как всегда, вились мальчишки.

— Валерка, — зашипел за моей спиной Семка, — вот он. В желтом свитере.

Девчонки болтали с мальчишками и заливались от хохота. Ближе всех к Ире стоял, опершись на палку, похититель марок.

— Точно он? — переспросил я.

— Точно! — закричал Семка и рванулся вперед. — Сейчас я ему дам.

— Спокойно. — Я остановил Семку. Несколько минут я обдумывал ситуацию. Рядом с похитителем были его друзья — здоровые ребята, явно из

восьмого класса. Надо было их разъединить. С троими нам не справиться.

— Жди меня у леска, там, где склон кончается.— Я обернулся к Семке.— И без меня ничего не предпринимай.

Я знал, что по крутому склону многие боятся съезжать, даже отличные лыжники. И я решил попробовать вот что.

Я взобрался на горку, и тут меня узнали Ира и другие девчонки.

— Валерий! — обрадовалась Ира.— Где ты пропал?

— Мы с Семкой повторяем пройденное,— сказал я, приглядываясь к похитителю. Тот презрительно улыбнулся:

— Зубрилы несчастные.

Я еле удержался, чтобы не смазать его по довольной физиономии.

— Между прочим,— я ослепительно улыбнулся,— очень легко узнать настоящего зубрилу — есть простой способ.

— Какой? — спросила Ира.

— А вот видите склон? — Я помахал палкой.— Кто по нему съедет, тот и не зубрила.— Я снова очаровательно улыбался.

Друзья похитителя побледнели. И он сам, кажется, немного струсил.

— Ну, так кто первый? — спросил я.

Девчонки перестали хихикать и начали шушукаться.

— А это не опасно? — забеспокоилась Ира.

— Смотря для кого,— я с прежней улыбкой глядел на похитителя.

Он оказался смелым парнем.

— Я — первый, — сказал похититель.

Мы подъехали к накатанной лыжне. Похититель помедлил немного, а потом резко оттолкнулся и полетел вниз. Над трамплином он взвился как птица. Когда он приземлился, его закачало. Но похититель устоял. И вот он уже махал снизу палками и что-то вопил.

Друзья похитителя марок ликовали, как будто это они съехали с крутого склона.

— Молодец, — сказал я.

Он отличный лыжник, этот похититель. Даже как-то расхотелось его бить.

— Кто следующий? — вежливо спросил я.

Друзья похитителя отводили глаза от моей улыбающейся физиономии.

— Я следующий, — сказал я. Я скатился легко, плавно — такие вещи я делаю запросто.

Вскоре я был рядом с улыбающимся похитителем марок.

— Для первого раза неплохо, — похвалил я его.

— А они что, боятся? — спросил похититель о своих друзьях.

— Трусят. Пошли наверх.

Чтобы снова попасть на горку, надо было обойти лесок, где сидел в засаде Семка.

Как только Семка нас увидел, он сразу рванул к похитителю. Тот усмехнулся и посмотрел на меня. Мое лицо было каменным.

Похититель все понял.

— Отдай марки, гад! — закричал Семка.

— Спокойно, пострадавший. — Я поднял руку. — Подсудимый уже раскаялся и добровольно возвратит нам марки.

— Нет у меня никаких марок! — закричал похититель.— Чего прицепились?!

— В такой прекрасный солнечный день не хотелось бы кого-то бить,— с пафосом сказал я.— Нет, сейчас хочется декламировать стихи. «Мороз и солнце, день чудесный...»

Тут похититель попробовал удрать. Он занес лыжу, чтобы развернуться, и тогда я толкнул его. Похититель повалился лицом в снег. Семка, успевший избавиться от лыж, вскочил ему на спину. Я подоспел на помощь.

— Отдашь марки?— кричал Семка.— Отдашь, гад?

Никогда я не видел моего друга таким разъяренным.

Похититель попытался вырваться, но ему мешали лыжи, Семка и я.

— Не отдам! — закричал он. — Нету у меня их!

— Врешь, — сказал я. Меня этот бледный вор уже бесил. Вот сволочь, украл у человека марки и не думает сознаваться.

Мы прижали похитителя к земле и стали кормить его снегом. Он увертывался, орал. Но несколько порций холодного снега быстро охладили его пыл.

— Ладно, отдам. Вечером принесу в магазин, — наконец пробормотал он.

Я помотал головой.

— Мы сейчас встанем и пойдем вместе к тебе домой.

Он медленно поплелся впереди. Мы с Семкой не отставали. Таким типам я никогда не доверяю.

Похититель жил недалеко от парка, в девятиэтажном доме с красными балконами и с такой штуковиной на крыше, похожей на птицу, которая присела отдохнуть.

— Подождите меня здесь, я сейчас вынесу, — сказал похититель.

— Не выйдет. — Я прямо посмотрел ему в глаза. — Положи свои лыжи. Сема их покараулит, он парень честный, не то что некоторые. А мы вдвоем пойдем к тебе.

Когда мы поднимались в лифте, я сказал:

— Если ты будешь валять дурака, мы скажем Семкиному дяде — он начальник милиции. Поңял?

До похитителя все дошло. Он вручил Семке альбом. Мой друг схватил его и, сияя, стал разглядывать марки.

Я швырнул похитителю его лыжи (кстати, отличные, эстонские) и дал на прощанье тумака по спине.

— Еще раз попадешься, пятнадцати суток не миновать. Это я тебе обещаю, Валерка Коробухин.

Я ПОЖИМАЮ ПЛЕЧАМИ

Как только прозвенел звонок, я схватил свою сумку и бросился к двери.

— Ты куда? — спросила вожатая Кира. Она выросла на пороге и преградила мне дорогу.

Я метнулся в сторону, но удрать не удалось.

— Ты куда, Коробухин? — повторила вожатая.

— Да я... — Несколько секунд я соображал, как выкрутиться. — Понимаете... Вы слушали утром радио?

— Слушала, — ответила вожатая Кира.

— Так вам, значит, известно, что сегодня должна прилуниться автоматическая станция?

— Ну и что из этого?

— Как что из этого? — искренне удивился я. — Как это без меня произойдет? Я должен все увидеть.

— Ничего, — сказала Кира. — Десять минут ты и твоя станция потерпят.

Она подождала, пока я сел на место, потом направилась к столу и оперлась о него руками.

— Ребята, — сказала вожатая Кира, — началась третья четверть. Она самая длинная, но и самая короткая, потому что если не успеешь исправить плохие отметки, то останешься на второй год.

Мы должны наладить шефство над отстающими учениками.

— А мы помогаем друг другу,— раздался чей-то голос.

— Все помогаете?— спросила Кира.

— Все! — Ребята в нашем классе очень любят отвечать хором.

— Это и плохо,— назидательно сказала вожатая.— Надо, чтобы один ученик шефствовал над другим и чтобы он отвечал за двойки товарища. Давайте прикрепим сильных учеников к слабым. Вот, например, Коробухин. Он куда-то торопится, давайте начнем с него.

— Я перепутал,— сказал я.

— Что ты перепутал? — улыбнулась вожатая Кира.

— Станция должна прилуниться завтра,— сердито ответил я.

— Ну и прекрасно,— сказала вожатая Кира.— Так кого мы прикрепим к Коробухину?

В классе наступила гробовая тишина. Я с улыбкой разглядывал ребят. Ну, кто на этот раз решится?

В прошлом году мне помогала сама Галка Новожилова. Она ворвалась в нашу квартиру как на пожар, на ходу засучивая рукава.

— Давай быстрее начнем,— сказала она.— У меня времени в обрез.

Я молча поплелся на кухню, сел за стол, на котором была навалена груда картошки, и принялся ее чистить.

— Ты где? — Галка влетела на кухню.— А,— она махнула рукой на картошку,— потом сделаешь.

Я помотал головой:

— Нельзя.

— Почему?

— Сегодня вечером к нам придут гости, и мама велела, чтобы вся картошка была почищена. Садись помогай.— И я подал ей ножик.

Энергичная Галка схватила самую большую картофелину и принялась ее чистить. Через несколько секунд у нее в руках была уже жалкая крошечная картофелинка.

— Так дело не пойдет,— недовольно сказал я.— Если ты будешь так чистить, нам придется торчать здесь часа два. Ты медленнее, спокойнее...

Галкиной энергии хватило еще на три бульбины. А потом она тяжело вздохнула:

— Ты меня извини, пожалуйста. Но мне надо на совет дружины. Я уже опаздываю.

— Пожалуйста.— Я и не думал ее задерживать.— Приходи завтра.

— Да, да, я приду завтра,— заторопилась Галка.

Назавтра ее ждала гора немытой посуды («от гостей осталось»). Послезавтра я встретил Галку с тряпкой в руках — мы отлично помыли пол. И когда, наконец, послепослезавтра я открыл ей дверь с малярной кистью в руках и сказал: «Покрасим коридорчик и кухоньку, а тогда возьмемся за уроки», — Галка не выдержала. Она сказала, что больше не может и пусть я занимаюсь как хочу.

Я был доволен.

Следующим мне решился помогать добродушный рыжий Вовка Шлык.

Я смерил его широкие плечи, глянул ему в синие глаза и понял, на что он может сгодиться.

Нам привезли машину брикета и свалили во дворе. Мама беспокоилась, как перенести торф в подвал. Вот я и сказал маме, что ко мне придет товарищ и мы с ним в два счета справимся с торфом. Так и получилось.

Вовка и не думал отказываться, он только спросил:

— Ну, а потом займемся арифметикой?

— Обязательно.— Я ударил себя в грудь.— Только арифметикой — чем же нам еще заниматься!

И работа началась. Когда явилась мама, мы почти половину брикетной кучи перетащили в подвал.

— Молодцы, ребята,— обрадовалась мама.— Отдохните немного. Я вас сейчас компотом угощу с пирожками.

Мы сидели на брикете и пили компот, и ели пирожки с мясом, а мама приговаривала:

— Какой хороший у тебя товарищ, Валерий. Бери с него пример.

— Беру, мама, беру.— Я вовсю глотал пирожки и запивал их компотом. Потом поднялся.

— Ну мы, пожалуй, продолжим.

Добродушный Вовка вздохнул и стал нагружать ведро коричневыми брикетинами.

Когда стемнело, весь наш сарай был забит брикетом, а еще небольшая кучка осталась на дворе. У меня ныла спина. Вовка не мог пошевелить руками, так они болели.

— Завтра добьем,— я бросил брикет в ведро, оно зазвенело.

— Добьем,— вздрогнул Вовка.

Назавтра Вовка сказал, что у него секция и он

не сможет прийти таскать брикет. Послезавтра он сказал, что немного не здоров. А глаза его бегали и прятались от моих глаз.

Я не настаивал. Я понял — и этот помогать не будет.

Вот почему я с таким веселым видом оглядывал ребят. Все знали о том, как я встретил Галку и Вовку, все еще помнили об истории с Эльбрусом и потому молчали.

— Так кого прикрепим к Коробухину? — повторила вожатая Кира.

— Я буду помогать Валерию, — рядом со мной решительно хлопнула крышкой парты Ира.

Да, этого я не предусмотрел. Она же ничего не знает. Что придумать?

— Можно мне? — Я поднялся. — Я, конечно, очень благодарен Ире, что она взялась мне помогать. Но, может, ей будет трудно?

— Почему? — спросила Кира.

— Но ведь у Иры занятия в музыкальной школе, и потом она... — я изобразил, как гимнастки делают ласточку. — Просто времени не хватит?

— Хватит, — сказала Ира.

— Значит, договорились? — И Кира что-то отметила в своей тетради.

Я пожал плечами.

БОЛЕТЬ — НЕ МОЕ ПРИЗВАНИЕ

Дзинь!

Это к нам позвонили.

— Войдите, — чуть слышно проскрипел я. — Дверь открыта.

— Здравствуйте, к вам можно?— На пороге стояла Ира.

Я слабым движением руки показал: входи, мол, видишь — лежу... еле жив...

— Что с тобой? — бросилась ко мне Ира.

Я лежал на маминой тахте, держался за сердце и тихо стонал.

— Что с тобой? — Ира совсем перепугалась.

— Энцефалит,— сказал я.

— Что-о-о?

— Энцефалит и еще глаукома;— сказал я, и на моих глазах заблестели слезы. Мне и самому вдруг показалось, что я серьезно болен, еле дышу и скоро, наверное, очень скоро умру.

— Я сейчас же сбегаю за врачом.— Ира начала поспешно застегивать пуговицы пальто.

— Не надо! — Я даже приподнялся, но потом быстро опустился и застонал.

— Я знаю, что врач скажет: «Покой, только покой, другого лекарства нет».

— Я даже не знала, что у тебя такие тяжелые болезни,— серьезно сказала Ира.

Я покивал головой.

— Может, тебе книжку почитать?

Я отрицательно замотал головой и жалобно проныл:

— Сколько времени?

Ира посмотрела на часы, которые тикали на тумбочке.

— Половина четвертого.

— Еще часов пять лежать надо.

— Так долго? — удивилась Ира.

— Может, и больше, — печально вздохнул я. — Ты иди домой.

— Но вдруг тебе что-нибудь понадобится, — взволнованно сказала Ира. — Я тебе помогу. Болезни все-таки опасные.

— Спасибо. — Голос мой дребезжал, как старенький трамвай. — Сейчас мама придет. Она знает, что делать. Ты иди. Иди!

— До свидания. — Ира ласково улыбнулась и, пятясь, вышла в коридор. — Я к тебе вечером зайду! — крикнула она.

Когда за ней захлопнулась дверь, я сел на тахте, нашел то место на груди, под которым бьется сердце. Может, я и вправду заболел? Но нет. Сердце билось, как и до сегодня. Еще 100 лет по меньшей мере будет стучать.

Дзинь! Снова к нам.

Я моментально вытягиваюсь на тахте.

— Входите, — жалобно говорю я.

— Валерка, это я. — За дверью слышен Семкин голос.

— Ты один?

— Да, один, а что?

Я спрыгиваю с тахты и в два прыжка достигаю двери. Все-таки болеть — это не мое призвание.

Семка входит, глаза его широко раскрыты — он удивлен. Под мышкой у него торчат лыжи.

— Слушай, что ты выдумал? — говорит Семка. — Встретил Ирку, она сказала, что вызовет «скорую помощь». Ты, мол, чуть ли не при смерти. У нее слезы на глазах были.

Я застонал, как настоящий больной.

— Ах, черт. Как она вызовет «скорую»?

— У нее телефон дома, — сказал Семка.

— Да, — я философски почмокал губами. — Всего не предусмотреть. Так ты говоришь — она рыдала? Впечатлительная девочка.

— Да что с тобой? — недоумевал Семка.

— Ничего, Сема, ничего. Просто я влип. И ничем уже мне не поможешь. Айда лучше кататься на лыжах.

Я не буду рассказывать, как примчалась «скорая помощь», как все потом выяснилось, и что сказала мама, и что подумала Ира. Вы уже хорошо знакомы с моей жизнью и легко все это себе представите.

Я только расскажу, как на завтра ко мне домой снова пришла Ира.

Она разделась в коридоре, я хотел ей помочь повесить пальто, но она твердо отвела мою руку и молча прошла в комнату.

Ира села на стул и резко открыла учебник физики:

— Будем заниматься.

— Будем, — повторил я и придвинул свой стул поближе к Ире.

— Начнем с физики, — строго сказала Ира.

— Начнем, — как эхо, повторил я.

Ира решительно потрянула головой.

— Ты должен знать, что без физики в наше время очень трудно что-нибудь сделать, даже жить трудно.

— Да, трудно. Мне очень трудно... жить... без физики,— затынул я.

— Если ты сейчас же не прекратишь свои кривлянья, я уйду!

Я никогда не видел Иру такой сердитой, лицо ее пылало, как пирог, вынутый из духовки.

— Я не кривляюсь,— разозлился я.— Я всегда говорю серьезно. Это вам всем кажется, что я кривляюсь. Все привыкли и думают, что я клоун. И как увидят меня, так сразу рты в улыбочку растягивают — ждут, что смешить буду. А я не клоун, я человек. И мне обидно, что меня не понимают.

Ира выслушала мой монолог очень серьезно, глаза ее горели. Она сказала:

— Я верю, что ты хороший человек. Понимаешь?

— Понимаю,— я проглотил слюну.— Если бы все были такие, как ты.

Я улыбнулся Ире. Она тоже улыбнулась.

— Слушай, поедem в воскресенье в Зеленое на лыжах. Там есть такой карьер — одно удовольствие,— выпалил я.

— Поедем,— согласилась Ира.— Я очень люблю кататься с гор.

— Я тоже. И Семку с собой прихватим. Семка — отличный парень.

— Мне Сема нравится. Он очень добрый.

— До-го-во-ри-лись,— я размахивал руками и бежал по комнате.

— А теперь займемся физикой,— Ира была неумолима.

Мои руки еще продолжали барахтаться в воздухе, но их движение стало замедленным. Знаете, как пропеллер останавливается.

Я сел за стол:

— Займемся.

Ира снова раскрыла учебник физики. Я слушал, что она говорила, и смотрел на нее. И все никак не мог понять, как это мне не удалось от нее избавиться. Только потом мне пришло в голову, что я, наверно, не очень хотел от нее избавиться. Мне даже было приятно, что такая девчонка со мной занимается.

А о маме говорить нечего. Когда она увидела меня, склоненного над книгой, и не над какими-нибудь «Тремя мушкетерами», а над солидным учебником физики, мама просто расчувствовалась. Она угощала Иру всякими печеньями-вареньями и приговаривала, чтобы та приходила почаще, что она хорошо влияет на меня, шалопая.

ВОТ ТАК ВСТРЕЧА!

Один раз, когда мы кончили заниматься и моя голова гудела от формул и задачек, Ира предложила:

— Хочешь послушать, как я играю?

— Хочу,— не очень весело ответил я.— Ты изо всех сил побарабань по клавишам, и я все услышу.

Ира жила на четвертом этаже, а я на втором. И если бы она постаралась, я бы услышал, как она играет, сидя у себя дома.

— Ты все шутишь,— обиделась Ира.— А я и

правда неплохо играю. Учительница говорит, что у меня хорошие музыкальные данные,— похвалилась она.

Обижать Иру мне не хотелось, и я пошел смотреть, как Ира играет, хотя с большей радостью погонял бы на лыжах.

Нас встретила Ирина мама — высокая, худая женщина в пестром халате.

— Здравствуйте! — весело сказал я.

— Здравствуй, — строго посмотрела на меня Ирина мама.

— Это тот самый Валерий, о котором я тебе рассказывала,— объяснила Ира.

— Догадываюсь,— ответила Ирина мама и хмуро покосилась на маленькие ручейки, которые вытекали из-под моих ботинок.

Я, конечно, прежде чем пойти к Ире, вылетел во двор и немного побегал туда-сюда. И успел запустить пару снежков высоко, до самой крыши.

— Сейчас, мамочка,— заторопилась Ира.

И мы с ней стали вытирать ноги о коврик. Я не особенно старался, но все-таки, кажется, успел протереть коврик до дыр, а Ирина мама все не впускала нас в комнату. Я хотел было повернуть оглобли, то есть, попросту говоря, удрать на улицу, но тут Ира сказала:

— Хватит.

И потянула меня за рукав в комнату, где среди прочей мебели выделялось массивное, шоколадного цвета пианино, все в завитушках и крендельках. Я на цыпочках пробалансировал по натертому, блестящему паркету и похлопал пианино по крышке.

— Шикарное!

Ира просто расцвела.

— Это очень ценное пианино. Таких теперь нигде нет.

Ирина мама ушла в другую комнату, и я снова обрел дар красноречия.

— И ты на нем можешь все, что захочешь, сыграть? Или только по нотам? — спросил я, развалясь в кресле.

— Пока только по нотам, — ответила Ира.

Она подняла крышку, положила на подставку толстую книгу и начала ее быстро листать. Я пригляделся. На страницах вместо обычных слов, как в нормальных книжках, были сплошные ноты.

— Слушай, — сказала Ира. Она сильно ударила по клавишам. И я чуть не подпрыгнул. Мне показалось, что кто-то хлопнул меня по плечу: «Пошли, парень, с нами». Я не успел и спросить: «Куда?», как музыка мне ответила: «На войну!» «И если ты не трус, — говорила музыка, — если ты не боишься погибнуть за свободу, пойдем с нами».

Я слушал музыку и боялся пошевелинуться.

И как обычно бывает в такие моменты, раздался звонок.

— Ах, Марат, — пропела в коридоре Ирина мама. — Здравствуй, дорогой, здравствуй. А Ириша музицирует.

— Здравствуйте, Олимпиада Петровна, — сказал кто-то. Наверно, этот самый Марат.

— Ах, Марат! — воскликнула Ира и вскочила со стула.

Музыка оборвалась. И меня уже никто никуда не звал. А я даже не узнал, как фамилия композитора, который сочинил эту музыку. Бетховен или Чайковский?..

И тут вошла Ира. С кем вы думаете? С мамой? Ну, конечно, с мамой. Ну, а еще с кем?

С похитителем марок! Да, с тем самым, которого мы с Семкой в один прекрасный морозный день учили быть человеком. Учили очень простым способом: «кормили» его снегом.

— Я вас покидаю, молодые люди,— между тем сказала Ирина мама.

«И откуда только у нее такой ласковый голос появился?» — мелькнуло у меня в голове.

— А ты, Марат,— обратилась она к похитителю марок,— непременно передай привет маме. Я к вам на днях загляну.

— Спасибо, Олимпиада Петровна,— улыбнулся похититель.

— Вы не знакомы? Познакомьтесь,— предложила Ира, когда ее мама закрыла за собой дверь.— Это Валерий, мой одноклассник. Он живет в нашем доме. А это Марат. Он учится в восьмом классе.

Тут похититель ко мне внимательно пригляделся и, конечно, узнал, потому что он побелел еще сильнее.

Я улыбнулся.

— Мы давно знакомы. Ты ходишь на горку? А по склону спускаешься?

— Не хожу и не спускаюсь,— медленно проговорил похититель.— А ты, выходит, живешь в этом доме? Отлично...

Я понял, чем пахнет это «отлично». Оно пахнет вот чем: «Я знаю, где ты живешь. И теперь ты в моих руках».

— Ах, я вспомнила! — Ира всплеснула руками.— Вы познакомились в парке, на горке.

— Да, у нас яркие воспоминания,— ухмыльнулся я.— Правда, не одинаково приятные для обоих.

— А там что-нибудь случилось? — удивленно спросила Ира.

— Ничего,— оборвал ее похититель.— Ириша, сыграй мне.

— Что, Марат? — Ира послушно села за пианино.

— Что хочешь,— ответил Марат.

И тут я схватился за голову.

— Как это я забыл? Я же оставил на плите чайник, там наверняка все взлетело на воздух! — Я вскочил с кресла.— До свидания, до скорой встречи!

Последние слова я произнес, глядя на похитителя, и даже подмигнул ему на прощанье.

Я прибежал домой и на всякий пожарный случай проверил, а не пыхтит ли вправду на плите чайник. Нет, конечно.

Я растянулся на тахте. Убежал я не потому, что испугался этого Марата. Чихать я хотел на его угрозы. Еще посмотрим, кто кого. Стоит мне рассказать Ире, что он мелкий и подлый воришка, и она перестанет ему играть разную хорошую музыку. И будет играть ее только мне. А убежал я потому, что не мог слушать с ним вместе эту музыку. Потому что это была моя музыка. Мне казалось, что я сам мог бы ее сочинить, если б умел, как Ира, играть на пианино.

Я вспомнил о похитителе и засмеялся: сапог лакированный, а не человек. И чего он к Ире в гости приходит?

«Валерка,— вдруг сказал я сам себе,— что с

тобой? Неужели ты влюбился в девчонку? Пусть даже в такую, как Ира?»

Да нет, я просто думаю о Марате. Когда такие мальчики обозлятся, они забывают о собственной трусости и бросаются в драку очертя голову.

Уже через несколько дней я понял, что угроза похитителя была незряшной.

„ВЕЛИКОЛЕПНАЯ СЕМЕРКА“

В тот вечер мы с Семкой бродили по двору — дышали свежим воздухом. А потом отправились на ракетодром Генки Правильного, где мы когда-то здорово проучили Гороха и его ребят.

— Они улепетывали, словно зайцы, — хохотал Семка.

— Веселое было зрелище, — согласился я.

На ракетодроме было темно, не то что в памятный вечер, когда мы отомстили Гороху. Только от ярко сверкавших семиэтажных домов доходил слабый отсвет. Никто сюда не забредал, все старались обойти стороной наш ракетодром.

Сзади неожиданно захрустел снег: кто бы это мог быть? Обернулся — четверо парней, не торопясь, двигались к нам.

Почему-то я сразу сообразил: это приятели Марата. Наконец они нас подкараулили.

Семка толкнул меня в бок:

— Смотри, еще трое.

Со стороны ярко сиявших домов шли еще трое. «Великолепная семерка», — подумал я ни к селу ни к городу. Мы окружены. Уже в двух шагах ехидно улыбающееся лицо Марата.

Я чувствую, что у меня начинают дрожать колени.

— Бить будут? — вертит головой Семка.

— Нет, медали вручать, — злюсь я на себя и на Семку.

И вдруг я слышу музыку. Ту самую, которую играла Ира. «Если ты не трус, парень, и не боишься погибнуть за свободу, идем с нами...»

— Бей их! — воплю я. — Покажем, что не зря мы перворазрядники по боксу! — вру я на всякий случай, зная, что никто мне не поверит.

Мы лихорадочно лепим снежки, но пустить их в ход не успеваем — враги наваливаются на нас. Я отбиваюсь, но Марат валит меня с ног. Падая, я вижу, как здорово сражается мой друг. Семку тоже сбили. Он лежит на спине, быстро вертится и лупит ногами всех, кто пытается к нему подойти.

Я кричу:

— Молодец, Семка! — и беру с него пример, отбиваюсь ногами, а потом, изловчившись, вскакиваю и снова начинаю колотить руками всех, кто подвернется.

— Вперед, наших бьют! — слышу я крик.

Очень знакомый голос, думаю я. И вижу, как со стороны дома Гороха бегут к нам на помощь мальчишки.

В это время кто-то здорово треснул меня по голове. Но прежде чем упасть, успеваю заметить, что на подмогу к нам примчались Горох и его ребята.

Ну и ну!

Когда я поднимаюсь, вернее, когда Семка поднимает меня, гороховцы во главе со своим атаманом возвращаются к нам, шумно размахивая руками. «Великолепной семерки» и след простыл.

Разглядев нас с Семкой, Горох и его ребята замирают.

— Вот это фокус! — присвистнул Горох. — Посмотрите, кого мы спасли?! наших главных врагов!

— Спасибо вам, ребята, — говорит вежливый Семка.

— И на старуху бывает проруха, — развожу я руками.

— А здорово они вас отутюжили. — Горох с улыбкой вглядывается в наши распухшие физиономии. Его дружки насмешливо хихикают.

— Ну, вот что, — я поправляю шапку. — Кончай разговоры, приступим к делу. Давайте драться.

— Айн момент, — поднимает руку Горох. — Вы сейчас не в форме. А мы уже отвели душу. И потом, когда семеро против двоих — это нечестно, правда?

— Нечестно, — говорю я, удивляясь словам Гороха.

— Слушайте, — подает голос Семка, — надо торопиться. А то они удерут.

— Ага, — подхватываю я. — Раз случай свел нас вместе, давайте объединимся и всыплем этим типам как следует.

— У них одна дорога — через Первомайскую на проспект, — говорит Горох.

— А там мы их... — Я сжимаю кулаки.

— Бегом, — командует Горох.

Переулками, срезая путь, мы добираемся до Первомайской и у переезда устраиваем засаду. Спрятавшись за забором какого-то домика, ждем противника.

— Неужели прошли? — волнуюсь я.

— Нет, вон они,— шепчет кто-то из ребят.

«Великолепная семерка» чуть ли не бегом приближается к переезду. Они все время оглядываются назад: нет ли погони? Вот они почти рядом.

— Давай,— тихо говорю я. И мы с Семкой встаем, готовые броситься навстречу семерке.

— Айн момент,— удерживает нас Горох. Он достает из-под пальто веревку, завязывает на ней петлю и, сильно размахнувшись, бросает самодельное лассо под ноги Марату. Марат сразу летит на землю, и Горох за одну ногу подтягивает его к себе. А мы срываемся с места и нападаем на растерявшуюся и совсем не великолепную шестерку.

Через несколько минут трое самых здоровых связаны по рукам и ногам, а четверо умоляют отпустить их домой, потому что они никогда больше драться не будут. И вообще, если бы не Марат, они бы ни за что не напали на таких замечательных ребят, как мы.

— Может, отпустим? — разжалобился Семка.

— Может, снегом покормим? — подмигивает мне Горох.

Все глядят на меня и ждут мудрого решения. Я приосаниваюсь и пару минут размышляю. Не верю я людям, которые сперва дадут тебе по зубам, а потом говорят, что они этого не хотели и вообще они ангелы. Я таким типам ничего не прощаю, ни одного синяка. Кстати, под левым глазом здорово болит. Может, вот этот мне и залепил, который сейчас хнычет и просит отпустить его к мамочке?

Я поглядел на приувядшую семерку, а потом на сугробы снега, которые сегодня завалили всю

улицу. И еще раз на семерку, и еще раз на сугробы.

Веселая идея рождается сама собой.

— А что, если «великолепная семерка» тунеядцев потрудится на благо улицы Первомайской? — восклицаю я. — Сейчас мы раздобудем для них лопаты, и пусть мальчики, засучив рукава, с огоньком очистят улицу от снега.

Мое предложение проходит на «ура».

— Труд создал человека, — важно изрекает Горох.

Мы с Семкой отправляемся в ближайшие дома за лопатами, а Горох со своими сторожит тунеядцев.

Мы стучимся в двери и говорим:

— Наш пионерский отряд решил очистить вашу улицу от снега. Дайте нам, пожалуйста, лопату.

Жители улицы охотно дают нам деревянные лопаты, а некоторые даже помощь свою предлагают. Но мы благородно отказываемся:

— У нас такие ребята и так любят работу, что мы быстро справимся сами.

Мы вручаем четверым тунеядцам орудия труда. Трех связанных охраняет Горох. Мы же не спускаем глаз с тех, кто работает, а когда надо, покрикиваем, командуем.

Тунеядцы начинают энергично. Их лопаты так и мелькают в воздухе. Вскоре они очищают тротуар перед пятью домами. Но, переусердствовав, Марат и его дружки выдыхаются и начинают еле шевелиться.

— Эй, Горох! — кричу я. — Давай вторую смену.

Горох развязывает троих пленников, они жадно хватают лопаты и начинают с такой силой метать снег, как это делает хорошая машина. Четверо из первой смены, привалившись к забору, отдыхают.

В две смены «великолепная семерка» быстро очищает тротуар. Остается совсем немножко.

— Ладно, хватит,— командую я.— Сматывайтесь.

— И запомните,— показывает могучие кулаки Горох,— кто к нам с мечом придет — от меча и погибнет.

Мы хохочем. Повесив носы, измотанные, но перевоспитанные, тунеядцы идут через переезд к проспекту.

С неочищенной частью тротуара мы справляемся за полчаса.

Домой возвращаемся почти друзьями. Вот ведь как странно бывает: мы с Горохом — почти друзья...

ИЗ ПУСТОГО В ПОРОЖНЕЕ

Уже три дня, как болеет Ира. У нее грипп вместе с ангиной. Ребята целой толпой навестили Иру, и Семка каждый день носится к ней.

А я ни разу не зашел к Ире. Мне как-то неудобно. Потому что вчера я получил новую двойку по арифметике. И мне первый раз в жизни стыдно, что я получил двойку. Раньше нахватаешь «пар» и гордишься ими, как олимпийскими медалями. А теперь почему-то стыдно. Я представляю, как строго посмотрит на меня Ира, и у меня мурашки начинают по коже стометровки бегать.

Мама сердится:

— Почему ты не наведишь Иру? Она ведь тебе помогала.

— Боюсь заразиться,— отвечаю я.— Ты ведь знаешь, какой грипп заразный. И ангина тоже.

— Никто тебя не заставляет с ней целоваться,— сердится мама.

— Вот еще не хватало — целоваться,— фыркаю я.— Не пойду и все. Ты спроси у нее, не нужно ли ей вызвать «скорую помощь»? — Я открываю дверь и последние слова кричу вдогонку маме, которая торопливо поднимается на четвертый этаж, где живет Ира.

А самое обидное, что двойка у меня какая-то глупая. Вообще двоек умных не бывает. Это понятно. Но моя последняя двойка была уж очень глупая, а от этого — обидная. Потому что сперва она была пятеркой.

Позавчера мы писали контрольную. Вы же знаете, как пишутся контрольные — по вариантам. Ты решаешь одну задачу, а твой сосед — другую.

А я сидел один. Одному, сами понимаете, скучно решать. И я попросил Павла Захаровича пересадить меня к Ленке Александрову. Я сидел на предпоследней парте, у самой двери.

— Здесь дует, Пал Захарыч, а у меня насморк,— я усердно пошмыгал носом.

Павел Захарович пересадил. А что тут такого? Ленка решает один вариант, а я другой. Не спишешь все равно.

Нашему варианту попалась эта самая задача, вы ее, наверно, тысячу раз решали: про бассейн, который одна труба наполняет водой, а в другую, наоборот, вся вода выливается. Мне такая арифметика совсем не нравилась. Однажды я в ответе

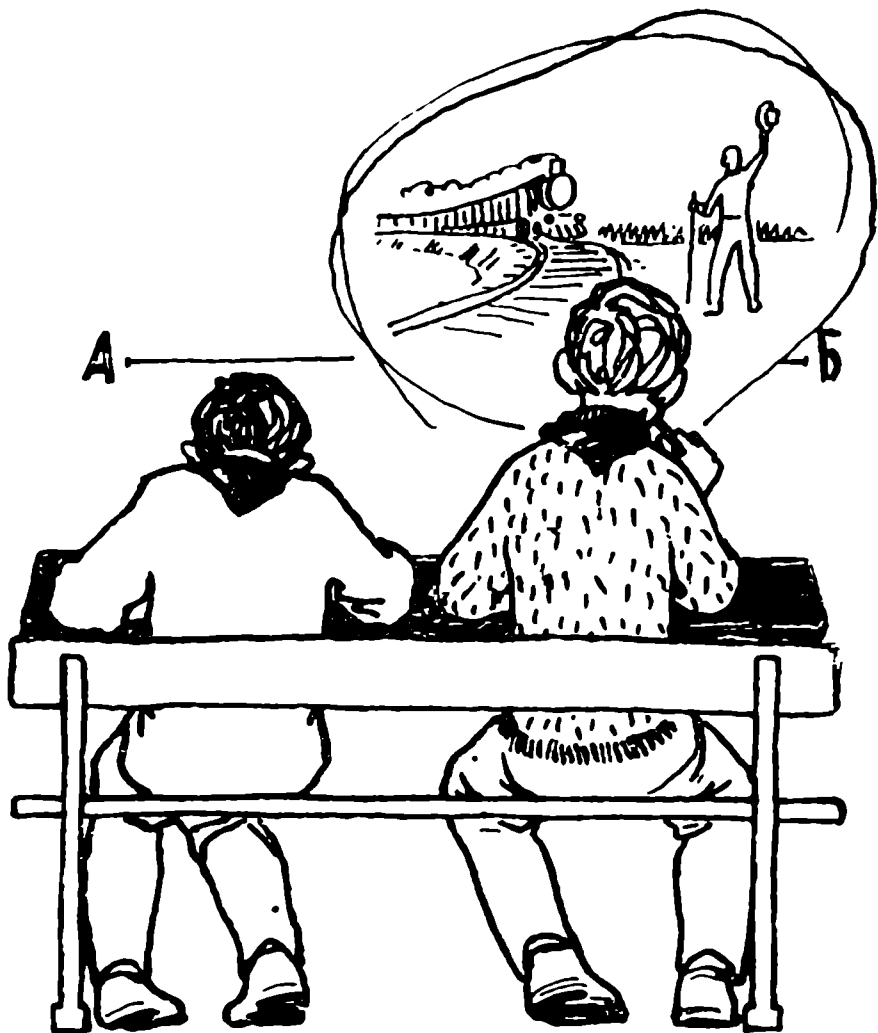
написал: «Надо сказать завхозу, чтобы он починил вторую трубу». Такое решение мне подсказала мама, когда мы с ней два часа бились над задачей, но так и не смогли ее одолеть. И вот на контрольной — такая же.

Зато Ленькин вариант был гораздо интереснее. Из пункта А в пункт Б выехал поезд. Его скорость пока неизвестна. А навстречу ему вышел пешеход. Скорость пешехода 6 км в час. Когда и где они встретятся, если расстояние от пункта А до пункта Б — 240 км.

Тут можно было пораскинуть мозгами. Надо сперва узнать, когда все это происходило. Если зимой, то вряд ли человек может пройти в час 6 километров. Я представил, как он идет, закрываясь от резкого ветра, как снег метет ему в лицо. Нет, вряд ли за час он пройдет 6 километров. Но, может, он на лыжах? Тогда надо было про это написать. В таком случае, конечно, он может и больше за час пройти.

А если действие в задаче происходит не зимой, а летом, какие тогда лыжи?

Летом, конечно, пешеход пройдет в час 6 километров. Но только с утра, когда прохладно. А потом, когда солнце станет

припекать, человек еле-еле поплетется. Я вообразил, как пешеход развалился в тени под деревом и вытирает пот, как он облизывает потрескавшиеся губы: ему, наверное, здорово хочется пить. Тут за час если на 2 километра продвинешься, и то хорошо.

Потом я представил, как вдруг хлынет дождь. И пешеход спрячется от него где-нибудь в будке обходчика. Будет он сидеть, попивать молоко и в окно поглядывать: когда же кончится этот проклятый дождь. Ведь ему, пешеходу, надо торопиться навстречу поезду.

А сам поезд? Если буран начнется, придется ему снизить скорость. А если дожди размоют насыпь, тогда поезду и вообще не двинуться. Я читал в газетах, что на Кавказе после осенних дождей поезда совсем не ходят. Пока вода не схлынет и новые рельсы не поставят. В задаче же не сказано, откуда и куда направляется поезд. Из пункта А в пункт Б. Тут можно любые названия подставить.

Нет, мне очень понравилась задача, которую решал Ленька. Просто прекрасная задача, не то что про эти надоевшие переливания из пустого в порожнее.

И я принялся за Ленькину задачу. Несколько раз я заглядывал в Ленькину тетрадь. Нет, не для того, чтобы списать, что вы, а просто чтобы сверить, так или нет я решаю. Все-таки Ленька отличник и запросто щелкает всякие задачи и примеры.

Мне было даже приятно, что мы выбрали для решения один и тот же путь.

Первым, как всегда, сдал контрольную Ленька Александров. Потом Семка, Галка, Генка и другие

ребята. Я сдал только после звонка. А чего хвататься?

Вчера Павел Захарович раздавал контрольные работы. Он брал тетрадки и говорил, у кого какие отметки. И вот у него в руках моя тетрадь.

— Особо я хочу отметить работу Валерия Коробухина. Очень хорошая работа. Я ее могу поставить рядом с работой Александра — тот же блеск, та же математическая строгость и чутье. Только у тебя, Коробухин, ошибок грамматических много. Но на первый раз ставлю тебе «отлично». Молодец.

Павел Захарович улыбнулся и погладил подбородок. Это значило, что у него прекрасное настроение и он чем-то очень доволен.

— И вы, ребята, молодцы, что помогаете товарищу.

Я скромно опустил глаза. Все-таки приятно, когда тебя хвалит такой старый и строгий учитель, как Павел Захарович. А он все не унимался.

— Я хочу вам показать, как остроумно Коробухин нашел разницу в скорости поезда и пешехода.

И Павел Захарович начал на доске показывать, как я все это решал. Он постукивал мелком, и лицо у него было таким сияющим, словно я по крайней мере открыл закон всемирного тяготения.

— Павел Захарович! — вскочил Ленька. — А почему он решал про поезд, когда ему надо было решать про бассейн?

— Про бассейн? — Павел Захарович нахмурился.

— Да, — продолжал Ленька. — Он же сидел ря-

дом со мной на контрольной. Вы его сами пересаживали.

Учитель положил мел, медленно вытер руки о тряпку.

— Теперь я все понимаю. Зачем ты это сделал, Коробухин? — сказал он, поморщившись. — Ставлю тебе двойку.

— Мне просто понравилась задача про поезд, — воскликнул я. — Мне надоели задачи про бассейн.

Павел Захарович ссутулился и вышел в коридор.

Я показал Ленке кулак.

— Ябеда, получишь.

Ленька покраснел.

— Но это остроумное решение придумал я, а не ты.

— А может, и я тоже? — ехидно спросил я.

— Я тебе не верю, — сказал Ленька. — Воровать чужое остроумное решение нельзя, это не списывание, а плагиат называется.

Я бросился на Ленку с кулаками. Но тут дверь отворилась и Павел Захарович тихо сказал:

— Продолжим урок.

РУКОПОЖАТИЕ ПОД ФОНАРЕМ

Сегодня мне очень одиноко и грустно. Никогда мне не было так одиноко и грустно.

Ира побежала с сестрой в оперный театр. К нам в город приехал известный тенор — толстый, с длинными бакенбардами, какие носили в XIX веке. Ирина сестра сказала:

— В нашем институте все от него без ума. Это же настоящее бель канто.

Ирина сестра с гигантским трудом достала билеты, и они ушли в театр.

Я выхожу на ту самую улицу, где живут Горох и его компания. Я вспоминаю, как мы вместе заставили «великолепную семерку» потрудиться на благо пешеходов, но мне все равно не становится веселее.

Семка и Генка сейчас на занятиях физического кружка. Из нашего класса Степан Александрович только их позвал: пусть сидят, ума-разума набираются.

В кружке занимаются старшеклассники. Но Степан Александрович говорит, что из Семки и Генки будет толк. Побольше бы таких ребят в школе, говорит еще Степан Александрович, а не разных там лоботрясов. И после этих слов он выразительно смотрит на меня.

Ну и ладно, думаю я. Я же не виноват, что у меня нет призвания, что меня не тянет к физике, как Семку и Генку.

Ира мечтает стать химиком, как и ее сестра, маленькая, но важная, в очках. А меня ни к чему не тянет. Сегодня мне нравится физика, завтра алгебра, послезавтра география. Но надолго меня ничто не привязывает.

Я повернул на углу и пошел назад по той же улице. Прислонившись к фонарю, меня ждал Горох. Он засунул руки в карманы, губы оттопыривала улыбочка.

— Что ты бродишь всю ночь одиноко? — засмеялся Горох. — Что ты девушкам спать не даешь?

Я огляделся по сторонам.

— Не трусь,— захохотал Горох.

— Я не трушу,— спокойно ответил я.

— Давай поговорим,— предложил Горох.— Ловко вы тогда с этими ракетами подстроили. Мы здорово сдрейфили.

У меня в голове все время вертелась мысль: чего он от меня хочет? Мы никогда с ним не дружили и, наверное, не будем дружить. Горох был на два года старше меня, учился в восьмом классе. Конечно, он и его ребята нам с Семкой по-настоящему помогли. Если б не они, Марат со своими дружками основательно намял бы нам бока. Но какой Горох человек, я так и не знал. Мне казалось, что в любую минуту он может опять стать нашим врагом.

— Я из окна тебя заметил,— улыбался Горох.— Смотрю, человек ходит один, скучает, дай, думаю, развеселю его.

Я молчал. Я смотрел на него и молчал. Он тоже затих.

— Валерка,— вдруг сказал он,— ты видел когда-нибудь ледоход?

— Видел,— нехотя ответил я.— В кино.

— В кино я и слона видел,— презрительно фыркнул Горох.— А настоящий ледоход, когда льдины одна на другую лезут и такой шум и треск стоит...

— Нет, не видел,— сказал я.

Горох меня сегодня удивлял. Я никогда не думал, что он может восторженно о чем-нибудь говорить.

— Так поехали посмотрим. Завтра утром,— наседал на меня Горох.

— Мне же в школу,— нерешительно протянул я.

— Один день и пропустить можно,— не отставал Горох.— Ну? Ну, решайся.

Я покачал головой.

— Нет, не могу. Пока.

— Не думал, что ты такой маменькин сыночек,— крикнул мне вдогонку Горох.

— Ладно, поговори,— не оборачиваясь, проворчал я.

Ночью мне снилось, как плыли по реке льдины, как они лезли одна на другую, и такой шум и треск раздавался, что я проснулся. За окном надрывался бульдозер. Он разравнивал площадку — напротив нас собирались строить новый дом.

В классе плясали солнечные зайчики, и все ребята глядели в окна. А на переменах классы пустели — даже зубрилы выбегали во двор.

Вокруг Иры на каждой переменке собирались девчонки:

— А что дальше?

— Ему так долго хлопали, забросали всего цветами...

— Этого толстого, с бакенбардами? — мимоходом спросил я.

— И совсем он не толстый,— обиделась Ира.— Откуда ты это взял?

— Ладно,— отмахнулись от меня девчонки.— Что он еще спел?

Я направился к Семке.

— А какие у тебя впечатления?

— Ты знаешь,— Семка радостно завертел головой. Иногда мне казалось, что в порыве восторга он может повернуть голову на 360 градусов.— Ты

знаешь, звонок, который звенит в нашей школе, сделали сами ребята. Звонок соединен с часами, и как только время подходит к перемене или уроку, раздается — дзинь! И все автоматически. Ему уже десять лет, этому звонку, а он еще ни разу не ломался.

— Очень интересно, — зевнул я. — И сегодня ты туда?

— Ага, — сказал Семка.

Я повернулся и пошел в класс.

Семка догнал меня.

— Может, и тебе записаться в кружок?

— Нет. Степан Александрович не пустит. Да я и сам не хочу.

Вечером я снова был на Гороховой улице. Прошел один раз мимо фонаря, второй раз. Горох не появлялся. Глянул на окна его квартиры — светятся. Может, Горох дома?

Тогда я вспомнил, как вызывали Гороха его приятели. Я заложил два пальца в рот и свистнул.

В ту же минуту лохматая голова Гороха показалась в окне. Он что-то жевал.

Я помахал ему рукой.

— А, это ты! — крикнул Горох. — Сейчас спущусь.

— Я согласен, — сказал я, когда Горох подбежал ко мне.

— Молодец, Валерка, — от радости просиял Горох. — Дай пять.

Мы пожали друг другу руки.

— Поезд идет в 8.30, — сказал Горох. — Не пропустишь?

— Нет.

— Будь здоров. Поесть захвати с собой. Понял?

ЗОЛОТОЙ ДЕНЕК

— А зачем портфель взял? — спросил меня Горох на вокзале.— На сегодня уроки отменяются.

— Просто так,— я помахал портфелем.— Чтобы мама не заметила, ей сегодня на вторую смену.

— Конспирация, — захохотал Горох. — Не дрейфь, ледоход стоит того, чтобы школу пропустить. А к вечеру вернешься, мать ничего и не узнает.

Денег на билет нам хватило только «туда».

— Назад «зайцами» поедem,— не унывал Горох.— Умеешь «зайцем» ездить?

— Умею,— соврал я.

В троллейбусах я катался иногда бесплатно, а в поездах еще не случалось.

Вагон оказался очень старенький, все в нем дребезжало и стучало.

У Гороха было отличное настроение. Он мурлыкал «Черного кота» и то и дело выглядывал в окно.

— Посмотри, денек-то какой, а? Золотой денек... Просто не денек, а воскресенье!

Меня тоже увлекла наша поездка.

Я забыл, что должен сейчас сидеть в школе и слушать объяснения учителей. Я глотал воздух, как газированную воду, и у меня щекотало в носу. А Горох говорил без умолку:

— А ты не хотел ехать, а?

Когда мы сошли на станции, первое, что я увидел, было небо. Оно было огромным и голубым. Я никогда его таким не видел. Дома мне в городе мешали его увидеть таким или что другое, но только я стоял, задрав голову, и глядел на небо, пока глаза не устали.

— Пошли на реку,— позвал меня Горох.

И мы по вытоптанной тропинке зашагали к реке.

Горох шел впереди и кричал:

— Гляди, березки какие белые!

— Гляди, снег какой синий!

Я только успевал вертеть головой. И вдруг Горох сказал: «Тихо»,— и замер. Остановился и я.

— Слышишь? — спросил он шепотом.

Я кивнул. Где-то впереди и внизу слышался шум, треск, как будто десятки грузовиков буксовали на одном месте. Или как будто слоны огромным стадом, бок о бок, пробирались по ущелью.

Мы выбежали на обрыв. И я увидел ледоход. Льдины плыли, как десятки еще не загорелых пловцов. Река казалась огромной.

— А?! — кричал Горох.— А?! Видишь?

Я не знаю, сколько мы стояли, наверно, очень долго, потому что я замерз.

— Давай походим,— сказал я Гороху.

— Озяб?— спросил Горох.

— Немного,— сказал я.

Я уже давно заметил, что Горох начал говорить странными для него словами — «озяб», «золотой денек». И вообще мне казалось, что со мной другой человек, а не Горох.

Мы шли по лесу и видели, как стоят по колено в воде березки.

Горох говорил:

— Скоро березовый сок пойдет. Ты пил березовый сок?

— Нет,— признался я.

— Это такое удовольствие! — Горох даже глаза зажмурил.

Потом мы примостились на пеньках на пятачке рыжей земли. От нее шел теплый пар. Мы ели, что прихватили с собой из дома. Горох ел спокойно, неторопливо. Он уже не хихикал, а улыбался добродушно и весело.

— Ты знаешь, а в детстве я жил в деревне.

— Да ну?— удивился я.

— А в городе мне скучно, не знаю почему.

Мы помолчали.

— Слушай, Коля,— назвал я вдруг Гороха по имени,— а вот правду говорят, что змея своих детенышей ест?

— Правда,— оживился Коля.— Я сам видел.

— Расскажи,— попросил я.

— Пошли мы в орехи. Набрали уже много. Вдруг я вижу — на одном дереве ветка шевелится. Пригляделся, а это змея. И тут неожиданно из нее один за одним стали выскальзывать змееныши. Она — цап одного и слопала, потом и второго проглотила, а третий успел удрать. Упал на траву и мгновенно исчез. Я стоял как обалделый. Никогда такого не видел.

— Здорово,— восхитился я.

— Я много интересных историй знаю,— гордо сказал Горох.— Когда захочешь, расскажу. А сейчас нам пора на станцию. Поезд провороним.

Мы заторопились к станции. По дороге я влез в яму с водой и замочил ноги.

— Переобуйся,— сказал Горох.

Он вытянул из-за пазухи белые шерстяные носки.

— Захватил на всякий случай,— подмигнул он мне.

Я вылил из ботинок воду. Держась за Гороха, переобулся.

— Теплее?— спросил Горох.

Я кивнул.

— А теперь — бегом на станцию.

На поезд мы еле успели. Уже было совсем темно, когда приехали в город.

Дома я посмотрел на себя в зеркало и увидел, что здорово загорел.

Усталость уложила меня на обе лопатки в постель.

Ни одного урока на завтра я не сделал, но засыпал счастливый.

Ночью мне снилось, будто мы с Горохом прыгаем со льдины на льдину и Горох кричит: «А?! Денек-то какой? А?!»

„А ВЫ — К ДИРЕКТОРУ...“

6 «А» кипел, как забытый на плите чайник. Это я почувствовал сразу, как только вошел и со спокойной улыбкой сел за свою парту.

— Он еще улыбается,— негодовала Галка.— Посмотрите на него, он еще улыбается!

— А что мне — плакать?— глупо пошутил я.

И посмотрел на Иру, она сидела хмурая. У Семки был растерянный вид. «Опять влип, Валерка, попробуй выпутаться», — говорила его несчастная физиономия.

— Так вот что мы решили,— грозно сказала Галка.— Хватит с тобой нянчиться. Мы пойдем к Екатерине Моисеевне и попросим, чтобы тебя перевели в другой класс. С тобой нам никогда не стать самым лучшим классом в школе.

Я задумался. Я не ожидал, что дело примет такой крутой оборот.

— Кто со мной пойдет к директору? — спросила Галка.

Все молчали.

— Вы пойдете, — сказала Галка Ленке Александрову и Светке Никитиной.

И тройка зашагала к двери.

— Я против, — рядом со мной вскочила Ира.

— Я тоже, — очнулся и Семка.

— Валерий, конечно, виноват, но не настолько, чтобы от него избавляться, — взволнованно говорила Ира. — У него просто еще не сложился характер. Ему нужны забота, внимание. А вы — к директору...

Девчонки хихикнули и зашептались.

— Не надо мне вашей жалости! — зло крикнул я. — Обойдусь без вас. Подумаешь, какие нашлись!

Ну и разозлился же я! Даже забыл про свою привычку не хлопать дверь. Выбегая из класса, я так шарахнул дверь, что стекла зазвенели.

— Ты не очень! — кричала мне вдогонку Галка. — Надо беречь школьное имущество!..

После прекрасного дня, какой у нас был с Горохом, встретить такое отношение!.. Все во мне бурлило. А я еще хотел предложить ребятам съездить в те же места в воскресенье. Черти полосатые, думал я. Я вообще уйду из школы, переведусь в вечернюю.

Ноги сами привели меня на чердак. На чердаке я ждал Семку.

Прошло довольно много времени, пока появился мой друг, пыхтящий словно самовар. Он замотал головой.

— Ничего не выгорело. Директорша сказала, что подумает, в какой класс тебя перевести. Ты знаешь, она была очень сердитой... и грустной...

— Я знаю,— вздохнул я.

— А Галка все время говорила, что с тобой нам не видать первого места, как своих ушей, что все устали возиться с тобой и что у нее нет никаких сил с тобой бороться.

— Что-то надо придумать, Сема,— печально сказал я.

— Мы с Ирой говорили Екатерине Моисеевне, что мы против, что ты хороший парень, просто у тебя нет силы воли.

— Это ты сказал, что у меня нет силы воли?— грозно спросил я.

— Нет, это Ира,— отодвинулся подальше Семка.

Я задумался.

— Тебя директорша вызывала,— тихо сказал Семка.

Я кивнул.

— Ты знаешь, Сема, я пойду в другой класс. В 6 «Б». Надоело мне все это.

— А я?— спросил Семка.— Я тоже перейду в 6 «Б». Хотя, мы их били снежками. Они могут вспомнить.

— Ну и что? — сказал я.— А тебе незачем переходить. Мы и так с тобой будем видеться во дворе.

— Ты на меня не обижаешься? — Семка шмыгнул носом.

— О чем ты говоришь,— рассердился я.— У меня всего один друг — это ты.

— А Ира?

— Ира — храбрая девчонка, — сказал я.

— Если бы ты видел, как она разговаривала с директором и Галкой! — восхитился Семка.

— Воображаю. Ну, я пойду к директорше.

— Я провожу тебя, — сказал Семка, когда мы очутились во дворе.

— Как хочешь.

Мы шли и молчали. Семка схватил длинную палку и вел ею по ограде парка. Палка выбивала о прутья забавную мелодию.

— Напоследок, — я подмигнул Семке, — я устрою им представление.

Екатерина Моисеевна, когда я поднялся к ней на четвертый этаж, не улыбалась.

— Ребята, наверно, правы, — сказала она. — С понедельника ты будешь учиться в 6 «Б» классе.

— Я тоже хотел вас просить перевести меня в 6 «Б», — твердо сказал я.

— Вот как? — тут она улыбнулась. — Значит, наши желания совпадают?

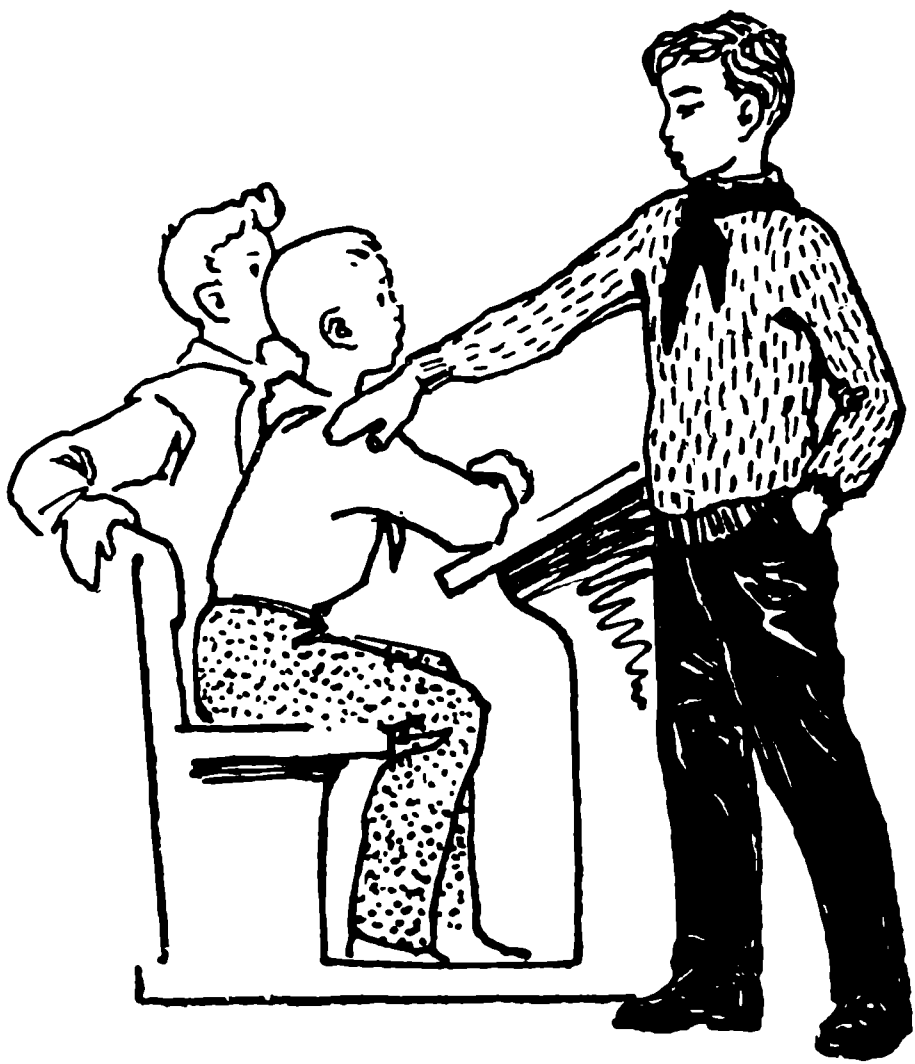
— Да, — сказал я и подмигнул богатырям. Трое здоровых вооруженных парней глядели на меня пристально и строго.

ПРОЩАЛЬНЫЙ СПЕКТАКЛЬ

В субботу после уроков я попросил ребят на пару минут остаться. Я хотел с ними проститься.

— Ребята, — сказал я, — останьтесь на немного. Я хочу с вами проститься. Послезавтра меня здесь не будет. Я перехожу в 6 «Б».

Все замерли. С той же дрожью в голосе я продолжал:

— Мне хочется, чтобы вы обо мне вспоминали иногда добрым тихим словом.

Честно говорю, первый раз я расчувствовался — мне и вправду было жаль расставаться с ребятами.

Я начал обход с того ряда, что у окна. Сашка Рубец и Колька Комаровский, которые сидели на первой парте, вопроси-

тельно на меня уставились. Я подал руку Сашке.

— Саша, я тебя один раз стукнул. Извини, Саша. Чего между мужчинами не бывает...

Кольке я тоже пожал руку и сказал:

— Я над тобой, Коля, когда-то подшучивал. Но я не хотел тебе зла. Прости, друг, если что не так.

Потом я прощался с Ленькой Александровым.

— Я никогда не забуду, Леня, как часто ты меня выручал — давал списывать.

Вовку Шлыка я похлопал по плечу:

— Ты хороший парень, Вова. Мне жаль с тобой расставаться.

Когда я приблизился к Светке Никитиной, наша розовощекая пятерочница готова была вот-вот разреветься.

— Спасибо тебе, Света, за твою доброту.

Светка еле сдержалась, чтобы не разреветься. Класс гудел. Представление, кажется, удавалось на славу.

Я остановился перед Галкой Новожиловой.

— Я хорошо понимаю твои чувства, Галя. Я понимаю, сколько крови я тебе попортил.

— Но ты постарайся понять, что мы желали тебе только хорошего.— Галка волновалась, когда произносила свою фразу.

Я внимательно посмотрел на нее.

«Тю-тю! — подумал я.— Еще два пламенных слова, и они меня будут упрашивать остаться. Это очень интересно».

— Я постараюсь понять,— сказал я.— До свидания, Галя. Не забывайте меня, ребята.— Я взялся за ручку двери.— Прощайте.

Что творилось в классе после моего ухода! Мне Семка рассказывал, что одни кричали: «Давайте вернем Коробухина!», «Валерка — отличный парень!», «Он все осознал!», а другие наоборот: «Он сто раз уже осознавал!», «Все притворяется!».

Класс раскололся, как орех на две половинки, и не мог ни на что решиться. Ну и ладно. Проживу без вас. Ведь в каждом классе люди, а не звери.

В 6 «Б» меня встретили неплохо. Долговязый Мишка Зайцев долго держал мою руку в своей.

— Хорошо, что ты пришел к нам. Будешь играть левым крайним. У нас слабый левый край.

— Я привык играть центром,— недовольно сказал я.

— Центром играю я,— оборвал меня Мишка.— У нас команда уже подобрана.

— А вы по какой системе играете? — спросил я.

— Конечно, по бразильской,— ответил Мишка.

— А кто второй центр?

— Я,— сказал Толька Дашкевич, хладнокровный, крепкий мальчишка.

— Неплохо,— одобрил я тоном знатока.

Вот так стал я учиться в 6 «Б». Вспоминал ли я о своих ребятах из 6 «А», думал ли о них? Наверно, да, потому что на физике в моей голове родилась забавная идея.

На перемене я уединился и стал сочинять записку. Я долго потел, пыхтел и скрипел пером. И, наконец, вот что получилось.

Я ДАВНО ЗАМЕТИЛ ТЕБЯ. КОГДА ТЫ
ИДЕШЬ ПО ХОРИДОРУ, Я ДОЛГО СМОТРУ ТЕБЕ
В СЛЕД. МНЕ ХОРОШО, КОГДА ТЫ В ШКОЛЕ. НО
МНЕ НЕХОРОШО, КОГДА ТЕБЯ НЕТ В ШКОЛЕ.
МАЛЫШК ИЗ 6 „Б“

Я сложил бумажку вдвое, потом вчетверо и написал:

НОВОЖИЛОВЫЙ ГАЛЕ

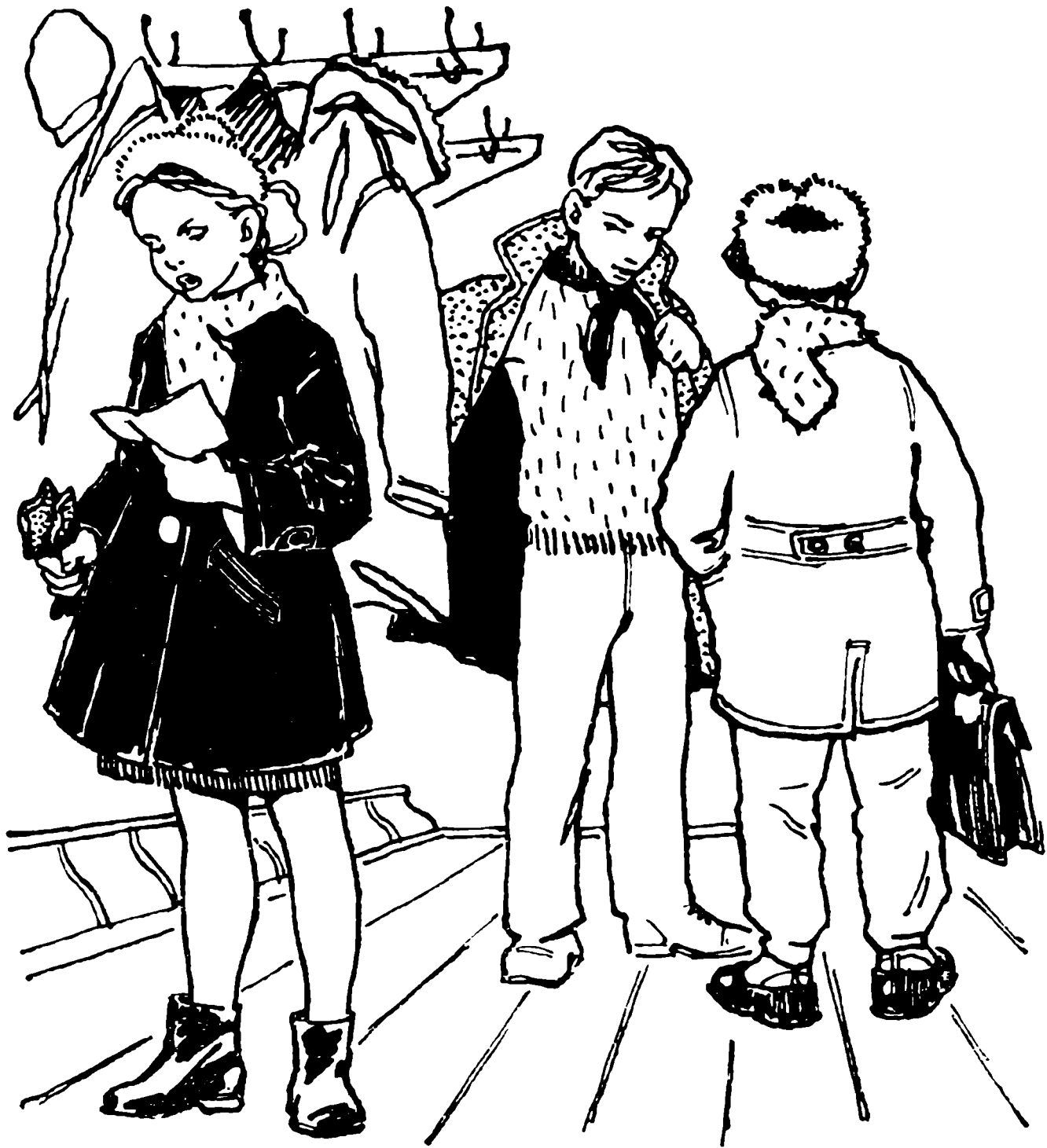
СТРОГО СЕКРЕТНО И Лично

На следующей перемене я вертелся около раздевалки. Я хорошо знал, где висят пальто ребят из моего бывшего класса. А Галкино пальто было знаменито на всю школу. Такого жгуче-алого пальто не было ни у кого. Оно пылало на вешалке, как костер. И все соседние пальто просто съеживались от его яркого пламени.

Я сказал тете Шуре, что забыл в кармане завтрак, подкрался к Галкиному пальто и сунул в карман письмо.

После уроков я нарочно медленно одевался, все никак не мог попасть в рукава пальто. Семка торопил меня: «Чего резину тянешь?»

В это время я наблюдал за Галкой. Она спокойно надела свое факельное пальто, ее руки потянулись в карманы за варежками и... она вытащила мое письмо. Прочитала, посмотрела удивленно вокруг, еще раз прочитала, оглянулась по сторонам: кто бы это мог сделать?

Я почему-то опустил голову. Волновался я зря. Узнать мой почерк Галка не могла, потому что письмо я писал левой рукой и большими печатными буквами.

Наши классы — мой бывший и мой теперешний — расположены дверь в дверь. И, если быстро вылететь из класса, можно столкнуться нос в нос с кем-нибудь из соседей.

Назавтра, когда я выскочил, конечно, самым первым, то чуть не сшиб с ног Галку Новожилову.

Увидев Галку, я сразу понял, что мое письмо произвело на нее огромное впечатление. Галка скользнула по мне равнодушным взглядом, как по тому красному пожарному баллону, который висел рядом с дверью. Ну, конечно, разве я мог сочинить такое душевное, такое волнующее письмо!

Галкины глаза, словно рентгеновские лучи, просверливали насквозь всех, кто выходил, выбегал или выпрыгивал из нашего класса. Она хотела по лицу догадаться, кто автор письма. Как всегда, она желала найти виновного немедленно. Ждать она не умела.

Так ничего и не обнаружив, Галка вздохнула и медленно побрела по коридору. Когда она проходила мимо меня, я заметил, что она улыбалась, — это раз, и что она напевала, — это два.

— Как дела, Валерий? Как тебе в новом классе? — спросила Галка.

— Спасибо за внимание. — Я поклонился. — Живу хорошо, чего и вам желаю.

Раньше такая фраза вывела бы Галку из себя, а сегодня она, не гася улыбки, помчалась по коридору во двор.

Я стоял потрясенный. Галка бежала по коридо-

ру, не шла, а именно бежала. Такого еще никто не видел.

Ах, вот как! На следующем уроке я сочинил новое письмо.

Я РАД, ЧТО ТЕБЕ ПОНРАВИЛОСЬ МОЕ ПИСЬМО.
Я ВИДЕЛ, КАК ТЫ ХОТЕЛА МЕНЯ УВИДЕТЬ.
ПРИХОДИ СЕГОДНЯ К ФОНАРЮ У ВХОДА В ПАРК
В 7 ЧАСОВ Я БУДУ ЖДАТЬ
МАЛЧИК ИЗ 6 „Б“

ПРИДЕТ?.. НЕ ПРИДЕТ?..

У входа в парк на длинных столбах висели желтые фонари. Они были похожи на подсолнухи.

Под их подсолнечный свет собирались парни и девушки с близких улиц. И сестра Иры — маленькая химичка — там обычно ждала своего жениха. Я не знал другого места и назначил свидание Галке у фонаря.

В семь часов, притаившись за толстенной березой, я наблюдал за входом. Галки еще не было. Конечно, как всякая девчонка, она должна была опоздать. Или вообще не прийти.

Нет, пришла. У меня застучало сердце. Так громко, что я поплотнее закутался в плащ, чтобы его не было слышно.

Галка постояла немного, поглядела на фонари, прошлаь взад-вперед вдоль ограды.

Я все еще не решался выйти из своего укрытия. Собственно говоря, я пришел понаблюдать, придет ли Галка. Я почему-то был уверен, что она не придет. А она явилась и ходит вдоль парковых ворот

и смотрит на фонарь, как будто мальчик из 6 «Б» должен сидеть там, на большом матовом шаре.

Прошло, наверно, минут десять. Я не знал, что предпринять. А Галка все ходила и ходила, и не собиралась домой.

«Вот упрямая,— подумал я.— Нет мальчика из 6 «Б», иди спать».

Но Галкино алое пальто продолжало мелькать у входа в парк.

Налетел ветер. Мне стало холодно. В небе прохрипел гром, а потом молнии устроили танец с саблями.

«Сейчас пойдет дождик и она убежит, как миленькая»,— обрадовался я.

Капли дождя зашлепали по плащу. Галка спряталась под сосной, которая росла у самой ограды. Она и не думала уходить.

Я даже разозлился: такого ослиного упрямства я еще не видел.

Дождь уже лил по-настоящему. Мне натекло за шиворот. Надо было спасаться. Я выбежал из своего укрытия, выскочил за ворота и наткнулся на Галку.

— Ты чего здесь?— вдруг спросил я.

— А ты чего?— сердито ответила она.

— Гуляю,— сказал я и стал насвистывать.

— Я тоже гуляю,— зло бросила она и повернулась ко мне спиной.

Я растерялся.

— Слушай, но ведь идет дождь.

Галка молчала.

— Ты можешь промокнуть,— сказал я и в это время еще несколько капель проникли мне за шиворот.

Галка молчала и не шевелилась.

— Надень плащ,— неожиданно для себя предложил я, снял плащ и накинул ей на плечи.

— А ты как? — Галка повернулась ко мне и смотрела уже не так зло.

— Я? — сказал я. — Я люблю грозу в начале мая.

— Но сейчас апрель, — улыбнулась Галка.

— А я люблю и в апреле,—весело ответил я.

Теперь на Галкином лице вместо улыбки появилось уныние.

— Ты чем-то расстроена? — спросил я. — Что-нибудь случилось?

Она покачала головой. Я понял, что если сейчас скажу, что это я тот самый мальчик из 6 «Б», который кладет в карман ее пальто пламенные письма, что из-за меня она торчит здесь и мокнет под проливным дождем,— если я сейчас ей все это скажу, она не поверит.

Дождь неожиданно прекратился. Молнии еще немножко пошипели, как раскаленные уголья, на которые плеснули водой, и затихли.

— Пойдем,— сказал я. — Дождь перестал.

Галка сняла мой плащ, стряхнула с него дождевые капли и протянула мне.

— Спасибо.

— Ну что вы, сеньора, для меня это пустяк, мелочь,— расшаркался я.— Хотите я для вас достану звезду? Не хотите? Тогда я залезу на столб, вывинчу лампочку и преподнесу вам.

— Это будет хулиганство,— строго сказала Галка.

Я сообразил, что именно в такие моменты люди проглатывают язык.

— Вот ты понимаешь, для чего мы учимся?— спрашивала Галка, когда мы шли по улице.

Я пожал плечами.

— Чтобы, когда вырастем, приносить больше пользы людям,— назидательно сказала Галка.— Кем ты хочешь быть, когда вырастешь?

— Не знаю,— сказал я.— Наверно, клоуном.

— А я хочу стать космонавткой,— улыбнулась Галка.

— Ты — космонавткой?— Я был поражен.

— Я очень люблю звезды,— тихо сказала Галка.— Я хотела бы побывать на всех звездах... До свидания, я уже дома. Спасибо тебе за плащ.

Тут она что-то вспомнила и снова помрачнела.

Назавтра Галка не отходила от вешалки. И мне никак не удавалось добраться до ее пальто. Но после третьего урока ее на минутку позвала вожатая Кира, и я положил в карман огненно-алого, уже сухого пальто новое письмо.

ПРОСТИ МЕНЯ, НО Я НЕ СМОГ ПРИЙТИ. У
МЕНЯ ЗАБОЛЕЛА МАМА. Я ВЫЗЫВАЛ ВРАЧА И

БЕГАЛ ЗА ЛЕКАРСТВОМ В АПТЕКУ. ТЫ, НАВЕР-
НОЕ, ЖДАЛА МЕНЯ? ВЧЕРА БЫЛА УЖАС-
НАЯ ГРОЗА. Я ПРИМЧАЛСЯ, КОГДА ОНА
КОНЧИЛАСЬ, НО ТЕБЯ НЕ ВСТРЕТИЛ.
МАЛЬЧИК ИЗ 6 „Б“

Галкина сияющая физиономия на следующей переменке рассказала мне, что она письмо прочла и очень обрадовалась.

На некоторое время я развязался с личными делами и можно было заняться общественными.

По всем показателям мой теперешний класс шел хорошо, но не было у него тимуровской работы. А без тимуровской работы первого места нам не видать. Так и сказал Витька Мелюх, наш председатель совета отряда.

Каждую переменку ребята придумывали, над кем бы взять шефство. Всех соседних стариков и старушек уже разобрали другие классы.

— А если снова пойти к Красовскому? — предложил Витька.

— Я же был у него, — зашумел Мишка Зайцев. — Такого вредного старикана поискать только надо. Я к нему: «Давайте мы возьмем над вами шефство». А он мне: «Вон отсюда, воришка». Он подумал, что яблоки я у него хочу стащить. Нет, к нему никак не стоит идти.

— А может попробуем? — вяло предложил Мелюх.

— Бесполезно, — ответил Зайцев.

— А если Коробухина послать? — вмешался в разговор Толька Дашкевич. — Он парень веселый,

любого заговорит. А так — что делать? Без тимуровской работы нам первого места не видать.

Я как раз в это время списывал упражнение и краем уха слышал все, что говорили ребята. Когда назвали мою фамилию, я приподнял голову.

— Не сумеет Коробухин, — лениво протянул Мелюх, — ничего у него не получится.

— Получится, — неожиданно для самого себя сказал я. — Давайте адрес вашего старичка. Завтра же он будет здесь.

МЫ С ЧАПАЕМ ЛЕТИМ В АТАКУ

После уроков за мной увязался долговязый Мишка Зайцев.

— Так ты пойдешь к этому деду? — спросил Мишка.

— Пойду, а что?

— Я тебе не советую. — Мишка выжидательно молчал.

Я знал, что он сейчас сам все расскажет, и не задавал ему больше вопросов.

— У него собака во дворе — волкодав, — выпалил Мишка.

Я с интересом слушал.

— А дома на стене висит двустволка, вот, — запугивал меня Мишка.

— Я иду к нему как официальный представитель, а не за яблоками лезу. Тем более, что яблок сейчас нету, — отрезал я.

— А он не разбирается, — горячился Мишка. — Он сразу спускает с цепи собаку и бежит в дом за двустволкой.

Я обдумывал услышанное. Мишка понял, что я колеблюсь, и решил меня добить:

— Я тебя предупреждаю. Укусит тебя бешеная собака, месяц будут колоть.

Мишка решил, что я уже раскаиваюсь, и повернул к себе домой.

— Ты знаешь, куда уколы от бешенства делают?—крикнул он уже издалека.

Я кивнул. Я знал, куда делают уколы от бешенства. Но когда меня предостерегают: «Не иди, впереди яма, провалишься»,— я всегда иду. И обычно оказывается, что никакой ямы и в помине нету и вообще все это враки. А еще в словах Мишки меня многое настораживало. С чего бы ему так обо мне заботиться? Нет, тут что-то не так.

Пообедав, я отправился к вредному старику в гости.

Мне представлялось, что живет он в мрачном, с наглухо закрытыми ставнями особняке, за двухметровым забором. А по двору прогуливается пружинистой походкой хищника волкодав.

Но дом старика оказался совсем не мрачным, а желтеньким, словно птичий домик. Надписи: «Осторожно, злая собака» на калитке не было. Вот, подумал я, скрывает дед собаку.

Я толкнул калитку, она была не заперта. Входить я боялся и крикнул на весь двор: «Здравствуйте!»

Молчание. Собака не лает. Я сделал шаг, второй, и еще громче заорал:

— Здравствуйте!

Тишина. Тогда я смелее начал продвигаться вперед. Шел я крадучись, то и дело оглядывался.

И вдруг:

— Стой! Куда идешь?

Я глянул в ту сторону, откуда раздался окрик. На скамеечке сидел старик — седой ежик волос, седые щеточки бровей, а лицо румяное, совсем молодое. Он чистил ружье.

— Ну? — пробасил старик.

Я не отвечал — не отрываясь глядел на ружье. Это была настоящая охотничья двустволка. Наконец я опомнился.

— Здравствуйте! — поклонился я.

— Здравствуй. Чего явился?

Голос старика был грозен. Я сразу вспомнил все, что говорил мне о нем Мишка Зайцев. Вот дурак, опять ввязался в историю! Но надо выкручиваться. Размышлять некогда.

— Нашпионерский отряд просит вас рассказать как вы были героем в гражданскую войну! — Я выпалил эту длинную фразу на одном дыхании.

— Врешь, ха-ха! А может, и не врешь? А чего ж ты крался по двору, словно воришка? — Старик прищурился.

— А чего у вас воровать? — спокойно сказал я. — Яблок еще нету.

Старик захохотал, и седые щеточки бровей запрыгали над веселыми глазами.

— Истинная правда. А осенью заявишься ко мне?

Я дипломатично промолчал. Старик насупился.

— Вот молодежь пошла. Ты зайди ко мне и попроси яблок. Разве я тебе не дам — и антоновки дам, и аппорта не пожалею. А то лезут напролом, ветки ломают, кроме вреда, никакой пользы не приносят. Ну, садись, что ли, гостем будешь. —

Дедушка подвинулся, и я сел рядом с ним на скамейку.

— Вот осенью прошлой один, вроде тебя, тоже всякое говорил: и «наш пионерский отряд», и «мы будем рады», и все такое прочее. А когда я отлучился, чтобы самоварчик поставить, чайком гостя дорогого попотчевать, он, такой-сякой гость дорогой, в это время яблоню — самую мою любимую — вчистую обобрал. И был таков.

Я сразу сообразил, что дедушка на Мишку жаловался. Ага! Так вот где собака зарыта! Вот почему Мишка так обо мне заботился! Ну, погоди, подумал я. Ты свое получишь — и за меня, и за дедушку.

Я весело улыбнулся старику.

— Я никогда и ни к кому в сады не лазил.

— Правда? — ухмыльнулся дед. — Это хорошо. Ты ко мне не лазай, потому что я тебе от души целую корзину преподнесу. — Старик наклонился к самому моему уху. — И какой это ты парень, что ни разу в чужие сады не лазил?

Дед подмигнул. Он мне стал нравиться.

— Так, значит, хотите услышать, каким я был в гражданскую войну?

— Очень хотим, — сказал я. — Как вы на конях неслись и беляков на всем скаку рубали? — Я начал размахивать руками, показывая, как рубают беляков.

— В пехоте я был, парень. Вернее, в артиллерии. А входила наша артиллерия в Чапаевскую дивизию. — Седые щеточки бровей гордо топорщились над ставшими вдруг молодыми глазами.

Я даже ахнул.

— Вы видели Чапаева?

Старик негодующе фыркнул.

— Василя Иваныча? Каждый день почти видел — и в бою видел, тяжелом, горячем, и за столом с ним сидел, и как поет слышал.

Уже поздно вечером, попив чаю с медом, я ушел от хлебосольного Афанасия Михайловича. Старик вышел на крыльцо проводить меня. И я наконец решился.

— А где ваша собака, Афанасий Михайлович?

Старик задумчиво покрутил свои пышные брови, как некоторые крутят усы.

— Нет у меня собаки. А без собаки на охоте, сам понимаешь, как без ружья. Друзья обещают добыть породистого щенка...

Ночью мне снилось, как летят бесшумно на конях всадники. А впереди всех — сам Чапаев, а рядом — Афанасий Михайлович. Только он очень молодой. А брови еще черные, смоляные, и на меня похож!

А всадники все ближе. Но это же я рядом с Чапаевым! Ура!

Утром в школе меня окружили ребята.

— Ну, как?

— Отличный ста-

рик,— сказал я.— И совсем не вредный. Сегодня после уроков он придет к нам. Готовьтесь к встрече.

— Молодец, Валерий,— пожал мне руку Витка Мелюх,— отлично справился с поручением. А в 6 «А» говорили, что ты разгильдяй.

Я махнул рукой. Что обо мне хорошего могут сказать в моем бывшем классе? Ничего, конечно.

Мишка Зайцев старался не попадаться мне на глаза, а как только звенел звонок, тихонько исчезал из класса первым.

Но после четвертого урока я его все-таки настиг в коридоре и прижал к стенке.

— Надо тебе что-то предпринять, Мишка,— сказал я озабоченно.

— А что такое?— струхнул Мишка.

— Старик знает, что ты в нашем классе учишься. Я, говорит, с ним расправляюсь, с этим ворюгой.

— А что мне делать?

— Уйти с последнего урока, другого выхода нет.

— Хорошо,— сказал Мишка.— Уйду.

И он убежал с последнего урока, за что ему потом хорошо нагорело.

Я не люблю, когда меня хотят обдурить. Я сам, кого хочешь, обдурить могу. Вот так.

ГАЛКА ВЫРАБАТЫВАЕТ ХАРАКТЕР

Афанасий Михайлович пришел к нам в гости, как и обещал, и наговорил столько интересного, что ребята были в восторге. А потом мы стали ходить к нему по очереди, помогали по хозяйству. Меня он встречал как старого друга: «Спасибо

тебе, Валерий, с такими хорошими ребятами познакомил».

После того как мой теперешний класс взял шефство над чапаевцем, мы сразу же обошли мой бывший класс и уверенно метили на первое место в школе.

Мои бывшие одноклассники негодовали. Ленка Александров грозился поколотить меня. А добрейшая Светка Никитина сказала, что такой подлости она от меня не ожидала.

Вот чепуха получается, недоумевал я. Сами из кожи вон лезли, чтобы меня исправить и переделать, а тут, когда я перековался, на меня же и набросились.

Только Галку Новожилову это совсем не интересовало. Каждую переменку она бежала в раздевалку и рылась в карманах своего алого пальто, искала новое письмо и не находила. Потому что я не знал, о чем ей писать.

По-прежнему, хотя я и был уже в другом классе, ко мне приходила Ира. Она открывала дверь и обыкновенно спрашивала:

— Как твоя глаукома?

— Немножко колет,— охал я.

— Может, вызвать «скорую»?— На Ириных губах появлялась улыбка.

— Да нет, не стоит,— подумав, говорил я.

И мы хохотали, открывали учебники и начинали заниматься.

Ира очень много знала. Иногда мне казалось, что она знает столько, сколько наши учителя.

Ира рассказывала мне о великих ученых, о том, как они совершали свои открытия и как, не страшась смерти, работали и работали. А некоторые

знали, что скоро умрут, знали, что смертельно больны, и все равно сидели днем и ночью в лабораториях.

Моим любимым ученым стал Альберт Эйнштейн. Может потому, что он был еще и веселым человеком. Какие он сделал открытия, Ира объяснить не сумела, но сказала: «Эйнштейн — величайший физик XX века».

Но самым удивительным было то, что я исправил свои двойки. Одна за другой я разделался с ними. И было это не очень трудно. Конечно, Ира на меня крепко наседала. Но все-таки это я исправил двойки, а не она.

Но сегодня у меня был вид человека, потерявшего лотерейный билет, который выиграл «Волгу». Говоря попросту, я был не в своей тарелке.

— Ты очень невнимателен, — сказала Ира. — Так нельзя учить уроки.

— Послушай, — перебил я Иру, — если девчонка влюбилась в мальчишку, а он нет, то что делать?

Ирино лицо густо покраснело. Под моим взглядом она опустила голову.

— Не знаю, — тихо сказала она.

— У тебя нет опыта? — спросил я.

— У меня нет опыта, — так же тихо ответила Ира.

Я начал расхаживать по комнате. Мне всегда легче думалось, когда я двигался, размахивал руками, даже разговаривал сам с собой.

— Я пойду. — Ира встала и сложила книжки. — Все равно сегодня не позанимаемся.

— До свидания, — сказал я, и Ира ушла.

Что же придумать? Я повалился на тахту. Если

Ира, которая знает все на свете, этого не знает, то что делать?

Больше я не мог морочить голову Галке. Мне иногда становилось ее жалко. Сперва я хотел ей отомстить, а тут заварилась такая каша,— как ее одному расхлебать?

Наконец я решился. Я взял ручку и сочинил новое письмо. Оно было самым коротким и самым энергичным.

Я РЕШИЛ ТЕБЕ ВСЕ РАССКАЗАТЬ. ПРИХО-
ДИ В НАШ КЛАСС В 8 ЧАСОВ ВЕЧЕРА.
МАЛЬЧИК ИЗ 6 «Б»

В половине восьмого я прошмыгнул мимо брещающей ключами тети Шуры в 6 «Б».

В классе была необычная тишина. Никто не бегал по партам, не хлопал крышками. Парты отдыхали от нас, ребят. У них был мертвый час.

Дверь заскрипела, и вошла Галка. Света я не зажигал, и поэтому она меня не видела.

— Здесь есть кто-нибудь?— спросила Галка, и у нее задрожал голос.

— Это я,— сказал я и подошел к выключателю.

Свет залил класс, парты проснулись, а Галка вскрикнула:

— Коробухин, что ты здесь делаешь?

— Это я писал тебе письма,— выпалил я.

Галка зажмурила глаза, она не хотела верить.

— Это я, я засовывал их в карман твоего пальто. Я ждал тебя тогда, в парке.

— Зачем ты это делал?— наконец спросила Галка.

— Я думал, что все ребята и ты ко мне плохо относятся. Мне просто грустно было без всех вас. И мне хотелось, чтобы вы поняли, какой я был.

Ох, и люблю я произносить монологи, как будто я не Валерка Коробухин, а артист Смоктуновский в роли Гамлета.

В этот момент дверь отворила тетя Шура.

— Что вы тут, полуночники, свет жжете? Вы знаете, сколько на новые деньги киловатт стоит? Целых четыре копейки.

Тетя Шура в шутку замахнулась на нас щеткой. Ловко увернувшись, мы побежали по коридору.

Когда мы выскочили из школы, Галка уже хохотала. Она тряхнула косами и спросила:

— Это было происшествие? Я очень люблю происшествия.

— Это пустяк,— хмыкнул я.— Со мной бывали настоящие происшествия. Хочешь, расскажу?

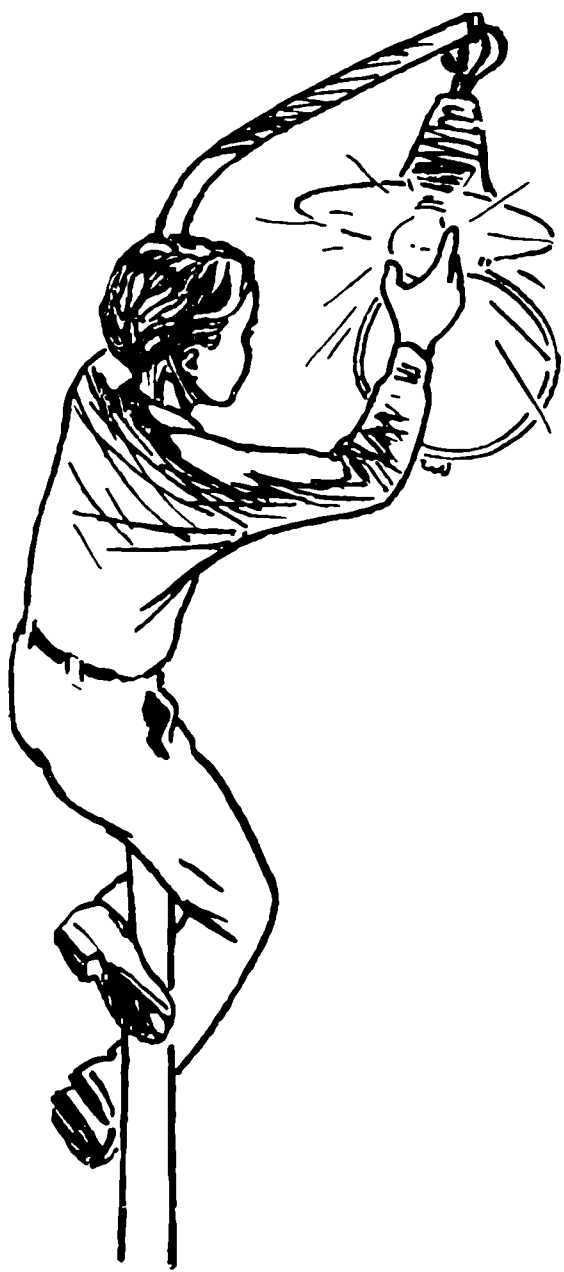
— А я сразу догадалась, что это ты мне написал. Помнишь, когда ты пришел в парк? Ой, и гроза была... Если б не твой плащ...

Я открыл рот от изумления. Я думал, что обвел Галку вокруг пальца, а она, оказывается, все знала! Да нет, это она сейчас притворяется, что все знала. Чего бы она тогда удивлялась, застав меня в классе?..

А Галка все говорила, и голос у нее был не такой, как на собраниях и на всяких проработках, а нормальный, человеческий, и даже приятный.

— Помнишь, ты мне обещал лампочку из фонаря достать?— вдруг сказала Галка.

— Лампочку?— переспросил я.— Пожалуйста. Бежим?

— Бежим.

Мы полетели на всех парусах. Запыхавшись, мы добежали до ворот парка. К счастью, никого в это время поблизости не оказалось.

Я начал карабкаться на столб. Галка стояла внизу и тихонько повизгивала от страха.

На вершине столба я снял плафон, открутил лампочку, снова поставил плафон на место и быстро, на одних ногах, соскользнул вниз.

Галка прошептала:

— Я боюсь. Бежим.

И мы снова понеслись по улице.

Но даже тогда, когда я бегу, мысли не оставляют в покое мою голову. Вы хотите знать, о чем я думал?

Я думал о том, что лампочки я, случалось, выкручивал и раньше. Но никогда я не мог представить, что буду заниматься таким делом вдвоем с Галкой. С Галкой Новожиловой — самой примерной, самой активной девчонкой во всей нашей школе.

СЕМКА СТОИТ КАК ЛЕВ

Первенство дружины по футболу разыгрывалось между пятыми, шестыми и седьмыми классами. Играли мы по олимпийской системе, с выбыва-

нием. Наша команда одерживала победу за победой.

Я играл неплохо. Я и сам удивлялся, откуда у меня появилась такая скорость, как я научился бить одинаково сильно и правой и левой ногой.

Отлично шла команда и моего бывшего класса.

В финале мы должны были встретиться в решающем матче. Он был назначен на завтра.

А сегодня на переменке прибежал Мишка Зайцев — рот до ушей — и хихикает.

— Ребята, в 6 «А» паника. Колька Игнатов отказывается стоять в воротах. Говорит, я боюсь Коробухина.

— Меня? — оживился я.

— Да, а если Колька не будет стоять в воротах, победа нам обеспечена.

Все хором завопили: «Ура!» Один я не ликовал. Колька всегда был труслив. Если бы ему побольше храбрости, он мог бы стать хорошим вратарем. Интересно, кто заменит Кольку?

На следующей переменке тот же Мишка чуть не лопался от хохота.

— Ой, ребята, держите меня! Знаете, кто у них будет стоять в воротах? Семка Паперно.

Все захохотали, даже я улыбнулся. В нашей команде Семка был вечным запасным. Иногда играл в защите, играл, правда, настырно, но чего-то ему не хватало. А в воротах я Семку ни разу не видел.

— А знаете, почему они его поставили? — давился от хохота Миш-

ка.— Потому что он твой друг.— Мишка, ухмыляясь, поглядел на меня.— И хорошо знает все твои привычки.

И Мишка снова залился хохотом.

Вечером мне не хотелось идти во двор. Я знал, что обязательно там встречу Семку. А что я скажу ему?

Но все-таки я спустился во двор. И, конечно, сразу наткнулся на Семку.

— Привет,— сказал Семка.

— Привет.— Я пожал ему руку.

— Как жизнь?— спросил Семка.

— Ничего,— сказал я.

Потом мы замолчали. Я поддел ногой камешек. Камешек шлепнулся метров за двенадцать, почти у самой стены соседнего дома. Семка внимательно проследил за его полетом.

— Слушай,— я почесал нос,— зачем ты согласился стать в ворота? Ты же... не сумеешь.

— Сумею,— твердо сказал Семка.— Я стоял в воротах летом, когда был в пионерском лагере.

— И сколько пропустил?

— Пять,— улыбнулся Семка,— но мы выиграли. Было 7 : 5 в нашу пользу.

Я подумал: неплохо, что хоть раз он стоял в воротах.

— Слушай,— сказал Семка,— завтра будем играть честно.

— Конечно,— кивнул я.

— Забудем, что мы друзья.

— Забудем,— повторил я.

— Ты бей как можно сильнее,— сказал Семка.

— Хорошо, я буду бить что есть силы. Я тебе обещаю.

— Хорошо.— Семка улыбнулся.— До завтра.

— Пока, Сема.— Я тоже улыбнулся.— Держись завтра.

Такого матча еще не помнила история школьного спорта. Десятки болельщиков столпились у белой черты, за которой начиналось поле стадиона. Полем его можно было назвать условно, потому что на нем не росло ни травинки.

Матч начался бешеными атаками нашей команды. Мы буквально прижали мой бывший класс к воротам.

Я, потом Мишка Зайцев, Толька Дашкевич с пяти метров расстреливали ворота, в которых второй раз в жизни стоял Семка. Но Семка делал невозможное. Он бросался в ноги, перехватывал передачи, ложился на мяч...

Ободренные тем, что их ворота непробиваемы, ребята из моего бывшего класса стали все чаще врываться на нашу штрафную площадку. Мне приходилось отходить на защиту. Но гола все не было.

— Что творится с Семкой?— спрашивали у меня ребята в перерыве.

— Не знаю,— сказал я.— Он второй раз в жизни стоит в воротах.

— Ему надо бить повыше,— сказал Зайцев.— Он маленький и высокие мячи не возьмет.

— Я подумал об этом,— кивнул я. И я представил, как мы забьем гол в ворота Семки, и мне стало жаль Семку и всех ребят. Почему так получается, что я делаю все шиворот-навыворот?! И сейчас вот играю против своих. Кошмар какой-то.

И вот второй тайм. Я прорываюсь по своему краю, навешиваю мяч на штрафную. Там его перехватывает Мишка и бьет в верхний угол. Семка кончиками пальцев достает до мяча, мяч ударяется в штангу, и защитники отбивают его подальше от своих ворот.

«Чуть-чуть выше,— думаю я,— и Семка не возьмет».

Я обвожу одного защитника, второго, бью, но мяч попадает в лицо Леньке Александрову, который бросается мне наперерез.

Болельщики хохочут. Ребята из моего бывшего класса свистят. Они думают, что я нарочно залепил по Ленькиной физиономии. А у меня случайно вышло. Я совсем не хотел, он сам налетел на мяч.

Ленька тоже решил, что я нарочно ударил его мячом по лицу. Я вижу, как он злится, и слышу его шепот:

— Подожди, Коробухин!

Я снова влетаю с мячом на штрафную и тут же шлепаюсь на землю и растягиваюсь во весь рост. Ленька подставил мне подножку. Болельщики свистят, шумят.

Физрук ставит мяч на 11-метровую отметку.

— Ты будешь бить?— тяжело дышит Зайцев.

— Лучше ты,— говорю я.— Он меня по ноге ударил.

Мишка разбегается, бьет, и Семка, конечно, пропускает мяч. Мишка бил в правую верхнюю девятку, а чудеса не могли долго продолжаться.

Ребята из моего бывшего класса рвутся к нашим воротам. Мы защищаемся отчаянно. Гремит финальный свисток. Ура! Победа!

Я вижу, как ребята из моего бывшего класса пожимают руку Семке, хлопают его по плечу. Но Семка уныло повесил голову и не смотрит никому в глаза.

— Ты здорово стоял,— говорю я ему, когда мы идем домой.— Просто потрясающе.

— Я должен был взять пенальти.— Семка хмурится.

— И Яшин иногда пропускает,— утешаю я своего друга.

— Я бы его взял, если бы ты бил,— упрямо твердит Семка.

— Может быть,— неуверенно отвечаю я.

— Точно взял бы,— оживляется Семка.— Я и правда знаю твои привычки.

— Слушай,— говорю я.— Приходи на чердак вечером. Поговорим.

— Приду,— обещает Семка.

— Только не расстраивайся,— говорю я, и Семка улыбается: ладно, мол, чего там...

В СЕРЕДИНЕ ДВАДЦАТОГО ВЕКА...

— Тебя все просто ненавидят.— Семка откинулся на спинку дивана и смотрит куда-то в сторону.

— Неужели все?— Я слегка улыбаюсь.

Семка поправляет себя:

— Не все, конечно. Я и Ира, мы всегда за тебя! И еще Новожилова. Что с ней произошло — непонятно. «Надо вернуть его к нам. Мы не сумели использовать его энергию!» — Семка показывает, как решительно Галка произносит эти слова.

Мы оба улыбаемся. Мы сидим снова на чердаке, там, где любим бывать всегда одни.

— А что тут непонятного?— говорю я.— Нет ничего непонятного. Просто она осознала свои ошибки.

— Особенно Ленька кипит. Ты чего ему смазал по физиономии?

— Я же не нарочно. Сам подлез под удар.

— Сильный матч был,— цокает Семка.

— Блеск, а не матч,— восхищаюсь я.

— Скоро лето,— мечтательно тянет Семка.

— Хорошее время,— подтягиваю я.

— Поныряем...

— Поплаваем...

— Позагораем...— облизывая губы, перечисляем мы все удовольствия, которые нас ждут.

Шум, голоса во дворе заставляют нас подняться и подойти к чердачному окну.

Во дворе собрались, кажется, все жильцы нашего дома. Но в какой они странной одежде. У майора — Иринога отца — на дюжих плечах не сходится старый китель без погон. Моя мама в рабочем халатике. Семкины родители в старых, потертых костюмах.

В центре всей этой живописной группы «погорельцев» выделяется высокая худая женщина в цветастом платье. Она энергично размахивает ру-

ками, во всей ее фигуре решительность. Она сейчас похожа на полководца, ведущего войска в бой. Все почтительно слушают ее и согласно кивают головами. Это Ирина мама, наш домком.

— Вспомнил,— шлепает себя по лбу Семка.— Сегодня субботник. Забор будем ставить.

— Зачем?— удивляюсь я.

— Чтобы отгородиться от соседних домов,— объясняет Семка.— А то, понимаешь, устроили у нас проходной двор.— Семка уже говорит не своими словами, а словами своего папы.

— Ну их...— махнул я рукой на толпу жильцов, которые уже пришли в движение и разбрелись кто куда. Откровенно говоря, мне совсем не хотелось работать, и я, как всегда, начал придумывать «благородные» причины, чтобы открутиться. — В наше время, в середине XX века, века спутников и синх... ну, этих самых... тронов,— и ставить заборы!.. Наш дом отгородится забором, соседний, поглядев, сделает то же самое, потом и другие. Что же получится? Лабиринт, а не двор. А где мы в футбол будем играть? Где Генка модели свои будет испытывать?

Я расходился все больше и больше.

С тех пор, как нашим домовым комитетом стала управлять Ирина мама, субботники накатывались на наш дом, как морские волны, один за другим. Сначала мы очищали чердак, потом взялись за подвалы, потом снесли помойку, и два раза в день к нам сейчас приезжает машина с веселым шофером...

Самое удивительное, что жильцы нашего дома с охотой работают на субботниках. Почти все они — люди умственного труда (так, кажется, это

называется). Их хлебом не корми, а дай поковырять землю лопатой или приколотить пару гвоздей молоточком.

— Ты прав,— наконец сказал Семка.— Это же просто бессмыслица — строить заборы в наше время.

— Конечно,— обрадовался я Семкиной поддержке.

Нам надоело торчать на чердаке, и мы тихонько спустились вниз. Наши шаги гулко отдавались в пустом подъезде. Мы вышли во двор и хотели улизнуть, но нас заметила Ирина мама.

— Идите сюда, молодые люди,— позвала она.

Когда мы с опущенными головами приблизились к ней, Ирина мама приказала:

— Будете доски перетаскивать вон от той кучи к мужчинам, которые столбы ставят.— И подтолкнула нас в спины.

— Мы лучше будочки станем строить.— Я твердо посмотрел Ириной маме в глаза.

— Какие-такие будочки? — Ее густые черные брови выгнулись, как два вопросительных знака.

— Для собак,—охотно объяснил я.— Поставим будочки вдоль забора, в каждую будочку посадим собачку, табличку прицепим: «Осторожно, злая собака». И тогда никто не посмеет к нам и носа показать.

Два вопросительных знака стали двумя восклицательными.

— Я давно слышала, что ты лоботряс и разгильдяй. Но меня Ира пыталась убедить в обратном. Теперь я понимаю, кто ты такой. Вы можете идти на все четыре стороны.

Мы повернули, довольные, но тут нас увидела моя мама и сказала, что, когда все работают, мы тоже должны помочь. Маме я не мог отказать, и мы с Семкой начали перетаскивать доски.

Рыли ямы и ставили столбы майор, отец Иры, дядя Кузьма, токарь на пенсии, и очкастый, с длинными волосами кандидат наук Иван Васильевич. Им помогали две полные женщины из пятого подъезда.

Мужчины работали молча. Изредка перебрасывались одним-двумя словечками. Зато женщины в основном разговаривали.

— Ох и устала же я,— вздыхала одна.— Яму вырыла, и уже поясница ноет. А в сорок первом под Москвой тысячу таких ям выроешь, а вечером еще в очереди настоишься...

— Самолеты над тобой кружатся, бомбы воют, взрывы, а ты ничего не боишься и роешь окопы, роешь,— продолжала вторая.— А сейчас мальчишки бросили доски, и я уже вздрогнула.

Это про нас. Мы с Семкой только что притащили новую партию досок.

— Эй, пацаны, поосторожнее! — не глядя на нас, говорит дядя Кузьма.— Это вам не футбол, а доски.

Дяде Кузьме я не перечу. Все ребята в нашем дворе уважают дядю Кузьму. Когда-то он был знаменитым токарем, его портреты печатали в газетах, а один раз дядю Кузьму даже показывали в кино.

На субботниках дядя Кузьма был главным активистом. Даже Ирина мама его слушалась. Мы постояли немного и посмотрели, как он работает. У него все получалось очень ловко. Он ставил до-

ску к доске и двумя ударами молотка загонял гвоздь в столб.

— Как миленький пошел,— подмигивал дядя Кузьма Ивану Васильевичу. Тот тоже, наверно, подмигивал, но из-за очков ничего не было видно.

К вечеру забор прямой линией отгородил наш двор от других домов. Довольные своей работой, жильцы расходились по квартирам. Дядя Кузьма весь светился от радости. Наконец-то после месяцев сидения у телевизора и скучных прогулок по парку ему подвернулась работенка, где он смог показать свое умение.

Простились и мы с Семкой. Я сказал своему другу шепотом:

— Надо придумать что-то с забором.

— Ага,— согласился Семка.— Это же стыд — в середине двадцатого века...

— Тихо,— прервал я Семку.— Пока.

ВСЕ ДОВОЛЬНЫ, КРОМЕ...

Утром я так и не придумал, что сделать с забором. А в школе мне было не до забора. События развивались с космической быстротой. Совет дружины присвоил нашему классу первое место в школе. За что? Там было много пунктов, за что. Одним из пунктов был я. Я был, кажется, 12-м или 13-м пунктом.

Вот он, этот пункт. «За то, что ребята не боялись взять на перевоспитание трудного ученика Коробухина, от которого отказался 6 «А», вовлекли его в общественную работу и помогли ему исправить все двойки».

Ребята из моего теперешнего класса ликовали.

А Витька Мелюх крикнул:

— Давайте его качать!

Не успел я опомниться, как меня схватили и подбросили к потолку. Я опустился на сильные руки Мишки Зайцева, Тольки Дашкевича и других ребят. Я и не думал вырываться. Гордо и молча я летал от пола к потолку под дружные крики:

— Ура! Да здравствует Коробухин!

Если говорить честно, я люблю славу. Я люблю, чтобы на меня все обращали внимание и шептали за моей спиной: «Это тот самый, ну который... В общем — Коробухин». Я люблю входить в школу и видеть, как почтительно расступаются передо мной малыши. Еще бы, сам Коробухин шествует!

Все перемены я ходил задумчивый и гордо нес бремя своей славы, пока не налетел на Иру.

Я вежливо поклонился ей.

— Как поживаете, графиня?

Но у Иры не было настроения шутить.

— Почему ты не сказал никому, что я и другие ребята из нашего класса тебе помогали?

— Не все ли равно, — примирительно сказал я. — Все помогали. Ты, конечно, больше всех.

— И потом, как ты разговаривал с моей мамой? — гневно сказала Ира. Ее глаза метали молнии.

— Нормально разговаривал, а что?

— Нормально? — Ира вся клокотала. — Так вот, больше я с тобой не разговариваю и не занимаюсь. Все. Хватит с меня. — Она четко повернулась и зацокала каблучками в свой класс.

Я уныло смотрел ей вслед. Вот девчонки, думал я, вредные существа. Если у тебя хорошее настро-

ение, они его обязательно испортят. Не могут без этого жить.

Ну и что, если я не сказал никому, что двойки я исправил благодаря Ире? Сам-то я хорошо это знаю. Ах, она захотела, чтоб все ее хвалили: «Смотрите, какая она молодчина, перевоспитала хулигана Коробухина».

Мрачный, я шел домой вместе с Семкой.

— Так что мы сделаем с забором?— спросил я у моего друга.

— Может, не стоит, Валерка?— жалобно сказал Семка.— Как они все работали! И дядя Кузьма, и...

— Но в середине двадцатого века...

— Ясно,— вздохнул Семка.— Но только я ничего не придумал.

Молча мы дотащились до нашего дома. И тут я сообразил, что надо делать.

— Сема, видишь?

Я показал на экскаватор, который работал прямо за нашим забором. Там на пустыре копали котлован для нового дома. И землю экскаваторщик сваливал в разные стороны. Забор ему здорово мешал.

— Ну и что?— спросил Семка.

— Сейчас все поймешь.

Мы перелезли через забор и стали перед экскаваторщиком. Он как раз выключил свою машину и копался в моторе.

— Вот, наверно, домина будет,— затянул я и подтолкнул Семку.

— Этажей пятнадцать, а может, и больше,— вторил мне Семка. Он был отличный парень, мой друг, и все понимал с полуслова.

— Человеку надо копать котлован, а тут забор мешает,— продолжал я, хитро глядя на экскаваторщика.

— Землю некуда девать,— поддержал меня Семка.

— Совсем некуда,— вступил в разговор экскаваторщик. Он был очень высокий, как и его машина.— Крутишься, будто в малогабаритной квартире.

— Мы только что были в домкоме,— соврал я, честно глядя парню в глаза.— Домком сказала, пусть ломает забор, если другого выхода нет.

— Ну нет же выхода,— развел руками экскаваторщик.— Вы же сами видите.

Мы кивнули.

— Ну, спасибо, ребята,— белозубая улыбка засияла на лице экскаваторщика.— Теперь и норму вытяну.

Он влез в машину, а мы отправились на чердак. По лестнице мы взбежали стремглав и прильнули к окну.

Экскаватор торжественно нес ковш, набитый землей и какими-то железяками. Вот он замер прямо над забором. Ковш раскрыл свою пасть, и забор застонал под ударами земли и камней. Но выстоял. После второго захода он покосился. Третий и четвертый ковши его добились.

Пока это увидели жильцы, пока они сообщили Ириной маме, большая часть забора была поломана и засыпана землей.

Мы наблюдали из окна, как на бедного экскаваторщика налетели Ирина мама и другие женщины, как он им пытался что-то объяснить и, навер-

но, все свалил на нас. Потому что женщины стали озираться по сторонам — они явно кого-то искали.

— Спектакль окончен,— сказал я.— Теперь надо подумать, как выкрутиться.

Ирина мама, конечно, догадалась, что это наша с Семкой проделка. И мы ожидали основательной взбучки. Но гром не грянул. Наверно, потому, что на завтра в нашем дворе строили новый забор. Его строили уже не жильцы, а рабочие. И поднялся он почти посредине нашего двора, гораздо ближе к дому, чем прежний. Молодой инженер, который привел рабочих, сказал, что этот забор временный, пока новый дом построят, а потом его снесут и посадят здесь цветы и деревья.

— А заборы, граждане,— устаревшее дело,— сказал молодой инженер.

Вместе с рабочими охотно возился и дядя Кузьма. Он покрикивал даже, если что не так было. Его слушали внимательно и не вступали с ним в пререкания.

Все были довольны.

Мы с Семкой — потому что старый забор был разрушен.

Дядя Кузьма — потому что снова нашел работу для своих умелых рук.

Ирина мама — потому что какой-никакой, но забор стоит. «Когда забор во дворе, сразу уютнее становится»,— говорила она.

Жильцы тоже были довольны. Потому, что не надо было снова возводить забор,— они и так устали.

Только Ира ходила надутая, она злилась на меня.

Я человек незлопамятный, и мне уже хотелось как-нибудь помириться с Ирой. Но пока ничего не получалось.

МЕЖДУ „А“ И „Б“

Как помириться с Ирой? От этой простой мысли моя голова просто раскалывалась. Но тут произошло такое, что я забыл о нашей ссоре.

На одной переменке Витька Мелюх вошел в класс с очень уж кислой физиономией. Витька был вообще мямля и еле двигался. Я просто удивлялся, за что его избрали председателем совета отряда? Разве можно его сравнить с нашей Галкой? Галка — огонь, а Витька — это одно недоразумение. Но ребята мне сказали, что классная за него. Он ей очень нравится — тихий, спокойный и хорошо учится.

Так вот, Витька, еле переставляя длинные ноги, вошел в класс и сел за парту.

— Ребята, — жалобно протянул он, — нам опять не повезло. И все из-за Коробухина.

— Что такое? — крикнул я.

— 6 «А» протестует, будто нам неправильно дали первое место. Коробухин, мол, уже успел все двойки у нас исправить, а вы польстились на готовенькое, — передразнил Витька Галку и еще ниже опустил голову: — Нет, ребята, не видать нам первого места. Знаете, какие в 6 «А» горлопаны. Одна Новожилова чего стоит.

Ребята обмерли. Такого крутого поворота никто не ожидал. А казалось, первое место у нас в кармане вместе с поездкой в Беловежскую пущу.

Все поглядели на меня как на прокаженного. И никто даже не захотел вспомнить, что это я привел старика-чапаевца, что из-за меня назначили одиннадцатиметровый.

Что, подумал я, делать? Перейти еще в один класс? Но у нас в школе только два 6-х класса — «А» и «Б». Я пошел по коридору, грустно напевая песенку: «А» и «Б» сидели на трубе». Вообще-то песенки такой нет. Есть только слова. Но я на ходу придумал мотив. И так как мне было невесело, то и мотив получился унылый и неинтересный.

— О чем задумался, парень? — раздался над моей головой бодрый голос.

Я поднял голову и сразу улыбнулся. Передо мной, улыбаясь, стоял высокий широкоплечий Борис Михайлович, вожатый нашего класса. Он учился в пединституте, а в школе проходил практику.

— Не грусти, парень, — сказал Борис Михайлович, — дело в шляпе, понял?

Я ничего не понял, но кивнул. Говорил Борис Михайлович всегда очень непонятно, но мы его любили. Он был чемпионом института по боксу и обещал при первой возможности научить нас боксировать. Но эта возможность все не появлялась.

— Пойдем в класс, — Борис Михайлович взял меня за плечо, — у меня есть новости.

Когда мы вошли в класс, то застали ребят в тех же грустных позах.

Два дня оставалось до конца учебного года, и разве успеешь тут совершить что-нибудь выдающееся, чтобы тебе присвоили звание лучшего отряда в дружине?!

При виде Бориса Михайловича все вскочили, захлопали крышками парт, закричали: «Здравствуйте, Борис Михайлович!»

— Ребята,— улыбаясь, начал вожатый,— значит, так будет. Наши два класса — 6 «А» и 6 «Б» — отправятся в туристский поход-соревнование. У каждого отряда будет задание. Кто его быстрее выполнит и придет в условленное место, тот и победит. Тому и присвоят первое место в дружине.

— Ура! — зашумели ребята.

Потом начались расспросы:

— А когда пойдем в поход?

— А куда пойдем?

— Как только занятия кончатся,— едва успевал отвечать Борис Михайлович.— Маршрут еще разрабатывается, но надо уже готовиться. С вами пойду я.

— Ура! — снова закричали ребята.

— Мы обгоним 6 «А»! — завопили ребята.

— Мы будем самыми первыми! — заорали ребята.

— Ой, девчонки, а приключения будут? — воскликнула Лена Кублицкая.

При слове «приключения» все на минуту затихли, а потом зашумели и заговорили с новой силой. Все ребята обожали приключения, жить без них не могли. Но так до обидного мало было приключений у каждого в жизни, что все начали их потихоньку выдумывать.

— Я был в Беловежской пуще,— сказал Сашка Акулик,— и видел там живых зубров. Я ни капельки их не боялся и даже кормил и гладил самых маленьких.— Тут глаза у Сашки предательски моргнули.

— А я лазила по Кавказским горам,— сказала Лена Кублицкая,— они такие высокие, что пароходы на море похожи на чайки. Правда, правда.

— А у меня на спиннинг попалась щука,— принялся сочинять Мишка Зайцев.— Она была такая огромная, что я не мог ее вытянуть. А потом, честное слово, щука потащила мою лодку по реке. Я много километров проехал, как на водных лыжах, за рыбиной, пока меня и щуку не перехватили у моста рыбаки.

Борис Михайлович попробовал было перебить этот ровный, как дождик, гул воспоминаний, но у него ничего не получилось. Тогда Борис Михайлович крикнул:

— Тихо, ребята, вы еще в школе.

Мы знали, что мы еще в школе. Но уроки уже кончились, и можно было наконец пошуметь вволю.

Борис Михайлович попробовал еще раз крикнуть: «Тихо, ребята!», но шум не улегся. Тогда вожакий махнул на нас рукой и вышел из класса. Он, наверно, хорошо помнил свое детство и помнил, какими бывают ребята, а поэтому не стал нам мешать. Хорошо, когда взрослые помнят свое детство. Мы таких сразу узнаем и любим по-настоящему.

А воспоминания о приключениях не прекращались. Только я тихо сидел и не вступал в разговор. И когда ребята охрипшими голосами досказывали последние воспоминания, я спросил:

— А кто одной спичкой может зажечь костер?

Дождик воспоминаний иссяк. Ребята стали глазеть друг на друга — а кто и вправду сумеет зажечь костер одной спичкой? Оказывается, на

Луну легче слетать, чем костер одной спичкой зажечь.

— А ты умеешь?— ехидно спросил Мишка Зайцев.

— Запросто,— улыбнулся я.

— Врать ты умеешь,— скорчил рожу Мишка.

И все засмеялись. Им понравилась Мишкина глупая шуточка. А на меня совсем перестали обращать внимание.

Я закинул книжки в сумку и отправился домой. Два класса против меня. А я ни в чем не виноват. Просто так все получается, что я виноват.

У входа в парк я заметил Галку Новожилову. Она прогуливалась туда-сюда и поглядывала на фонарь. Когда она увидела меня, то очень обрадовалась. Или мне так показалось?

— Что ты мрачный сегодня?— спросила она.

Я посмотрел ей в глаза и вдруг ни с того ни с сего все рассказал. Что на меня взъелся 6 «Б», как когда-то 6 «А», и теперь я не знаю, куда податься.

— На Луну? Но там нет атмосферы.

Галка молча выслушала мою скорбную речь.

— А может, ты к нам вернешься?— тихо сказала она.

Я скривился.

— Два дня осталось, все равно.

Мы пошли по улице.

— Ты бывал когда-нибудь на Белом озере?— спросила Галка.

— Нет, а что это за озеро?

— Чудесное!— Галка даже причмокнула губами.— Там сосны к самой воде подходят, а пляжи какие — один песочек. И дно — сплошной пе-

сочек. И малины там сколько! Мы туда пойдем в поход.

— Я, наверно, не пойду,— уныло сказал я.— Все меня ненавидят, так чего я буду стараться для них первое место зарабатывать.

— Зря,— грустно сказала Галка.— Но, может, ты передумаешь? А?

— Не знаю,— пожал я плечами. А самому вдруг страшно захотелось пойти в поход к такому замечательному озеру. И обязательно — вместе с Семкой, Галкой и другими ребятами из 6 «А».

— Пока,— сказал я Галке у ее дома.

— До свиданья,— Галка протянула мне руку. Я пожал ее. Рука была крепкой и сильной, и это мне понравилось.

КОСТЕР ПОКАЗЫВАЕТ ЯЗЫК

Но я все-таки пошел в поход. Я рассудил так — занятия окончились, я перешел в 7-й класс без перекзаменовок (крикнем дружно «ура»), до того, как ехать в пионерский лагерь, оставалось еще две недели. А что делать во дворе, если все ребята идут в поход?

Пошел я с 6 «Б». Ведь именно этот класс я закончил.

Ребята смотрели на меня, как будто это не я перед ними стоял, а шкаф какой-нибудь, забрызганный чернилами.

Ну, ладно, я человек не гордый, я просто очень хочу увидеть Белое озеро. Но я еще покажу вам, на что я способен. Вот только бы какого-нибудь зверя повстречать. Волка, например. Конечно,

лучше всего зубра. Тогда я посмотрел бы, как улепетывают во все лопатки эти храбрецы Мишка Зайцев и другие. Только я бы не дрогнул. Один на один остался бы с лохматым и страшным царем нущи. Нет, конечно, и Борис Михайлович не струсил бы. Мы бы вдвоем остались против зубра.

А что было бы дальше, я не успел сочинить, потому что мне крикнул Борис Михайлович:

— Не отставай, Валерий! А то заблудишься!

...Второй день мы пробирались по лесу, вылезали на холмы, сверяли направление по компасу и снова шли вперед.

Начали мы довольно бодро. Настроение у всех было, как после шестого урока,— отличное. С первых шагов мы запели. Знаете, вот эту песню — «Глобус крутится, вертится, словно шар голубой». Хорошая песенка. Я ничего против нее не имею. Но когда за плечами рюкзак, а в нем спальный мешок, консервные банки, булки, хлеб и еще десяток разных штукovin, не очень-то поется. И скоро ребята замолкли.

На втором привале выяснилось, что Мишка Зайцев натер ногу. Борис Михайлович сказал нам взять в поход старую разношенную обувь. А длинноногий Мишка обул старые ботинки, которые он носил, наверно, лет пять назад. И вот вам результат: на Мишкиных пятках вздулись белые водяные мозоли.

— Ну что ж,— вздохнул Борис Михайлович,— дальше идти нельзя.— Он стал рассматривать схему маршрута.— Мы совсем недалеко от реки, Птичь называется.— Борис Михайлович обернулся к Мишке: — Пару километров пройдешь?

— Угу,— скривился Мишка.

Поддерживаемый Толькой Дашкевичем, он кое-как доковылял до реки.

На высоком берегу Птичи, под золотостволами соснами, мы разбили палаточный лагерь. Сбежали искупались, вода была чудесная и не хотелось вылезать, но Борис Михайлович по одному всех вытащил на берег.

— Простудитесь, черти, и не дойдете до Белого озера,— шумел он.

Одним из условий соревнования было — всем прийти к озеру. Болеть не разрешалось.

Вечером долго не разгорался костер. Утром прошел дождик, и хворост еще не успел высохнуть. Уже целая гора поломанных спичек и два разодранных коробка валялись около наших вспотевших костровых. Вдруг один из них, Димка Чехович, обратился ко мне:

— Ты, кажется, обещал одной спичкой зажечь костер?

— Запросто,— сказал я и взял протянутый мне коробок.— Мигом.

Я пошел в лес и под деревьями насобирав сухих веток. У костра я разломал их на небольшие кусочки, сложил горкой. Вниз подсунул свернутую снежком бумагу.

Ребята, громко покашливая и перешептываясь, следили за моими манипуляциями.

Я никого не замечал. Я знал, главное — представить себе, что вокруг никого нет и я один. Иначе ничего не выйдет. Все получается как будто случайно, а если ты хочешь сделать нарочно, то у тебя выйдет ерунда на постном масле.

Я чиркнул спичкой о коробок. Честное слово,

у меня не дрожала рука, когда я подносил спичку к костру. Но костер не загорелся.

Ребята захохотали.

— Ну и хвастун ты, Коробухин.— Это голос Витьки Мелюха.

— Врет, как Мюнхаузен,— на время позабыл про мозоли и решил поупражняться в остроумии Мишка Зайцев.

Я зажег вторую спичку. Бумага немного потле-
ла, но костер не зажегся.

Я уже не замечал града насмешек, который посыпался на меня. Я зажег третью спичку, и тут появился маленький язычок пламени. Это костер показал мне язык: «А вот не загорюсь». «Зажгись, запылай, затрещи,— попросил я костер,— чего тебе стоит? Я хочу утереть нос этим дармоедам».

И он меня понял, маленький и веселый язычок пламени. Он позвал на помощь еще один язычок,

потом второй, третий... И вскоре костер пылал, как в сказке.

Шуточки, словно обожженные пламенем, испарились. Ребята что-то старательно мычали. Девочки поставили на костер ведро с супом и сказали:

— Молодец, Валерий! А вы, герои, даже костер зажечь не смогли.

Я приподнялся:

— Тут недавно кто-то произносил яркие речи. А я вам скажу просто — такими темпами до Белого озера мы месяц идти будем. И первого места нам не видать. Разве что во сне, с зажмуренными глазками.

— Это ты хочешь первое место нашему классу? — сказал Мишка. — Да ты же подыгрываешь своим друзьям из 6 «А».

— Очень интересно, — несмотря на все, я улыбался. — Значит, это я, как последний идиот, обул ботинки пятилетней давности и натер волдыри, о которых только мечтать можно? Значит, это я не умею зажечь костер и тяну время обеда?

Поднялся невообразимый шум. Вмешался в разговор Борис Михайлович. Он сказал, что мы плохо подготовились к походу и надо что-то срочно придумать, потому что натерла ноги еще и Эмма Гусак.

К вечеру нас ждала новая напасть. Налетела мошкара. И какая-то вредная очень мошкара. Кусалась так, что мы все плясали у костра и вскрикивали. Ну, точно как краснокожие индейцы, только без уборов из перьев на головах.

Так сказал про нас Борис Михайлович, а потом куда-то исчез. Он вернулся через пять минут с огромным букетом ромашек. Борис Михайлович стал

раздавать девчонкам цветы. Они краснели и говорили кокетливыми голосками:

— Спасибо, Борис Михайлович!

— Ой, спасибо, Борис Михайлович!

Когда букет растаял в руках вожатого, он сказал:

— Теперь пусть мальчики докажут, что они настоящие рыцари. Тут за кустами луг, на нем полно ромашек.

Мы хмурились и отворачивались от Бориса Михайловича.

— А эта пакость, как огня, боится ромашек. Бросайте их, девочки, в костер,— скомандовал Борис Михайлович.

Мошкары сразу поубавилось. С визгом и криком мы бросились за ромашками. Нарвали столько, что чуть не затушили костер.

— Эй, осторожней! — закричал Борис Михайлович.

Мошкара испугалась наших ромашек и удрала к другим туристам. Молодчина, Борис Михайлович. Все знает!

Мы сидели у костра и пели песню. Вы ее, конечно, знаете: «Глобус крутится, вертится, словно шар голубой». Ее хорошо петь у костра. Но никак она не получается, когда топаешь с рюкзаком за плечами,— дыхания не хватает.

ОДИН В ЛЕСУ НЕ ВОИН

Вы просыпались рано утром в лесу? Правда, это здорово! Высунешь голову из палатки, и сразу начинается такое, чего ты никогда не видел и не

увидел бы ни за что в жизни, если бы не пошел в поход.

Все еще спят. Когда я вылезаю из палатки, вдруг вскрикивает и подымается Мишка Зайцев. Он хватается за ногу — наверно, я наступил на его любимую мозоль. Я шепчу Мишке: «Тихо». Он таращит глаза. Я ему еще раз: «Тихо».

И Мишка, словно загипнотизированный, падает и засыпает.

Я шагаю по лесу. Сперва иду медленно. В лесу тихо. Сосны дремлют, березки посапывают. И вдруг я начинаю бежать, как будто кто-то меня подтолкнул в спину. Я несусь, как угорелый, перепрыгиваю через пеньки, подбегаю к одной сосне, карабкаюсь на нее, а потом сползаю и тут же мгновенно взлетаю на другую сосну.

Наконец, истратив все силы, я опрокидываюсь на траву и лежу несколько минут, раскинув руки, и гляжу на небо. И у меня такое чувство, будто я обнимаю весь мир, и что бы ни случилось сейчас, я все сделаю.

Я приподнимаюсь и вижу, как совсем рядом, в десятке шагов, вьется дымок.

«Может, охотники костер разожгли и зайца жарят,— думаю я.— Надо подойти посмотреть,— решаю я.— А то все идешь, идешь, а самое интересное пропускаешь».

Я выбегаю на полянку и ахаю — пожар! Лес горит!

Несколько секунд я стою, как телеграфный столб, и не знаю, что предпринять.

Потом бросаюсь на землю и начинаю рвать мох и бросать в огонь, топчу пламя кедами. Пожар не утихает.

«Надо прорыть какаву, чтобы огонь дальше не перекинулся,— думаю я.— А чем рыть? Надо придумать. Не бежать же за ребятами. Обойдусь без них. Протрут глазки, а я им: «Я пожар потушил. Спас от гибели зеленого друга». Они оторопеют: «Где?» Могут не поверить. Тогда я им оставлю кусочек пожара, чтобы убедились».

И тут, не знаю почему, мои ноги сами поворачивают к палаткам. Назад я лечу еще быстрее. У меня в голове мелькает: «Сюда бы судью с секундомером, наверняка зарегистрировал бы новый мировой рекорд».

Конечно, ребята еще не проснулись.

Я расталкиваю Бориса Михайловича и кричу ему в ухо: «Пожар!», бужу взвизгивающих от страха девчонок, вытаскиваю за ноги из палаток мальчишек.

— Пожар! — кричу я.— Лес горит! За мной!

И, не остановившись ни на секунду, бегу туда, где пылает лес. Я не оборачиваюсь, но чувствую, что за мной несутся ребята. Меня нагоняет и бежит рядом Борис Михайлович. На ходу мы перебрасываемся с ним короткими фразами. Вот так приблизительно:

Борис Михайлович: Далеко еще?

Я: Скоро.

Борис Михайлович: Большой?

Я: Здоровый.

Борис Михайлович: Ты молодец.

Я: Ага!

Борис Михайлович: Ты — герой!

Я делаю вид, что не расслышал.

Я очень люблю огонь. Люблю, не отрываясь, смотреть, как трещат в печи поленья. А что может

быть замечательнее, чем яркий, шумный костер!

Но тут огонь был страшной бедой, которую надо одолеть. И мы засучили рукава! Я не помню еще, чтобы у нас когда-нибудь так все получалось. Никто не отлынивал. Мишка Зайцев позабыл про свои мозоли и всю махал топориком, проделывая просеку, чтобы остановить огонь.

Борис Михайлович послал Витьку Мелюха и Тольку Дашкевича за лесником. Вспомнил, что вчера мы проходили мимо лесничества.

Борис Михайлович однажды тушил где-то пожар и командовал нами быстро и решительно.

Когда на полянку прибежали запыхавшиеся дяденьки вместе с лесником, огонь еле тлел и чуть-чуть змеился.

Лесник радостно хлопал нас по плечам.

— Герои! — говорил он. — Молодцы! Юные ленинцы! Наша надежда!

Борис Михайлович выступил вперед и сказал:
— Я прошу вас особо отметить поступок Валерия Коробухина. Он первым заметил пожар и поднял тревогу.

— Где он?— шумно выдохнул лесник.

Он оглядывал нас, чумазых, подсмаленных, но очень счастливых. Леснику хотелось обнять нас всех, такое у него было радостное и взволнованное лицо.

Меня подтолкнул вожатый, и я сделал полшага к леснику.

— Спасибо тебе, товарищ Коробухин Валерий, хорошего батьки и матери сын,— сказал лесник и потряс мою руку.

Потом с той же поспешностью полез в сумку и вытащил книжку.

— Дарю тебе. Потрясающая книга. Сам не дочитал — все времени нет.

Я взял книжку и посмотрел на обложку: «И один в поле воин».

Мы помогли леснику дотушить пожар и направились в палаточный лагерь.

Мишка Зайцев отхлопывал на животе веселый марш. Ему помогали кто как: один щелкал языком, другой подсвистывал.

Но Борис Михайлович охладил наш пыл.

— Теперь нам до Белого озера вовремя не добраться,— сказал вожатый,— обгонит нас 6 «А».

— А может, у них тоже попался пожар по дороге?— предположил я.— Леснику вон книги некогда читать — лес горит.

Борис Михайлович нахмурил лоб.

— Отдохнуть надо. Поесть надо.

— Да мы ни капельки не устали,— сказал Толька Дашкевич.

— А у меня мозоли не болят,— сказал Мишка Зайцев.— Смотрите.— И Мишка начал плясать и топать ногами. И правда, он улыбался. Но самое странное, что он был не в своих детских ботинках, а в чьих-то кедах.

— Это же мои кеды! — закричал Толька Дашкевич.

Они так торопились тушить пожар, что перепутали обувь. Толька натянул Мишкины ботинки, а Мишка Толькины кеды.

— Ладно,— сказал Толька.— Мне твои ботинки как раз.

— Тогда быстрее завтракать и вперед,— сказал Борис Михайлович.— Может, и обгоним наших противников.

А я подумал, что нам очень помог этот пожар. Не подумайте, что я за пожары, за то, чтобы лес горел. Нет, но иногда людям необходима встряска. А то идут, ругаются, друг на друга косятся, а тут — пожар, лес горит. И вот можно проверить, чего они вообще стоят.

ПАКЕТ С ПЯТЬЮ СУРГУЧНЫМИ ПЕЧАТЯМИ

Больше приключений у нас не было. Мы шли быстро и весело, и ноги сами несли нас к цели — Белому озеру.

На третий день пути огромной тарелкой желто-зеленой воды перед нами показалось Белое озеро.

— А почему оно совсем не белое? — спросил я.

— Потому, что кончается на «у», — сердито

оборвал меня Борис Михайлович. Он был явно не в духе.

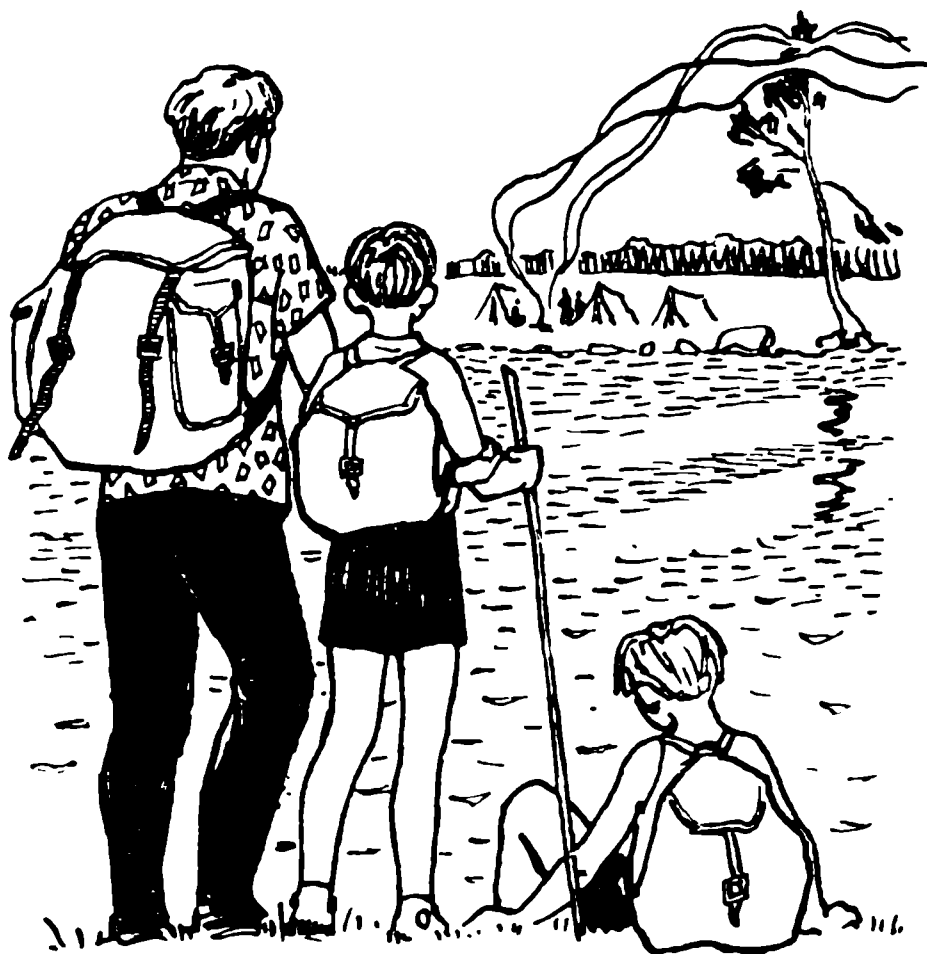
— Продули мы, ребята! — с отчаянием воскликнул Мишка Зайцев и показал на противоположный берег. Там пылали костры и возле них сутились мальчишки и девчонки в пестрых ковбойках. Это был, конечно, мой бывший класс. Я узнал упитанного Семку, который восседал на камне и философски поглядывал на озеро, рассмотрел очки Леньки Александрова и банты — две беспрестанно взлетающие бабочки — на косичках Галки Новожиловой.

— Все пропало, — сказал Витька Мелюх и повалился на траву. Человека, более нудного, чем Витька, я не встречал еще ни разу в своей жизни. Чуть что, сразу лапки кверху и сдается.

— Не ной ты, — крикнул я и повернулся к Борису Михайловичу. У нашего вожатого было такое лицо, как будто он только что получил сильный удар по челюсти.

— Борис Михайлович, — спросил я, — разве они нас обогнали?

— Почти, Валера, — задумчиво сказал вожатый. — Правда, еще осталось одно препятствие.

Надо отыскать в лесу пакет с пятью сургучными печатями. Он спрятан в полиэтиленовый мешочек. В этом пакете — поздравление с победой, с первым местом.

— Если они здесь целый день, то пакет они давно нашли, — занял Мишка Зайцев.

Вот слюняй. Такая меня разобрала злость, что я закричал:

— Стройся! Смирно! Шагом марш!

Ребята от неожиданности быстро построились и зашагали прямо к кострам, на которых варили ужин наши противники. Я оглянулся на Бориса Михайловича. Вожатый мне подмигнул: «Полный порядок».

Хмурые, мы рассаживались у костров под крики, шум, свист ребят из моего бывшего класса, которые торжествовали победу.

Я сел как раз посреди двух лагерей противников. И поэтому с моим лицом творилось что-то ужасное. Одна его половина, та, которая была ближе к ребятам из моего теперешнего класса, хмурилась и мрачнела. А вторая половина, та, которая косилась на ребят из моего бывшего класса, ликовала и веселилась.

— Фу, — сказал я сам себе и стал смотреть в землю.

— И еще неизвестно, кто выиграл, — раздался спокойный голос Галки Новожиловой. — Пакет мы не нашли.

Ребята из моего теперешнего класса зашевелились, повеселели.

— А мы пожар огромный потушили! — крикнул Мишка Зайцев.

— Правда? — подсел ко мне Семка.

— Правда,— сказал я и вытащил из рюкзака «И один в поле воин».

Я открыл книгу, и столпившиеся за моей спиной ребята из 6 «А» прочитали шепотом надпись:

«Тов. Коробухину Валерию за мужество и отвагу при спасении от пожара лесонасаждений Дорогомиловского лесничества».

— Ого! — сказали ребята.

Семка вскочил, возбужденный.

— А я всегда говорил, что Валерка отличный парень.

Вокруг загалдели.

— Тихо! — крикнул Борис Михайлович.— Пошли устраиваться на ночлег.

Мы быстро разбили палатки, разожгли костер и, пока наши кашевары соображали ужин, побежали к озеру.

Солнце заходило на противоположном берегу. Его прощальные лучи лежали на озере, как длинные красные рыбы. И озеро уже было не белым, а красным.

«Но почему оно все-таки Белое?» — недоумевал я, разрезая головой и руками мягкую теплую воду озера.

Как хорошо сбросить рюкзак и плыть, плыть, все равно куда.

Я оглянулся — вот это да! — я уже на самой середине озера. Борис Михайлович, наверно, нервничает.

Я повернул, лег на спину и заработал ногами. Руки у меня отдыхали. Потом я поплыл снова брассом. Я очень люблю брасс. Мне кажется иногда, что брассом я могу проплыть сотню километров, ни разу не отдыхая.

Когда я плыл, мне в голову лезли всякие мысли, а поэтому я достиг берега чуть левее от того места, где пылали наши костры.

Я уперся руками в желтый песочек и так лежал в воде. Мне не хотелось вылезать. Я блаженно вертел головой, пускал пузыри, и вдруг под корнем сосны, далеко вылезшим в озеро, заметил белый прямоугольник с пятью круглыми коричневыми печатями.

Меня так и подбросило. Пакет! Я нашел пакет! Но почему он не размок?

Ах, пакет в полиэтиленовом мешочке! Крепко привязан к корню. И это всего в двух шагах от стоянки. Все рыскают в лесу, ищут пакет, а он здесь мокнет и посмеивается. Ловко придумано.

Я хотел крикнуть, что нашел пакет, но крика у меня не получилось. Я вдруг понял, что не знаю, кому мне хочется отдать пакет — 6 «А» или 6 «Б». Не знаю и все.

РАЗГОВОР С САМИМ СОБОЙ

Я ворочался в палатке между Мишкой Зайцевым и Толькой Дашкевичем. И никак не мог заснуть. Не потому, что сон ко мне не приходил. Нет,

он приходил, он укрывал меня, баюкал тягучими песенками, он окутывал мне глаза, но я его отгонял прочь. Я в тысячный раз переворачивался и никак не мог решить, кому отдать пакет, который я нашел. Я не взял его с собой, а только покрепче прикрутил веревкой к коряге. Теперь его никто не заметил бы. А чего в самом деле? Я нашел пакет, и не хочу, чтобы он достался кому-нибудь другому.

Я перевернулся в тысяча первый раз. «Но послушай,— сказал я сам себе,— ты в каком сейчас классе учишься?

— Я уже не учусь, я окончил 6-й класс и перешел в 7-й,— сказал я себе сам.

— Это не важно. Какой ты 6-й окончил? «А» или «Б»?

— «Б».

— Так к чему сомнения? Утром и отдай пакет своим друзьям из 6 «Б».

— А разве они друзья? Как они поносили меня, когда первое место уплыло у них из-под носа! Кого они сделали козлом отпущения? Меня. Нет, ни за что не отдам.

— Хорошо. Тогда пакет вручи тем, с кем ты учился все шесть лет,— ребятам из твоего бывшего класса. Ведь там и твой друг Семка.

— Верно, я отдам пакет Семке. Как я раньше не догадался? Они же первые пришли к Белому озеру. Пакет их по праву.

— Ну вот и все. Ложись спать. Слышишь, как дружно храпят во всех палатках?

— Погоди спать. А Ира?

— Что Ира?

— Ты разве не заметил, какая она хмурая, и не хочет со мной здороваться.

— Заметил.

— Понимаешь, не люблю таких людей. Может, я и сделал что-то не так, но зачем столько злиться? Если теперь я отдам пакет в 6 «А», то Ира подумает, что я раскаялся и поступил, как она хотела. Нет, ни за что.

— Ладно. Тогда пакет снова переходит в руки 6 «Б». Ты вспомни, как они вместе с тобой тушили пожар. Это было здорово. А как вы были счастливы, что справились с пожаром, и, помнишь, у Мишки Зайцева даже мозоли перестали болеть?

— Помню. Мы тогда очень подружились. Они на меня стали смотреть с уважением.

— Ну так в чем же дело?

— Да, но...

— Снова вспомнил о ребятах из своего бывшего класса?

— Ага.

— Ну так все вспоминай — и как они тебе бойкот устраивали, и как ни за что ни про что потребовали, чтобы тебя убрали из их класса.

— Не совсем ни за что ни про что.

— А Галка Новожилова? Как она на тебя нападала! Да я бы из-за одной Галки не отдал пакет в 6 «А».

— Понимаешь, Галка — хорошая девчонка.

— Галка — хорошая девчонка? Ты меня удивляешь.

— Нет, правда. Она только многого не понимает. Ей кажется, так она всех людей сделает счастливыми и хорошими. А надо делать не так.

— А как?

— Я и сам не знаю.

— Ты слишком много размышляешь. Тебе слишком много всяких мыслей лезет в голову.

— Я знаю, что это мой недостаток. Но ничего не поделаешь, так устроена моя голова. Между прочим, я ее менять не собираюсь».

Так я разговаривал сам с собой и ворочался между Мишкой и Толькой. Но кому все-таки отдать пакет с пятью сургучными печатями, я не мог решить. И, совсем обессилив, заснул.

Говорят, утро вечера мудренее. Но и утром ничего путного мне не пришло в голову.

Меня уже бесило, что я, всегда такой решительный, так долго колеблюсь.

Я сбегал утром на озеро — пакет висел под корягой. Если его тогда не могли найти, то сейчас и подавно.

Позавтракав, ребята пошли в лес искать пакет. Я сказал, что у меня болит голова, и остался в палатке. У меня и правда голова раскалывалась от нахлынувших мыслей.

Борис Михайлович посмотрел на меня строго и сказал:

— Очень жаль, Валерий. Я уверен, что кроме тебя пакет никто не найдет.

Я неожиданно побагровел.

— Вот еще. Мишка — длинный, он и на верхушке сосны заметит пакет.

И они ушли. Я слонялся без дела в лагере и снова размышлял, кому все-таки отдать пакет.

Как на меня надеется Борис Михайлович! Мы теперь с ним друзья. Сейчас он наверняка научит меня боксу. Конечно, надо отдать пакет ребятам из моего теперешнего класса.

Я побежал к озеру. На полдороге я остановился. Прямо к нашим уже потухшим кострам подъехала школьная грузовая машина. Дверца открылась и из кабинки вылезла директор Екатерина Моисеевна, в желтом платье и с косынкой на голове.

Она вытерла платком пот со лба и шеи, вздохнула и улыбнулась озеру, деревьям и мне. Потому что я уже подбежал к ней.

— Здравствуйте, Екатерина Моисеевна!

— Здравствуй, Валерий. А где остальные?

— В лесу. Они пакет ищут.

— А ты что же?

— А я дежурный,— соврал я.

— Ага,— сказала директор.— Хорошо-то как здесь. А в городе духотища, жарища, пылища...

— Екатерина Моисеевна, я хочу с вами поговорить.

Директор поглядела на меня с улыбкой:

— Ну что ж, давай поговорим.

ТРИ БОГАТЫРЯ ПОДМИГИВАЮТ МНЕ

Я по привычке глянул поверх головы директора, туда, где на стене ее кабинета висели «Три богатыря». Но богатырей, конечно, там не было. Потому что мы разговаривали на свежем воздухе.

— Я нашел пакет, еще вчера нашел,— сказал я.

— Вот и прекрасно. Значит, шестой... э-э... в каком ты сейчас классе... в «Б»? Значит, 6 «Б» занял первое место в дружине.

Я молчал.

— Пстой, но почему, в таком случае, ребята ушли на поиски пакета?— удивилась Екатерина Моисеевна.

— Я не знаю, кому его отдать.— Я опустил голову.

— Ах, вот оно что,— на лбу директора сошлись морщинки, она раздумывала.

Еще бы — такая важная проблема. Я над ней всю ночь промучился.

— Придумала! — от радости Екатерина Моисеевна хлопнула меня по плечу.— Мы сделаем вот как. Я спрошу у ребят, какой класс захочет взять тебя в будущем учебном году к себе. Ясно?

— Ага,— сказал я.

Здорово придумала директор. Просто замечательно. Если бы я все-таки что-нибудь придумал прошлой ночью, то, мне кажется, я придумал бы то же самое.

Оба класса хотели от меня избавиться, а что они сейчас скажут? Ведь никто не знает, что я нашел пакет. Даже Семке я ничего не сказал.

— Пойдем купаться, Валерий,— предложила Екатерина Моисеевна.— Такая жарыща...

И мы вместе с шофером дядей Васей полезли в воду.

Оказалось, что Екатерина Моисеевна не умела плавать и барахталась около самого бережка. Я стал демонстрировать ей самые простые способы плавания — как держаться на воде, как работать руками. И у нее начало получаться.

Екатерина Моисеевна проплыла пару метров. Когда мы вылезли на берег, она отдышалась немного и сказала:

— Ты просто гений, Валерий. Из тебя выйдет

хороший учитель. До сих пор десятки людей пытались сделать из меня пловчиху, но ничего у них не получалось.

Вскоре вернулись из лесу ребята. Они окружили Екатерину Моисеевну, забросали ее вопросами. А директор вынимала из сумки письма для ребят, рассказывала, что нового в школе.

После обеда мы растянулись в тени под соснами, слушая, как набегают на берег волны озера.

И тут Екатерина Моисеевна сказала:

— Я вижу, ребята, что пакет с пятью сургучными печатями вы не нашли.

— Нет еще! — закричали ребята.

— Но мы найдем!

— Обязательно!

— Нам здесь нравится!

— Да? — улыбнулась директор. — Ну что ж, продуктов я вам привезла, ищите хоть два дня еще.

— Ура! — закричали ребята.

— А теперь вот о чем я хочу вас попросить. — Екатерина Моисеевна закусил губу. — Валерий Коробухин начинал прошедший учебный год в 6 «А» классе. Набедокурил, и ребята отказались от него. Я перевела Валерия в 6 «Б». Там он снова не ужился. И вот я хочу спросить у вас, ребята, в каком классе начнет учиться Валерий с первого сентября?

— В нашем! — вскочил Семка. — Только в нашем, в каком же еще?

Ленька Александров потянул его за штанину, и Семка сел на землю.

— Не надо нам Коробухина, — сказал Ленька, — мы с ним целый год возились. Хватит с нас...

Неторопливо поднялся Толька Дашкевич и сказал спокойно, заглушая все крики:

— Я думаю, что Валерке лучше всего в наш класс идти. Мы были к нему иногда несправедливы, но все-таки лучшего крайнего в нашей команде еще не было. И вообще, он хороший парень.

— Хороший?— взвился Мишка Зайцев. — Называть хорошим человека, который все нам делает назло. Ты очень интересно говоришь, Толька! Я согласен — в футбол он играет неплохо, но именно из-за него мы не получили первого места в школе.

На помощь Мишке вылез и Витька Мелюх.

— Пусть Коробухин идет в свой старый класс, вот к ним.

— Ну и дураки вы,— рассмеялась Галка Новожилова.—От такого парня отказались. Мне кажется, что Валера и сам хочет вернуться в наш класс. Я скажу только, что нам без него было как-то не так. Вот наше решение! — энергично закончила Галка и свирепо глянула на Леньку Александрова. Тот снял очки и начал их старательно протирать.

— А сам ты куда хочешь пойти, Валерий?— спросила директор.

Пока шла эта перепалка между двумя моими классами, с меня, наверно, пять потов скатилось.

Я догадывался, почему на меня взъелись Мишка Зайцев и Витька Мелюх. Я у них отвоевал положение заводил, тех ребят в классе, которых слушаются. А это им, конечно, не понравилось. Знал я, что давно меня не терпит Ленька Александров, но

чтобы Галка так здорово обо мне сказала, я не ожидал.

— Я согласен в 6 «А», — тихо сказал я.

— Уже в 7 «А»! — крикнула Галка.

— Ура! — зашумели Сашка, Генка, Галка и другие ребята из моего класса. Только Ленька Александров и Ира молчали. Ну зачем она так долго злится? Зачем?

— Хорошо, — улыбнулась директор. — Все хотят, чтобы Валерий вернулся в 6 «А»?

— Все! — дружно закричали ребята.

— Так чего ты стоишь? — обернулась ко мне директор. — Неси свою находку.

Все затихли и широко открыли рты. Я понесся стремглав к озеру. Там я отвязал от коряги пакет с пятью сургучными печатями и побежал назад к ребятам. В высоко поднятой руке я держал пакет, который все искали.

— Победа! — кричал я. — Мы победили! Да здравствуют зубры!

Ребята из моего класса ликовали. Поездка в Беловежскую пуцу была у нас в кармане.

А на Мишку и Витьку Мелюха набросились свои ребята и чуть было не поколотили. Но за них вступился Борис Михайлович.

— Сами виноваты. Отказались от Валерки, чего ж сейчас кричать...

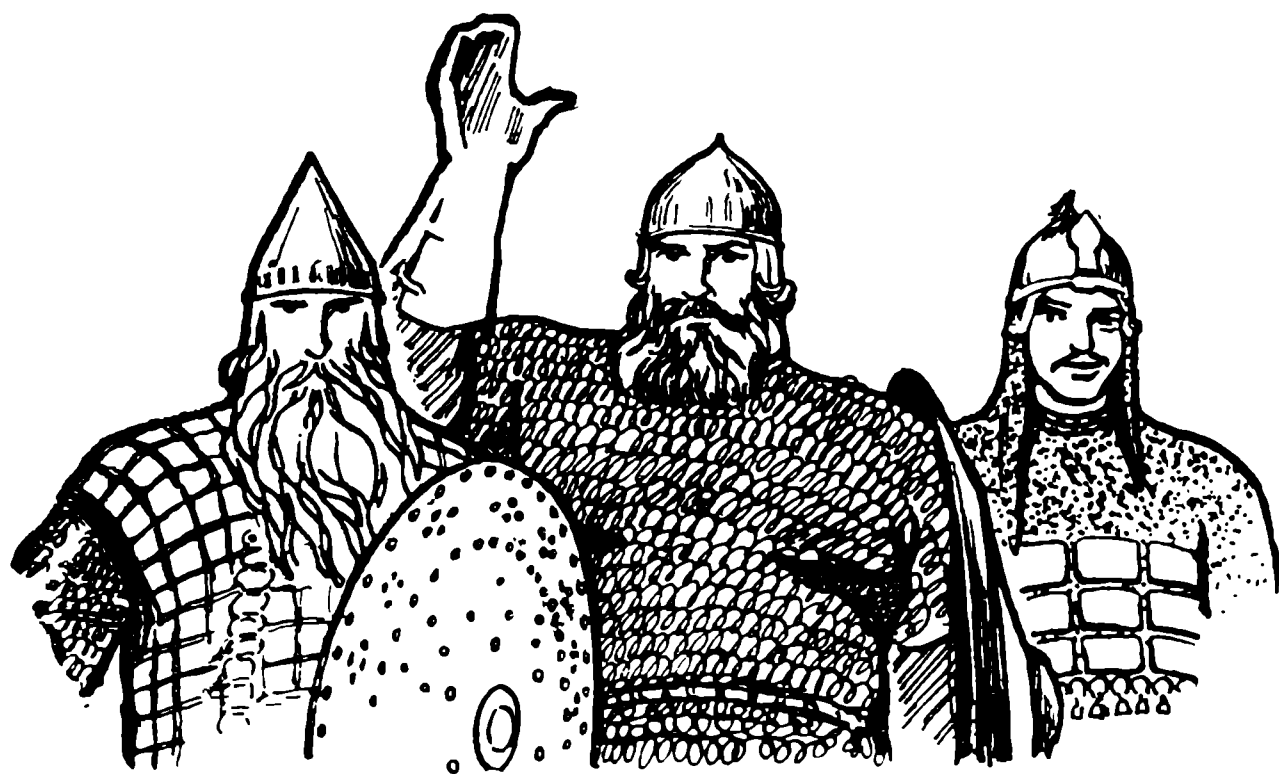
Я стоял в окружении радостных, сияющих ребят, так хорошо и давно мне знакомых.

— Тише, — сказала директор, и все ее услышали и замолчали.

— Слушайте, — Екатерина Моисеевна разорвала пакет и вынула лист бумаги. — «Самым дружным, самым смелым и самым стойким в награ-

ду — первое место в дружине и поездка в Беловежскую пущу», — звучно прочитала директор.

Мы снова закричали «ура!», и, казалось, сосны вздрогнули от нашего крика. Я оглядывал счастливые лица ребят. И вдруг мне почудилось, что за спиной директора появились три богатыря. Они весело подмигнули мне, как своему парню.

ОГЛАВЛЕНИЕ

«Растолкайте вы этого на- рушителя...»	3	Рукопожатие под фонарем	88
Частнособственнический рельс	7	Золотой денек	93
Боятся ли собаки щекотки?	14	«А вы — к директору...»	96
Я объявляю голодовку . . .	18	Прощальный спектакль .	99
Могло случиться «тако-о-е»!	25	Придет?.. Не придет?.. . .	105
«Три богатыря»	28	Мы с Чапаем летим в атаку	110
Как я утешаю маму	31	Галка вырабатывает ха- рактер	115
Что умеет новенькая	33	Семка стоит как лев	120
Аэродром Генки Правиль- ного	37	В середине двадцатого ве- ка...	125
Операция «Акбар»	42	Все довольны, кроме... . .	130
Как меня «втягивали» . . .	49	Между «А» и «Б»	135
Семка жертвует шевелюрой	54	Костер показывает язык	140
Мороз, солнце и...	58	Один в лесу не воин : . . .	145
Я пожимаю плечами	64	Пакет с пятью сургучны- ми печатями	150
Болезнь — не мое призвание	68	Разговор с самим собой . .	154
Вот так встреча!	73	Три богатыря подмигива- ют мне	158
«Великолепная семерка»	78		
Из пустого в порожнее . . .	83		

Машков Владимир.

Между «А» и «Б». Для среднего возраста. Минск, «Беларусь», 1966.
164 с. с илл.

Р2

Редактор М. Герчик. Художественный редактор В. Жиженко. Технический редактор Н. Степанова. Корректор Р. Мозшович. АТ 08650. Сдано в набор 29/XII 1965 г. Подп. к печати 10/V 1966 г. Тираж 50000 экз. Формат 60×84¹/₁₆. Бум. типогр. № 2. Физ. печ. л. 10,25. Усл. печ. л. 9,63. Уч.-изд. л. 6,5. Заказ 1311. Цена 29 коп. Полиграфический комбинат им. Я. Коласа Комитета по печати при Совете Министров Белорусской ССР. Минск, Красная, 23.

29 коп.

